Тимофей АЛЕКСЕЕВ

Глазами Дьявола и Бога

РОМАН

Часть 1

шатун

Глава1

Лесной пожар, остановленный по кромке мужиками из лесоохраны, не погас, хотя перестал трещать сухим валежником и душить запахом горевшей подстилки. Дым стал более чёрным, смолёвым и уже не стелился по земле, а поднимался в небо жаром, как в русской бане по-чёрному. В середине пожарища огромными свечами горели сухостойные, подвергшиеся шелкопряду кедры, освещая ночную тайгу, словно небольшой городок, и потом подгоревшие у основания деревья с глухим стоном падали на выжженную до песка землю, поднимая в тёмное августовское небо миллионы искр и оторванные куски пламени. Само пожарище, окольцованное минерализованной полосой, чадило только в низинах ядовитым запахом багульника, от которого кружилась и болела голова.

Две группы десантников – пожарных вывезли на другие, не остановленные пожары куда-то под Новый Васюган, а здесь, на старых шелкопрядниках, оставили группу из четырёх человек на окарауливание. Работа после трёх дней изматывающего труда сейчас казалась курортом. Ходи себе по неглубокой прокопанной полосе да присыпай песочком подобравшиеся островки огня.

Сколько здесь сидеть Егор Гончар? Полагал дней пять, не меньше. Пока вся кромка не отгорит… Вот если бы главный пожарник прилетел - дождь! Так нет - небо без единого облачка. Хотя задымление шло ещё от других пожаров так, что и облака не увидишь, но солнце просвечивало сквозь дым красным – значит, облачности нет. Егор это знал: как говорится, не первый год замужем. Во всех лесные районах России почитай побывал, редко выпадало дома тушить, в родной Сибири, как нынешним летом - всё по командировкам, от Магадана до Архангельска. А нынче, конечно, лафа: и прыжки, и спуски есть, и через восемь дней в баню везут на родное отделение. А дома, конечно, всегда хорошо: после бани выпивка, да и на следующий день тоже. Да считай пока снова на пожар не увезут! Правда лётнаб был уже немолодой и поэтому ушлый. Долго своих на отделении не держал: день на баню, день на опохмелку - и опять грузил мужиков в пропахшее керосином брюхо вертолёта. Рассуждал веско да, наверно, и правильно: хотите год за полтора - прыгайте, а не хотите - вольному воля. Заявление на стол - и на все четыре стороны!

Оставлял в патрулирующую дежурную группу чужих, командировочных: те хоть ночью пили… Пока начальства нет.

Егор присел на край минполосы, прикуривая сигарету от горевшей рядом ветки. Скучно для него было сидеть на месте. За десять лет привык к перемещениям, и после трёх дней на одном пожаре душа просила новых мест, где еще не был, или даже был, но давно. Работа ему нравилась. Вот если бы ещё платили побольше! Ему, как казалось, хватало, но жена была не довольна. Понимать её Егор понимал, но, сколько бы она ни просила его уволиться (заработок в сто двадцать рублей можно и в селе найти, и притом всегда дома), на её уговоры и иногда даже слёзы не шёл. На этой работе он был как рыба в воде. Тайга, рыбалка и охота, да ещё и деньги - хоть маленькие, а платят. Да и стаж к тому же лётный идёт! Правда, летом пахать приходится временами - никто не позавидует! Инструмент у лесного пожарника в основном один: лопата да топор… Много за эти годы он земли перекидал и, наверно, цистерну воды болотной от жара да жажды выпил, только и мысли уйти из лесоохраны никогда не было, даже по молодости. Ведь когда над тайгой летишь, которой конца и края нет!.. Разве может такую красоту что-то заменить?! Тёплая кочегарка или сторожка? Да нет… От одной картины раздолья и нетронутых мест душа поёт!

Раздумья Егора прервал хруст ветки в нетронутом молодом пихтаче за минполосой. Он привстал, взяв в руки лопату, прислушался: почти не слышный шорох травы и хруст мха удалялся от него. Кто же был рядом: зверь или человек? Идти следом не имело смысла: ружьё на таборе. Но всё же любопытство взяло верх. Прошёл в пихтачи и после недолгих поисков нашёл сломанную ветку и след примятого мха, кое-где содранные жёлтые иголки на нетронутой подстилке. Только удивился: след-то был не звериный, ни когтей, ни копыт. И как будто кто наблюдал за ним, стоя у ветвистой от самого основания пихты: на ветках нашёл смятые хвоинки в человеческий рост. Кто-то держался за них, наблюдал за ним. Вот и на земле оторванные зелёные иголки. Почему-то по спине пробежал озноб. Людей здесь, кроме своих, нет никого, а свои бы оставили след кирзачами.

- Кому надо следить? – проговорил вслух и оглянулся. Потом крикнул: – Ты какого хрена там прячешься?

Только в ответ тишина - хруст и шорохи пропали. Лопатой содрал кору на пихте, сделал отметину и направился дальше по минполосе. Вечером на таборе, когда все собрались у костра, гремя кружками и ложками, Егор внимательно осмотрел обутку товарищей.

- Кто сегодня в кроссовках ходил? – задал вопрос, хлебая жидкую надоевшую за пожары лапшу.

- А ты что инженер по технике безопасности? – вопросом на вопрос ответил инструктор группы Семён Кобылин. – Ну, я был в кроссовках, и что из этого?

- Ты не в счёт! Ты же даже под спальник мочишься, куда тебе ходить…

Задетый за живое Семен бросил обидчиво:

- А я тебе не Улукиткан - по тайге лазить, - но любопытство пересилило обиду: - А в чём всё же дело?

- Да мне показалось… Есть здесь кто-то! Может, и поджигатель…

- Нет, поджигатель здесь один - гроза. Дерево разбитое, наверное, сгорело, а вот щепа осталась, только метров на триста разбросало, за минполосой куски даже находил.

- Да знаю я, Семён… Только кто-то следил за мной… Завтра с утра пойду, может, и разыщу… А может, и не было никого… Показалось…

- Не ходил бы ты, Егор… Кому надо - сам выйдет, - подал голос самый старый пожарник в группе Володя. – Может, зэк какой. Помнишь, на Урале, в Ивделе, сколько по лесам их тогда шарилось: и росконвойных, и беглых. А десь тоже зона недалеко, в Мариинске.

- Так там женская колония…

Семён мечтательно закрыл глаза.

- Вот бы эту зэчку найти… Можно бы покувыркаться… Дома-то не успел, не до этого было.

- Да где уж нам дома: то пьяный, то… - хохотнул Гончар, – то некогда.

И как всегда разговор, с чего бы он ни начинался, какие бы проблемы ни поднимались, съезжал на баб. И начиналось… Глаза у мужиков блестели уже другим блеском! Вот уж воистину говорится: дома - о работе, на работе - о бабах.

Не участвовал в трёпе только Вовка Соловей. Он старался избегать таких разговоров. Жил долгое время один, сына вырастил, а где его мать, куда делась, никогда не говорил. Странный он был, чудаковатый. Верил всему! Верил, что в газетах пишут, что по телевизору показывают, что люди говорят. Сам-то за свою жизнь никогда, видимо, не врал и думал своей лысоватой головой, что и никто вокруг не врёт. Покупался часто на объявления в газетах, мечтал на экстрасенса выучится, и даже раз ездил в город далёкий на Урал учиться. Только и там его обманули: деньги забрали, а на руки квитанцию выдали за учёбу на курсах. Сертификат, сказали, по почте придёт. И он уже пятый год ждёт его и верит.

Однажды во время тренировок перед пожароопасным сезоном на областной авиабазе Гончар Соловья подбил по пьянке, что тот и без сертификата лечить может.

- Просто у тебя никогда не было… - он с трудом выговорил заплетающимся языком, - ме – не – джера…

И, выпив ещё стакан водки, объявил ошеломлённому и не понимающему Володьке, что он будет его менеджером.

В комнату, где жили Соловей с Гончаром, повалил пьяный народ, куда Егор согнал их, объявив, что он является представителем белого мага и что только сегодня приём ведётся бесплатно. Ну, а если кто хочет уважить целителя, подношения принимаются в жидкой валюте. Кто кого потом лечил - неизвестно. Володька вёл приём в комнате, а Гончар по коридору, закатав рукава и растопырив пальцы, ходил с остекленевшими глазами и кричал, какой от рук у него исходит целебный жар, и лечил кому ломанную спину, кому хандроз, а с иных даже снимал сглаз, плюясь на все стороны.

И уже через год во всех авиабазах страны ходили анекдоты о томских десантниках – целителях, конечно, приукрашенных на славу. И когда они сами об этом слушали, диву давались. Умеют ведь сочинять у нас! Соловей, тот по своей стеснительности на расспросы о лечении смущённо говорил: «Врут! Слушаете их…» Егор же наоборот - не отрицал! Говорил серьёзно, что они владеют редким даром. Только вот беда: на трезвую лечить не получается - энергия не та! И нередко будучи вывезенным с пожара ходил часто на веселях. А в некоторых таёжных посёлках, услышав о целителях, даже потянулось местное население. Несли самогон, медовуху, а то и просто брагу. Улыбаясь себе в усы, Егор никому в лечении не отказывал.

Так прошла пара лет. Но вот оказавшись как-то опять в таёжном Напасе, к нему подошла женщина, которая лечилась у него однажды и дала

веру ему в себя, но и посеяла в душе сомнения. Сказала, что после его лечения навсегда забыла о своей болезни и больше не обращалась к врачу. Гончару обрадоваться бы, а на него снизошла тревога и чувство вины. Шутки его сразу кончились. На трезвую голову подумал: «Что же он делает? Страждущим даёт надежду, в которую и сам-то не верит. Дурачились, а оно вон как вышло…» Часто, оставаясь один, рассматривал свои ладони с длинными, как у пианиста, пальцами, и закрадывалась мысль: «А вдруг… правда?» Только случай однажды развеял его неверие. Только тогда самому страшно стало. Разве так бывает? Ни образования медицинского… Да и вообще восемь классов кое-как закончил. Портфель, бывало, в сарае спрячет, а сам в кочки да тальники петли на зайцев ставить. А то на Мотофлот убежит, на Чулым да Кию смотреть, когда весенний лёд пойдёт. Бывало, по пятнадцать дней ждал, пока отец однажды не выпорол ремнём. Только любовь разве ремнём выбьешь?.. А тут что же получается? Что он и впрямь целитель? От одних только мыслей и то озноб по спине.

Только случай с парашютистом глаза ему открыл. Тот после перелома позвоночника по всем врачам да бабкам ходил, только проку мало было. И сидеть бы ему вскоре в инвалидной коляске, если бы не Егор. Тот, как всегда изрядно принявший, предложил сам свои услуги, и в первый раз мужики на отделении заметили, что не улыбался Гончар в усы. Глаза правда были как и всегда стеклянные, только руки как бы знали своё дело, как бы двигались помимо воли самого Егора. Движения плавные в пяти миллиметрах от тела… Не давил, не мял и не касался, как врачи в больнице и бабки – костоправки. Но почему-то спина больного парашютиста стала пульсировать, мышцы заходили под кожей, и сам он весь покрылся потом. Потом не вытерпел, закричал, что горит всё у него, будто Егор его горячим утюгом гладит. А Егор сам после этого упал на койку дежурного радиста и как бы никого не слышал и не видел. Только произнёс, глядя в потолок, давно не беленый: «Про спину забудешь…» И что странно: все, кто рядом находился, не узнали голос его, будто незнакомый человек это говорил, а не Егор. А он пролежал до вечера и не проронил ни слова. Смотрел на всех остекленевшими глазами, голубыми, как то самое небо, которое он любил во время весеннего ледохода над Мотофлотом.

Утром, закинув казённую одностволку за плечо и тощий рюкзак с провизией, попрощался с единственным, кто проснулся и вышел проводить, – Соловьём.

- К вечеру буду…

- Да, может, нет никого здесь, Егор?

- Есть. Я в тайге всё кожей чувствую, ты же знаешь.

- Знаю, вот потому-то и поостерегайся, – Соловей замолчал на секунду. – Я об этих местах ещё от отца покойного слышал. Только надо ли в дорогу говорить?

- А чем эти места плохи?

- Люди здесь, Егор, пропадали…

- Да когда это было, Соловей – Соловушка?! Да и мало ли людей в тайге сгинуло? Вот два года назад помнишь? В Западно-Сибирской базе парашютист Вертопрахов с пожара прямо пропал. Только что из этого?

- Так вот как раз в аккурат в этих местах, Егор… Тут до Пихтовки рукой подать, а они там на пожаре сидели.

- Так там что-то неладно было… Мужики говорили: он под взрыв на минполосе попал… А может, и повздорил с кем?

- А кто видел? Туда даже из ФСБ люди приезжали… Ничего не нашли. А это всё пьяный трёп был, что куски энцифалитки на деревьях висели и кишки на кустах… Не верю я в это. И что с ума он сошёл, тоже не верю. Я Вертопраха ещё по Тюмени помню, пару недель вместе по пожарам мотались. Не скрою: темнила был! Только он сам кого хочешь с ума сведёт… Грамотный! Образование высшее...

- Грамотный - это не значить умный, Соловей! Вот и пойду этого Вертопраха поищу! Я что тебе, Кобылин - спальник шоркать? – поглядел на светлевшую кромку леса. - А если не успею выйти до вертолёта – костры запалю… Найдёте.

От отмеченной пихты пошёл Егор в сторону предполагаемой реки. Когда ещё кружили над пожаром на МИ – 8, Гончар заметил на вираже далеко блеснувшую излучину, а идти к ней он решил ещё сегодня ночью. Если какой и был человек вчера у минполосы, то жильё его однозначно будет у реки или озера. А может, это и вообще не человек – рысь, например. Шаг у неё мягкий, подойдёт - не услышать, да и увидеть, тоже летом не увидишь. А зачем пошёл? Засмеялся: надоело на одном месте сидеть, опять же и рожи одни и те же кругом. За долгое лето все разговоры переговорили, на несколько раз, как через сито муку, перетрясли. Это в начале сезона хорошо. После долгой зимы встретишься, погуляешь, как водится, и воспоминания на всю ночь. И тут же взгрустнул. Нынче горестное воспоминание было по весне в группе. Дружок Петро Губарев, весельчак, балагур и горлопан, не дожил до нового сезона. Тихо по осени ушёл из жизни… Вечером погулял немного, а утром только и успел сказать жене: «Что-то плохо мне… Только ты, Валь, не горюй…» Самого главного не успел сказать. Кто-то не дал, видно, покаяться. А может, и не хотел каяться… Может, хотел прощения попросить. При жизни-то с женой грубоват был, только прощения никогда у неё не просил, считал всегда себя правым. Как мужик он правильный был! Работать - так работать, чтобы энцефалитка солью от пота пропиталась, а гулять - так гулять, до песняка и пляски. Шумный всегда был, порой бесстыдный - где он, там хохот. А ушёл тихо, совестливо…

Егор от воспоминания присел на пень поваленной берёзы, закурил, пуская дым себе в усы.

- Старый что ли становлюсь? – проговорил вслух. - Воспоминания словно паутина…

Растоптал окурок каблуком, вкрутив его в самую землю, поддёрнул рюкзак и зашагал по склону. Следов вчерашнего пребывания человека не было. Зверя было много до пожара, только дым видно выгнал из родимых мест. Муравейники, медведем разрытые, уже по новой почти отстроены.

К концу дня набрёл на небольшой ручей и пошёл по его течению. Стало темнеть, и Егор стал подумывать о ночлеге, когда впервые увидел следы пребывания здесь человека. Заросшие берега ручья были в иных местах в глубоких обвалившихся ямах. По виду ямы были давние, даже очень давние, на глубине только видно было землю без дернины, да и то это потому, что весной в разлив в них долго стояла вода. В некоторых ямах видны были лиственничные столбы, почерневшие от воды и времени. Стало темно, и разбираться, кто и зачем это строил, Гончар не стал, потому как почувствовал, что река где-то совсем рядом. В прогал ручья тянуло свежим влажным ветерком. Где–то далеко кричал ворон, одиноко и хрипло. Тайга уже уснула и стала неприступной и пугающей. Запинаясь в темноте о корневища и матерясь на ветки, бьющие по лицу, Егор чуть не свалился под обрыв берега.

Осторожно спустился, держась за поваленное в половодье дерево, на неширокий песок. Над водою уже курился туман, и противоположного берега, как ни всматривался Гончар, - не увидел. Собрал плавник у основания песка и запалил костёр, но и костёр не раздвинул горизонтов – наоборот, окутал всё темнотой, но у огня пропала влага. На время замолчавший ворон снова стал кричать, как бы привыкнув уже к присутствию человека и огня.

Утро Гончар встретил ознобом. Костёр давно прогорел, и утренняя речная влага пропитала энцефалитку и толстый свитер, одетый ночью. Собирая дрова, думал: «Зря фуфайку не взял – дело-то уже к осени!». Оглядывая песок, не обнаружил никаких следов. И в голову закралась мысль, что ошибся всё-таки в первый раз. Казалось, подвело его чутьё. Оглядевшись по сторонам, решил после завтрака, если так можно было назвать крепкий чай и три-четыре сигареты подряд, под которые почему-то хорошо всегда думается, что пойдёт к видневшемуся где-то в километре высокому яру с сосновым бором наверху.

Глотая маленькими глотками крепко настоявшийся чай, размышлял о найденных вчера вечером ямах. Похожи на осквернённые могилы или на раскопанные охотниками барсучьи норы. Только барсуки норы на сухих местах делают, да и кладбища тоже на взгорках. А тут все ямы в пойме! Чувствовал, что что-то не стыкуется, не понятно было ему… А когда не понятно, любопытство у него просыпалось. Значит, где-то деревня какая-то была или высел - кто-то ведь копал? Перед уходом с пожара ещё вечером детально изучил лесоустроительную квартальную карту. Но километров двадцать отмахал, а ни одной просеки не увидел. Скорее всего, лесоустроителей в этих местах лет сорок не было. По старым картам новая составлена да по первым аэрофотосъемкам.

- Вот и верь после этого картам, – и сразу, как будто из ниоткуда, пришёл ответ, который засел у Гончара в голове. - В себя надо верить…

Он даже покрутил головой, как бы стараясь увидеть, откуда пришёл этот ответ. Потом выплеснул остатки чая на песок, собрал вещи и поднявшись на крутояр, цепляясь за то же поваленное дерево, по которому вчера спустился по темноте, двинулся берегом в сторону бора.

На краю сосняка, на чистом взгорке, огляделся вокруг, и дух перехватило. Река под поднявшимся утренним солнцем была голубой в обрамлении белых нетронутых людьми песков, и стояла такая звенящая тишина, что Егор непроизвольно схватился за уши.

- Красота… Мать её!.. – невольно вырвалось у него. – Вот бы где жить надо!

И уже про себя подумал:

- Только почему же здесь люди не строились? Интересно…

Часа полтора он шёл по краю бора, пока обрывистый материк постепенно не перешёл в низину, где сменился жёлтый исполинский сосняк на тёмный кедровый лес. И деревья стояли уже далеко друг от друга, огромные, в два обхвата толщиной, стояли молчаливо, не подвластные ветру среди жёлтых полян. Еле заметная тропа уходила вглубь кедровника. Гончар, закурив, направился единственной тропой.

Чем дальше уходил в глубь, тем больше ощущал беспокойство. Лес становился гуще, а деревья тоньше, и среди молодого кедрового подроста уже еле-еле проглядывалась тропа. Стало сумрачно, солнце не прохватывало до земли сквозь зелёные густые кроны, а лишь изредка косыми лучами через ветви резало глаза, отчего в темноте леса сразу терялась тропа. Но наконец,

будто вынырнул он из тёмного зелёного омута, перед глазами открылась круглая поляна с тремя строениями.

Дома были небольшие, почерневшие от времени, с выступавшей янтарной смолой на углах. Тёмно-красная дранка на крышах местами стала чёрной, местами зелёновато сахарной от растрескавшейся смолы. На первый взгляд строениям было лет сто, но ни один дом не покосился и не накренился. Егор, оставаясь на кромке леса, оглядел высел и не заметил присутствия людей. В самой дальней избе, стоящей как бы на отшибе, он сразу узнал баню - по черноте брёвен над дверью, а жилую избу - по единственному окну на восток. Вот у жилой избы и присел на крыльцо, сбросив рюкзак и ружьё. Нутром почувствовал покой, а с ним редко такое бывало. К красоте сильно никогда не приглядывался: некогда было, многие годы азарт им охотничий правил. Бывало по красивейшим местам ходил, капканы ли ставил или белковал. Только вот башку задрать да оглядеть те места - времени на это не хватало. Осенний день, он короткий - бежать надо, не то ночь застанет, под вывортнем ночевать придётся. А тут как будто первый раз всю красу воочию увидел и даже растрогался: нагретый тёплый крылец ладонью шершавой погладил.

В доме к его лирическому настроению примешалась тревога. Странно! Где бы он ни был, везде видел следы цивилизации: газеты, бутылки и сигаретные пачки. Здесь же - наоборот. Увидел только то, что показывают в старых фильмах да что у прабабки видел в раннем детстве. Крынку на столе, горшки глиняные на припечке да фонарь керосиновый на матице. Нары высокие для тепла, шкуры на них лосинные, мышами изъеденные. Давно, видно, люди отсюда ушли да и не бывали больше. А вроде и река рядом…

Походил по комнате, походил и вышел. Вроде как на улице легче, не так тревожно. По углу забрался на потолок дома и чуть было кубарем не скатился обратно. Пересилил страх перед домовиной лиственничной, открыл тяжёлую крышку, надеясь увидеть кости. Только домовина была пуста, за исключением кожаного мешка-сидора с лямками. Отбросил крышку, вытащил тот сидор на свет божий, и почему-то руки затряслись. Развязать сначала хотел, потом испугался. А вдруг там что-нибудь непотребное? Рассказывали мужики иногда страшные байки, одна запомнилась…

Случилось это в Якутии. Также вот набрели пожарники на зимовьё в тайге да нашли какие-то вырезанные куклы из дерева, расшитые оленьим мехом да раскрашенные. Экзотика! Принесли на табор. Только вечером из соседней якутской группы инструктор заходил в гости и, увидев находку, сказал, что вернуть всё на место надо, так как живым нельзя это хранить. Не послушались... В эту же ночь их табор огонь обошёл. Сгорели. Вот и не верь после этого. Не сгорел тот, кому эта кукла не досталась – повару. Один из группы остался.

Но любопытство взяло верх. Разрезал тесёмку кожаную и вытащил на свет божий несколько книг толстых амбарных да большой крест, блеснул он золотом в полутьме чердачной.

- Мать частная! Неужто настоящее золото?

И вновь голос как бы из ниоткуда:

- Это не золото… Это крест.

Заозирался Гончар, выглянул в слуховое окно. Тишина на поляне, никого нет. Только голос ведь явственно слышал! И снова озноб по спине. Сел, привалившись спиной к домовине. Мысли почему-то в голову пришли нехорошие. Вспомнил, или читал где, или кто-то рассказывал, что чужой крест

поднимать нельзя, судьбу чужую поднимешь. Но тут же за другую мысль, как за палочку выручалочку, ухватился: так крест же не нательный… И уже вслух:

- Да сказки всё это! – повертел крест перед глазами. – Да и кустарно отлит…

И опять мысли поползли левые.

- Сколько же он стоит?

И снова голос из ниоткуда

- Узнаешь… Деньгами не измеришь…

Отбросил крест в сторону, раскрыл книги амбарные. Письмо старое, читать трудно, чуть не в каждом слове на конце твёрдый знак. Отдельные слова можно было разобрать, почерк тонкий витиеватый. Чернила почти выцвели, но если при хорошем освещении - прочесть можно. Подумал: «Возьму с собой! На пожаре делать сейчас нечего, может, интересное что написано…» Только вновь страх в груди шевельнулся: «А можно ли?» Страх не за то, что без спроса взял не им в домовину спрятанное. Хозяина этих вещей в живых нет. Был бы - такое добро не оставил. А страх, что вещи могут быть и с заклятием… Только крест в килограмм весом опять у Гончара в руках - это тебе не какой-нибудь цветмет. Тут и машина, и квартира… И вдруг почувствовал: как бы не своими мыслями думает.

- Да к чему мне квартира? У меня же дом свой! Да и машина без надобности… Только и оставлять такое богатство кому?

И опять будто чужой голос, словно сверло мозг сверлит.

- Да никому ты не оставишь! Это против сущности человеческой, а разве против природы пойдёшь! Захочешь продать - не продашь! Потому как цену не знаешь, продешевить побоишься! Твой это крест! Нашёл, в руки взял - вся теперь беда от этого… Даже если не возьмёшь, обратно в домовину бросишь и уйдёшь, так покой потеряешь…. Ночами спать перестанешь, злоба в тебя вселится и на себя, и на людей. А потом всё одно придёшь! Бегом прибежишь, да ещё в тебя вдобавок страх нахлынет – вдруг найдёт кто? Возьмёшь…

- Да неужели здесь оставлю! – чуть не во весь голос крикнул Гончар, чтобы освободиться от сверливших его мыслей. – Оставлю - первый дурак на деревне буду!

Засунул обратно амбарные книги в сидорок и скинул с чердака. На крыльце всё аккуратно сложил, крест в чистые портянки завернул, вскинул рюкзак на плечо и пошёл обратно, даже не обернулся. Сам не понимал, отчего так тяжко было в груди. Вроде и радость - богатство привалило! А нет! Что-то тяготило, то ли тревога какая, то ли что чужое впервые в руках оказалось.

- Да ничьё ведь это, - подумал. – Ну, не я, так другой бы взял…

И чтобы окончательно отпустили тяжёлые мысли, заорал песню на всю тайгу. Свою любимую, которую пели, наверно, все пьяные пожарники:

- Под крылом самолёта о чём-то поёт,
  Зелёное море тайги!

Шёл скорым шагом, насколько можно было идти по тайге. Спешил, хотя бы к началу ночи вернуться на табор. Шёл и пел, порой просто орал, пугая за весту зверей и птиц, пока не охрип. Грудь распирало от чего-то непонятного, а то наоборот - холодком её обдавало, словно и не лето на дворе. Не заметил, как отмахал обратный путь. Да и не зря поговорка есть - дорога домой, она короче. Только начало смеркаться, как уже услышал стук топора о сухую лесину. Звук этот в лесу особый, гулкий, который переплетается с тонким звоном остро оточенного жала. Но только услыхать этот звон можно,

когда ты не рядом со стучавшим, а далеко. Эхо этот звон поднесёт тебе, как звон поющего хрусталя. А рядом слышен только гул сухой лесины…

Крикнул в сторону звука, чтобы кто-нибудь не спутал его со зверем да не шмальнул со страха в сумерках. Всяко бывает… В ответ стих стук топора, и через несколько секунд долетел до него крик Володьки Соловья.

- Егор!

Эхо подхватило голос, понесло по темнеющей тайге, и будто футбольный мяч бился крик о высокие вершины кедров и пихт, удаляясь и меняя глас:

- Егор…Вор… Ор..

От такого откровения эха мурашки поползли у Егора по спине.

Вышел к табору Гончар, ощерился в улыбке.

- Заждались!

- Да ещё бы ходил, нам только в радость, – зевнул выползший из своего полога Кобылин. – Чо ходил-то? Тут Соловей без тебя только заскучал, не поёт, не ест - не пьёт.

- А не заткнулся бы ты, Семён? – Егор прищурил брови – И что ты за скотина такая? Ни встретить, ни приветить, только спать да пить в промежутке.

- Это в каком промежутке? – не понимая Гончара, удивился Кобылин.

- А это ты дома у бабы спроси про промежуток, - заржал конём Гончар.

- Да пошёл ты! – не понимающе - Всегда подсидеть меня хочешь…

- Так тебя не подсидеть, - уже трясся тощим животом Егор, - тебя подлежать надо, а я другой ориентации.

- Что, бессонница что ли? – Семен спросонья тупо уставился на Гончара.

Гончар уже смеялся широко раскрыв рот, и вместе с ним смеялись все, кроме инструктора Кобылина. Давясь смехом, с покрасневшим лицом, еле выдавил:

- Я с мужиками, Сеня, не сплю.

- Ну, как всегда, умного от тебя не дождёшься. Ориентации он другой… - и вдруг понял приподнялся и сел. - А я что, по-твоему, пидор?

- Да ладно, Сеня, шутки не понимаешь, - миролюбиво протянул Егор. – Двое суток почти ни с кем не разговаривал, вот и понесло меня.

- Лучше бы пронесло, - ворчал Семён. – Сплю много… Так это оттого у меня сон хороший, что совесть моя чиста.

Семен встал,и направился к костру, не прекращая ворчать:

- Меня ведь где оставишь, там и возьмёшь!.. Не то что некоторые!.. Шастают где ни попадя!.. Потом ищи их по тайге…

- А ты прям кого-то искал, - Соловей недовольно посмотрел на Семёна. – Ты ведь больше начальство привык искать. Командир, мать твою!..

Семен хотел было осердиться и даже повернулся к Соловью, но раздумал. Такие перепалки под конец сезона не впервой. И что зря глотку драть? Налил себе в литровую кружку чая и, отвернувшись от Соловья, стал пить. Вообще, скандалов он не любил, был беззлобный, но вместе с тем бесполезный, и сам это понимая, вовремя останавливался. Работягой, как Соловей и Гончар, он себя тоже не считал. А попреки, что с лётнабами он часто хороводится на авиаотделениях, отколовшись от своих… Считал их не заслуженными, и даже унизительными! Он, может, из-за своей десантной группы здоровьем жертвует. Пить с начальством приходится во время дождей дня по три - это какое здоровье надо?! И потом глядишь - лишнее задание на какой-нибудь давно потухший пожар. Опять чем плохо, если и тушить ничего

не надо. Прилетел - и сиди… Он, можно сказать, им отдых устраивает, а погляди - недовольны. И уже вслух произнёс, отдавшись своим мыслям:

- Нам хлеба не надо! Работу давай!

- Семён, ты чего это? Задремал? – опять ощерился в язвительной усмешке Егор. – Ты лучше скажи, когда вывезут. Пора бы и в баню…

- А тебе что, не терпится? - и уже миролюбиво, ему тоже до чёртиков надоело сидеть на комарах и мошкаре да и ругаться даже было лень: - Завтра борт, мужики, сегодня с облёта Батяйкин передал. И материл, кстати сказать…

- За что материл? – наперебой, удивлённо заговорили десантники.

- Да я сказал, что все на пожаре… А он сапоги с самолёта все посчитал, что у палаток стоят! Сколько раз говорил, чтобы сапоги убирали во время облёта. Так вы же все грамотные! А я на этом уже зубы съел, нынче ведь уже на пенсию… Ох, лишит он нас когда-нибудь премиальных! И так ни черта платить не хотят!..

Почти половину ночи Егору не спалось. Только, кажется, начинает окутывать дрёма, как перед глазами становится поляна с тремя домами. И сначала начинал вроде думать. Кто же жил в этих трёх домах? Сходить в два дома он так и не успел, из-за этой чёртовой домовины с крестом. Хватил оттуда, словно головёшку ему под хвост сунули. Ладно бы от страха перед домовиной - что он, гробов никогда не видал или покойников? А тут другой страх подкрался: вдруг кто явится? Может, кто про крест тот знает, да и не берёт по каким-то соображениям. А вот он, Егор, не утерпел, польстился… И сам непроизвольно прощупывал под головой спальника свой рюкзак с крестом и книгами, при этом ощущая в груди странный жар. И начинал вдруг ловить себя на мысли, что он почему-то перестаёт доверять Соловью. А если он познает или увидит? А ещё хуже украдёт! И тут же осекал себя и еле слышно плевался и матерился от своих мыслей.

Потом, уже днём, в вертолёте, под монотонный свист турбин и шлёпанье винта, уронил голову на свой рюкзак и заснул в лихорадочном сне. Снились ему почему-то большие черные птицы. Сначала он подумал, что это вороны поднялись с окровавленной лосиной туши. Но чем выше они поднимались, тем больше становились, пока их черные блестящие крылья не закрыли весь небосвод. А он стоял, тяжело дыша от бега, ошеломлённый, над убитым им сохатым, который со смертельной раной пробежал почти километр. И не успел: перед ним торчали белые со следами крови рёбра, да всюду по белому ягелю виднелись, словно кровавые верёвки, растасканные птицами кишки. А небо шумело крыльями, и стоял ранее не ведомый ему гомон огромных птиц. И когда проснувшись увидел яркие солнечные лучи в иллюминаторе, ему на какое-то мгновение показалось, что он ослеп. Лучи солнца вдруг стали менять цвет: становились то ярко-красными, то кроваво – багровыми, пока не стали черными, заполнив брюхо вертолёта тьмой. Егор подумал, что это ещё остатки кровавого сна, и провёл ладонью по глазам. В лицо ударил ветер из открытого иллюминатора, а по обшивке весело бегали солнечные зайчики.

- Ты не заболел? – крикнул Егору в ухо Соловей. – Что-то вид у тебя не очень…

- Вид, говоришь… Ты прости меня, Володька… Я как бы не в себе этой ночью был, плохо о тебе подумал, прости… Будто и не я это. Сейчас вспомню - на душе муторно.

Соловей укоризненно взглянул на Гончара:

- А я тебе говорил, что места там гиблые…

- Да места там красивые! А всё, что ночью думалось - так это может и от усталости. В баню надо, Соловей! Я сегодня даже пить не стану! Может, пивка только…

- Зарекалась свинья в грязь не ложиться, – пробурчал сидевший рядом Кобылин. - Только прилетим, радиста пошлю в магазин. Погуляем! Хотя он мог бы и сам догадаться, припасти…

- Это ты про себя, Сеня? – Соловей ждал ответа.

- Да про всех! Один ты у нас тихоня, экстрасенс вымученный! Поди, сам на сам гуляешь? А впрочем, тебе же хуже, на белой горячке женишься…

Соловей отвернулся от инструктора и стал смотреть в иллюминатор. В голове билась одна мысль: неужели Егор нашёл что-то? Отчего разоткровенничался, прощения просил? Мало ли кто и как про себя думает о других. Только ведь молчат! А Егор не смолчал…

Глава 2

Заскрипели ранним утром кованые ворота пересылки, и распахнул Мариинский централ своё пропахшее гнильём нутро, и словно объевшийся волк отрыгнул из себя серую арестантскую массу. А потом, словно в зевоте, скрипуче и протяжно закрыл свою ненасытную тюремную пасть. Промёрзший скрип вновь оборотил на себя серый взгляд исторгнутых, в котором уже не было ни страха, ни радости. Во взгляде была лишь отрешённость и обреченность. Они не чувствовали свежести морозного утра, не чувствовали холода металла на щиколотках и запястьях - в голове ещё стоял спёртый дурман бараков, который парализовал их мысли и чувства. Радость была лишь у тех, которые впервые шли по этапу: они ещё не свыклись с неволей и вонью барачной. Молодым, оно всё по колено, а если велено будет Господом Богом смерть принять, сдохнуть лучше уж в чистом поле.

У пропахшей барачной массы не было лиц, вернее, у неё было одно лицо: одетые в одинаковые серые арестантские шинели, в серые тюремные скуфейки, с одинаковыми по длине и весу цепями. Шарканье и звон заполнили Иркутский тракт, поднялся шум над вершинами сосен, полетел навстречу поднимающемуся солнцу. А под звон, словно убитые горем молодухи, плакали позади обозные телеги. И в шарканье лаптей и опорок вплетались звуки крепких каблуков конвоя да зычный голос: «По-спе-ша-й!». А лязг оружия вплетался в звон кандалов, потому как одно без другого - это только на войне, а в мирное время - почти всегда рядом.

Заря, поднимающаяся над трактом, заставляла прищуривать глаза, резала песком глазные яблоки, вызывая темноту и красные пульсирующие круги. Кто-то прикрывался грязной ладонью, а кто-то вообще не обращал на это внимания. Почувствовавшим слепоту после тёмного барака, им свежий

белый снег казался чёрным, а заря - кровавой. И шагали они по чёрному снегу, смотрели невидяще на зарю, без толку вращая кровавыми воспалёнными белками, лишь изредка, почти по привычке, выбирали рукой слабину цепей.

Но вот, словно ветер в листопадную пору, зашуршала песня каторжан, такая же грустная и безысходная, как поздняя осень. Она кидала в обросшие лица холодным и жёстким крошевом слов, от которых сильнее сутулилась спина и исчезала последняя надежда. А ветер-песня усиливалась, набирала силу и мощь, и уже не казалась печальным шуршанием листвы - она была грозно-устрашающей, как само священное море, о котором они пели. А звон цепей - будто звон битого стекла, но не осыпающийся к ногам, к рваным разбитым опоркам, а поднятый суровым ветром слов - поднимался и крутил над головами серой, одноликой бредущей толпы. Звон резал слух, проникал под серые шинели и затихал, коснувшись души арестантской. А та уже смирилась со своей участью каторжника, смирилась со своим большим сроком неволи, а порой и бессрочной каторгой, остыла и уже не противилась своей страшной доле. Она свернулась в клубок замерзающим путником, сохраняющим последнее тепло, боящимся шевельнуться, чтобы не выпустить в окружающий холодный мир последнее, что у неё осталось.

В разбитой Ларькиной голове хруст снега отдавался болезненно, заставляя прикрывать воспалённые глаза. Погони не было, да и не могло быть: конвоиры не бросят арестантов. Сначала гремели холодными щелчками винтовочные выстрелы, но не прицельно, а так - наугад, в белый свет. Молодой, чуть повыше человеческого роста пихтач и ельник схоронили от пуль Ларьку Вертопрахова. Но болела голова, разбитая о камни, пульсировала, словно там орудовали кузнецы, заковавшие его пару месяцев назад в ржавые цепи. До сегодняшнего дня кандалы напоминали Ларьке своим звоном деревенского бугая с огромным берёзовым бострыком. Бык тот в его деревне отличался злобным норовом, порол бока задремавшим кобылам, за что был закован, словно каторжник. И давно бы пустили его под нож, да потомство давал он хорошее, крепкое - вот и одели ему бострык на железной цепи. А вот Ларька ещё не успел дать потомство: родственники только собирались на Покров сватов заслать к красавице Катерине. А ему пусть не берёзовую оглоблю повесили, но поковали по рукам и ногам, и тоже за его буйный нрав. Но со временем цепи вышаркались до блеска о нары да о суконную арестантскую шинель, и звон стал другим, более звонким и мелодичным. Иногда на этапе, бредя в полудрёме с прикрытыми глазами, он улетал в мыслях в родную деревню, и тогда звон цепей ему казался звоном бубенцов под дугой, куда уже воспалённый разум вплетал и звуки балалайки, и сухие чёткие щелчки деревянных ложек. И на обросшем лице появлялось подобие улыбки, будто он не на этапе, а на ярмарке, куда ездил продавать пушнину и лосиное мясо. И даже в голову входил кураж, как от выпитого вина, делая тело его лёгким, почти воздушным. Только голос конвоира выводил его из этого помешательства, загоняя снова в реальность, с которой, как всегда, приходила злоба, и глаза становились колючими и дерзкими, а витавшая минуту назад улыбка, делавшая лицо Ларьки добрым, уже не предвещала ничего хорошего. И шедшие по бокам арестанты отодвигались от него, не зная, что на уме у неразговорчивого, медведеподобного сокамерника. В первый месяц пребывания в тюрьме, когда Ларька не мог спать и смириться с неволей, бродил по ночной камере и бил огромными кулачищами в кирпичные стены, издавая при этом звериный рык, дали ему прозвище - Шатун.

Весной, на святой праздник, сошлись с урядником на кулаках, так как после Ларьки он самый здоровый был в деревне. Красная крепкая шея бычья, грудь - не одна баба уляжется, глаза татарские, острые, рысьи. Сошлись честь по чести, как и отцы и деды их сходились. Сначала раззадорили себя лёгкими оплеухами, от которых в ушах загудело, да злость в темечке пульсировать начала, словно живая. Потом уже били по-мужски, кто на что способен. Ларька - неторопливо, с оттяжкой, вкладывая в удар не только свою силу, но и внутреннее удовольствие, которое вылетало не то всхлипом, не то утробным всхрапом: «Хек!». Урядник же наоборот - бил коротко и монотонно, словно рубил мёрзлое дерево. Удары достигали цели, но щепы пока настоящей не было, хотя от четырёх-пяти ударов голова Ларьки наполнилась каким-то монотонным звоном и стали проплывать временами красочные круги. Помнит как сейчас лицо урядника Ларька: глаза превратились в щелочки, из которых проскакивали молнии. Где-то в глубине промелькнула мысль: «Добром это не кончится!» Так оно и вышло. Со всей звериной мощью ударил он соперника в грудь, напротив сердца, и увидел, как надломился царёв человек, открылись, может быть, впервые, широко его рысьи глаза, удивлёно. Только вместо зрачков - бельма… Мёртвый уже на землю падал, не мучился…

Опешил вначале: как легко можно человека жизни лишить! Наклонился над павшим, стараясь уловить дыханье. Только грудь урядника в праздничной атласной рубахе замёрзла на вздохе, как и рот его оскаленный, и вместо дыханья струйка чёрной крови, запекаясь, окрасила малиновый ворот, превращая его в чёрный. И тогда, пробивая себе кулаками дорогу среди толпившихся кулачников, побежал Ларька к своему дому и спиной тишину почувствовал. Окончился праздник... А в темени уже не злость билась родничком младенческим, а страх, смешанный с жалостью к убиенному. И покуда в холодную у старосты не закрыли – убёг в тайгу, благо рядом за своим огородом. Прихватил соль с котелком, каравай хлеба да шомполку с провиантом.

Привалился Ларька отдышаться спиной к осине горькой, покрытой зелёной коростой лишайной, а во рту и на душе тоже горечь осиновая, словно кору глодал от бескормицы. Выстрелы стихли, но ещё ветер доносил с тракта звон цепей, а может, просто уже чудился он Ларьке. Последние два месяца со звоном ложился и с ним же и просыпался. На какое-то время перестал дышать, прислушался. И вдруг понял: звон не от тракта доносится, а в голове у него – видно, от падения. Руками ощупал голову - вдруг в горячке не заметил: может, пулей его… того, а не о камни. Но крови нигде нет, только висок опух и саднит. Подумал: «Сейчас бы к бабке Алексане, она бы поправила…»

После неудачной драки многие деревенские мужики к ней голову править ходили. А бабка лечила просто. Деревянное сито заставит в зубы взять, чтобы деревянный круг над головой был, - да как вдарит двумя руками по ситу! Из глаз искры, боль нестерпимая, а глядишь - к вечеру боль головная и уляжется. Знала, что делала!

Ларька закрыл глаза, стараясь отдохнуть - может, боль и отпустит. А в уме опять те роковые дни для него, и тоже болью отдаются, только в груди под рёбрами.

Только всего два дня побродил он тогда в лесу, на комарах да духмяной жаре, и на третью ночь в деревню заявился. Не мог так просто уйти, не попрощавшись с зазнобой Катериной. Страх быть пойманным слабее оказался: глаза карие Катерининны манили, как бы звали через кусты зелёные

за деревенской поскотиной. Только ведь староста деревенский не дурак, да и жандармы с волости - уже ждали… Только на сеновал пробрался, как повалили в остатки прошлогоднего затхлого сена да вязать стали вожжами… Слышал как заголосила Катерина на заднем дворе, кровь в голову ударила, словно хмель. Смел с себя пару человек и ушёл бы, только вожжа петлёй на шее заплелась, задавила, как жеребца строптивого в табуне. Язык почерневший во рту не помещался, силы кончились, и упал, задохнувшись, снова в сено, так и не поднявшись полностью на ноги. Потом, как уже выводили, увидел тонкую фигуру Катерины. Простоволосая, с платочком светлым у рта, а глаза из карих превратились в чёрные…

Ларька, отвалившись от осины, встал на колени и уткнул горевшее лицо в снег, стараясь унять головную боль.

- Так и не дойду… - прохрипел сухими растрескавшимися губами, взглянул на садящееся в тучу на горизонте солнце. – Не дойду… Зря послушал Анисима…

А ещё было у него время, чтобы уйти, - целая ночь впереди. Пока этап дойдёт до следующей станции, а оттуда на поиски беглого служивых отправят только утром. И шатаясь, поднялся, побрёл по неглубокому снегу подальше от ненавистного тракта, вглубь тайги. Тайга, она укроет! Не пугали Ларьку ни лес, ни зазимье - знал он эти места, благо недалеко от родных краёв. Главное для него - на речку выйти, а там и зимовья есть, да и села небольшие. Всю ночь брел, спотыкаясь о спрятавшиеся под снегом корневища, падал и лежал, ощущая моменты блаженства неподвижности, но приходили мысли о предстоящей погоне, и они заставляли его подниматься и идти. С восходом солнца начнётся на него охота, и тогда уже ничто его не спасёт. Рассказывали ему бывалые каторжане в пересыльной тюрьме о том, как ловят и как стреляют. Если далеко от тракта догонят, никто его уже не поведёт обратно. В тайге и оставят без могилы и без креста – птицы да звери похоронят.

Уже солнце поднималось из-за просветлевшей горы, когда излучину реки увидел, сверкнувшую в сосновом прогале леса. Залез под валежину почти на самом берегу и провалился в лихорадочный болезненный сон.

Помочь распрощаться с кандалами помог Лариону сосед по нарам - чахоточно харкающий кровью, с белым, без единой кровинки лицом, лишь иногда вспыхивающим неестественным румянцем Анисим. Лицо его было когда-то давно изувечено ножом, но не выглядело отталкивающим. Седой и почему-то всегда опрятный, несмотря на скотские условия в бараке, он вызывал интерес у арестантов. «Горожанин», - при первой встрече почему-то подумал Ларька. Даже здесь больной и старый Анисим выглядел франтом.

Дружба поначалу не ладилась. А с чего ей ладиться, коли Ларька в душу-то никого к себе не пускал, тем более незнакомых. Бессонные его ночи почти прошли, свыкся, но так же, как и прежде, молчал да лицом темнел от времени. Видел, правда, что сосед по нарам иногда пристально приглядывается к нему, но заговорить не спешит. А потом вдруг тихо так ночью:

- Ты бы, Ларион, не молчал, поговорил. Разговор, он из души тоску уносит.

- А я думал: ты немтырь… - удивлёно вскинул Ларька брови на болезного. – Тоска лесному человеку не ведома, разве что забота…

- Так и с заботой не доживёшь до воли: свалит она, как болезнь.

- А я всё одно уйду, дядька! Вольной птице в клети не дело. – задумался, положив голову на свои огромные кулаки – Ты вот волю-то забыл… По виду-то давно по каторгам.

- Это ты-то птица? – Анисим хрипло засмеялся. – Повеселил!

Ларька приподнялся на нарах, глаза сделались колючими, кулаки сжались:

- Я!

- Не серчай… Воля, милай, - птица! А ты - кукша желторотая!

- И что ж мне тут?.. Ждать, когда крылья отрастут?

- Будешь ждать - не отрастут… Ими махать надо, чтобы сильными были. Тогда только над землёй поднимут. Не у всех, Ларион, получается. Кого пуля свалит, кого - болезнь…

Погрустнел Анисим, глаза подёрнулись мутной поволокой. Сморгнул, кряхтя.

- Я за свою жизнь полетал… Только поистрепал крылья до последнего перышка, а теперь и взлетел бы - так силушки нет. Помру скоро, Ларя…

И вдруг ласково, но сквозившим завистью шёпотом:

- А ты молодой, тебе летать и летать…

Ларька задумался над словами Анисима. И без его слов знал, что надо уходить как-то. Только как? Побег из деревни после убийства - разве побег. Да и никто за ним тогда не гнался, не до него было. И если бы не вызванные жандармы, свои и вязать бы не стали. А здесь уйти не просто, одними кулаками дорогу себе не прошибёшь. А как поймают? Как жеребцу тавро поставят… Все будут знать, чья скотинка! Царёва! Произнёс, на старика не глядя:

- Пока лоб коленным железом не прижгут, так что ли?

- Если правильно советом моим распорядишься, можно и с клеймом жить…

- Что же ты такой добренький, дяденька? Али выгоду свою видишь? Что же сам блох барачных кормишь?

- Чахотка силы съела, золото - разум… А выгода… Знамо, есть…

Закашлялся Анисим, закрывая лицо серой тряпицей и отворачивая голову от Ларьки, потом хрипло начал.

- Последний этап не вытяну, а ты ещё свежий, уйдёшь. Много думал последнее время… Конец свой вижу. Богат я, Ларя… Только не впрок всё было. Душегуб я… Оттого, видно, один, семьи не нажил, и что болезнь приключилась тоже оттого. А вот теперь чувствую, что не один ужо - смертушка меня под венец ведёт.

- Что же от меня хочешь?

- А ты беги, Ларя, пока сила в тебе, и тайну мою унесёшь, и душе моей поможешь.

- Так не поп я, грехи отпускать… А убивец, как и ты.

- Ты-то убивец? В честной кулачной драке - это не убивец. То судьба у твоего урядника такая была. А куда против судьбы? Никуда! Перед дорогой, когда ковать начнут, кузнецу на тебя укажу, он дело знает…

- А вдруг он не станет, дядька? Кузнеца и самого ведь могут заковать?

- Станет. Кто от золота отказывался… Золото, оно власть! И над людьми, и над самим хозяином…

- Золото? А у тебя оно откуда? На старателя вроде не похож…

- Да Сибирь, она вся на золоте стоит, только нагнуться да поднять.

- А что за тайна?

- Всё узнаешь, не торопись. Богатеем будешь, коль душе моей поможешь. Боюсь я на том свете не прощённым остаться… Страшно. На святой земле храм поставишь, место укажут.

- Кто укажет, дядька Анисим?

- Лесной человек…

Сон Ларьке снился в холодном забытьи – страшный! Будто идёт он зимой в мороз по родной деревне в новых белых катанках. На улице широкой никого: ни людей, ни собак. Тишина гнетущая стоит, даже скрипа снега не слыхать под катанками. Удивился. Бывает ли так? Дым над трубами поднимается столбами, всё небо заволокло чёрными летающими хлопьями, и видит уже под ногами не снег, а тот самый летающий пепел, и он уже сам по колено в нём. Руками тот пепел загрёб, поднёс к лицу, а он холоднее льда. Потянул носом, а нет в нём запаха костра, такого знакомого Ларьке в таёжных ночёвках. А вдохнул он запах остывшего пепелища, и будто проник он в самую глубину его мозга, и стоит в нём бабьим воем и закатывающимся плачем ребятишек. Испугался, стряхнул его с рук, чтобы отвязаться от страшного горя, только руки оказались по самый локоть то ли в смоле, то ли в жирной маслянистой саже. Страшно и дивно! Пепел кругом, а что горело не видно. Дома по улице жёлтыми срубами из-за серых таловых плетней глядят, будто все новые, в одно лето ставленые. Вот только окна у домов невесёлые, словно скорбящие… Ищет Ларька глазами дом родимый. У них ведь дом не новый, лет сто уже стоит. Крестовик лиственной ещё прадед Ларькин ставил, не гниёт и не врастает в землю от старости, вот только почернел от времени да стал похожим на остывшее калёное железо и с солнечной стороны покрылся темно-красными разводами смолы, местами засахарившимися белыми потёками. Но сколько ни вглядывался Ларька - не увидел родимого дома. Словно растворился он! Одно пустое подворье, колья там и сям торчат, словно кресты на погосте. Может, это от родимого дома пепел по воле носит? Жерди заплота чёрные, обгорелые, и тревогу несёт родимое подворье… Почуял нутром Ларька беду страшную, опустился на ослабевших ногах, коленями в чёрный пепел встал. Крестом хотел осенить себя и родимый двор, только рука стала непослушная, перст собрать не может, и будто лёд лежит на его ладони и не тает. Хлопнул в страхе в ладоши, но услышал только глухой звон льда, эхом раскатившийся в пустоте. И тогда закричал, только вместо крика мычание… И проснулся с биением лихорадочным в груди.

Увидел Ларька широко раскрытыми от страшного сна глазами, как взметнулись, гомоня, кедровки из тёмных крон, зашумели напугано. Видно, взаправду во весь голос кричал и птиц поднял. Выбрался из-под валежины, словно медведь из временной берлоги, огляделся при свете: до реки рукой подать, но только богу известно, сколько ещё берегом идти. Анисим говорил, день-два, но так это больному Анисиму, а ему, Ларьке, поди, и дня хватит. Снег небольшой, а в пихтачах так и вообще по щиколотку. Но тут взяли его сомнения. А если Анисим обманул, и нет там никакого зимовья? Чай, не лето сейчас - пропадёт… Три-четыре дня выдержать можно: ягода какая-никакая есть, шиповник и калина с рябиной попадаются! Только без огня ослабеешь… Переваливаясь через упавшие лесины на берегу, дошёл до крутояра и взглянул на уснувшую холодную воду.

Большие забереги реки кое-где уже спаялись с противоположным берегом, подставив остывающему небу замерзающие тёмные речные глаза. При виде чёрной, словно загустевшей воды, Ларька поёжился и, собравшись напиться, передумал. Захватил пригоршню снега, пожевал до ломоты в зубах, потом стряхнув остатки с растаявшими каплями и, не оборачиваясь больше на реку, двинулся кедровой гривой вниз по течению.

На исходе пятого дня небольшой ветерок донёс запах дыма. Остановился. В лесу, когда бывал Ларька один, у него обострялся и нюх, и

слух, и тогда он чувствовал в себе что-то звероватое. Шаги становились пружинистыми, осторожными, и сам почти сливался с лесом, ни птицу не потревожит, ни сучка на земле ногой не сломит. От этого, наверное, и на охотничьем промысле удачлив был.

Запах дыма был смешан с конским потом - это тоже уловил Ларион. В голове пронеслось, что ждут, наверное, его, беглого… Кто больше здесь может быть на конях, кроме царёвых людей? Никого! Первая мысль была повернуть назад и уйти на другую сторону реки по узкому перешейку, но увидел, как даже небольшая рябь полыньи волновала недавно застывший лёд. А потом мысль - без хлеба и огня далеко не уйдёт, и в первый же настоящий мороз заснёт ночью ослабленный и не проснётся, – остановила Ларьку. Сел под выворотень и стал ждать темноты. Ночью, оно всегда уйти легче, а если жандармы, то те в ночь в лес и не сунутся - это они днём могут по десять часов гонять, не давая покоя. Сам он этого не знал - люди на пересылке говорили. А потом, когда догонят, если не застрелят, то забьют прикладами.

Когда стемнело, потихоньку подобрался по кедрачам к поляне, увидел при лунном свете три добротных небольших избы и навес из жердей с тремя конями. Присел у крайней кедры, выжидать стал. Может, кто по нужде во двор выйдет.. И увидел… Нет, не жандарма, - мужика в два метра ростом, заросшего чёрной, цыганской бородой, в рубахе на выпуск, пояском кожаным подпоясанного. И хоть в сумерках, а углядел за голенищем нож. Мужик тот не нужду на дворе справлял, а пошёл к лошадям, и те при виде его заржали тихо, по-доброму. Определил Ларька, что за конями тот ухаживает, только они могут относиться к человеку по-доброму, с пониманием. Это не то что коровы - за ними как ни ходи, а только не хозяину они радуются, а отрубям, что им вынесут. А кони, они человеку рады. Мужик гладил коням шеи, и слышал Егор странные звуки, словно перед ним был зверь во время весеннего гона, который незлобливым рыком и урканьем искал расположения противоположного пола. Потом дошло – немтырь!

Когда совсем стемнело, подобрался к единственному окну. При свете керосинового фонаря разглядел широкие нары и человека, лежащего под волчьей дохой. Немтырь же ходил по избе от стола к печи и готовил, видно, ужин. От одной мысли о еде у Ларьки засосало в желудке. Сегодня, кроме нескольких кистей рябины и сушёного гриба, оставленного белкой в расщепленной сосне, он ничего не ел. Глянул Ларька на висевшую на горизонте луну, большую и красную, словно хотел отыскать там Бога да попросить защиты, но не нашёл. Перекрестился и толкнул входную дверь.

- Здравия хозяевам, - нашёл глазами в переднем углу иконы, перекрестился. – Пустите, люди добрые, странника на ночлег…

Немтырь остановился посреди избы с огромной миской в руках, в которой дымилось отварное мясо, на нарах зашевелился спящий человек и, не откидывая доху, глухо произнёс:

- Скорый ты на ногу, Ларя!

Ларька отступил к дверям. Откуда имя его известно? Мало ли беглых по тайге последнее время скитаются. И голос будто бы знакомый. Убежать? А далеко ли с пустым брюхом убежишь? Да без огня так и так погибель… Увидел, как цыганистый мужик уже засапожный нож в руках держит, ухватил Ларион лавку у дверей, опрокинув стылую воду на пол.

- Да неужто креста на вас нет, хозяева?.. Грех на душу возьмёте, бродяжку загубите…

- Ты, Ларя, остынь, - лежащий человек, откинув с головы доху, сел. – Не ведал, что свидимся?

- Дядька Анисим?!! Ты-то как здесь? По этапу же шёл…

У Лариона расширились глаза от изумления. Ждал жандармов или разбойный люд, - только Анисима увидеть не думал. Он ведь по бараку с трудом передвигался, всё больше лежал, а тут… Верить глазам своим или не верить?

- Так укуси себя за палец, раз в сомнениях.

- Ты же, дядька, помирать вроде собрался? И мне тайну свою поведал, а теперь мне как?

- Помереть всегда успею, - и тут же, обращаясь к верзиле. – Стол собери, Петруша, гость с дороги голоден.

Ларион покосился на заросшего мужика, который уже спрятал нож и хлопотал у стола. Видя, как тот при своей неуклюжести проворно и бесшумно, почти по-кошачьи, стал метаться от стола к печи, почувствовал страх. Не прост, видимо, немтырь! С таким в лесу лучше и не встречаться.

- Ты, Ларион, к столу проходи, а армяк свой на полати брось, там и спать будешь. Говоришь, как ты теперь? Не знаю… Может, как Петруша.

Анисим встал с нар в чёрной поповской рясе, и при виде церковного облачения у Ларьки глаза чуть не повылазили из глазниц.

- Не знал я, что ты батюшка… - помолчал, соображая в начинающей как-то странно путаться голове. - Как это, как Петруша?

- Я здесь и батюшка, и матушка… Бог и царь я вам здесь, Ларя! – ухмыльнулся. – Много людей знали о золоте, только нет уже их, а Петруша вот безголосый…

Разомлев от тепла и пищи, Ларион уже почти не слышал, что говорил Анисим. Перед глазами стояла заснеженная тайга с каменистыми осыпями. И с крутых склонов скатывались камни, наматывая на себя снег, и словно засыпали у ног Лариона уже большими головами снежных баб. Их становилось всё больше и больше. Иные улыбались ему снежными улыбками, у других же был злобный застывший оскал.

- Чудеса!!! – сквозь сон пролепетал заплетающимся языком. – Блазнится…

Потом все эти чудеса заплясали, запрыгали под шум поднявшейся метели и крутились, будто в колдовском танце, на уровне глаз Лариона. И он видел холодный, неживой взор снежных голов, и повсюду слышался рёв то ли ветра, то ли по-звериному ревели прыгающие снежные шары. А может, это ревел зверь за окном? И стало неметь его тело, и останавливалось сердце.

- А ты чай не болен?.. – услышал он в забытьи чей-то голос. – Уложи-ка болезного…

Подумал:

- Кто болен? Я или Петруша?.. Нет, ведь болен дядька Анисим! Чахотка у него…

Однако, разобраться Ларион уже не мог. Мысли путались и тоже прыгали снежными шарами. Последнее, что пришло на ум, было:

- К чему Анисим говорил про Петрушу, что он безголосый?..

Додумать не успел, метель ворвалась в избу и закружила Ларьку в своём снежном вихре. И только когда снег жёстким сухим песком стал резать его глаза, он понял, от кого исходил страшный и выхолаживающий душу рёв. Ревел он сам, Ларька, поменявший вдруг не только свой голос, но и обличие. Он увидел себя матёрым медведем, поднятым из зимней берлоги, с вздыбарившейся на огромном загривке чёрной шерстью, разрывающим сильными лапами брюхо охотника, выворачивая оттуда кровавые

внутренности и разбрасывая их по светящемуся лунному снегу чёрными сгустками.

- Неужто я правда шатун?..

И вдруг другая, совсем далёкая мысль, даже как бы не нужная:

- А как же Катерина? Она-то как?

Но эта мысль только лёгкой тенью промелькнула в голове, потому как одинокая луна затмила всё, росла и ширилась в своих размерах. И ничего уже не было приятнее на сердце у Ларьки, кроме этого призрачного света и одиночества во вселенной. Он вновь набрал полные лёгкие жёсткого с кристаллами изморози воздуха, и опять долгий и протяжный рёв наполнил заснеженное пространство под луной.

Анисим ходил по комнате, тихонько покашливая, изредка бросая взгляд на Лариона, укрытого мягкой лосиной шкурой на только что сооружённых нарах у печи.

- И что же нам с тобой, друг наш Ларя, делать? – говорил с сам собой Анисим. – Скрутило тебя не вовремя, а чтобы не в лесу?.. Я ведь думал, не дойдёшь ты…

- М-м- м, а-а-а-а-у-

Подал голос Петруша, руками показывая, что надо сделать с бродягой. Жесты были настоль явственны, что не составляло особого труда понять их Анисиму. Немой проводил пальцем по своему заросшему горлу и, открыв рот, храпел.

- Зарезать, говоришь?

Немтырь радостно, что его понял хозяин, закивал в знак согласия головой.

- Богоотступник ты, Петруша. Разве можно?.. Болен он сейчас, помочь ему надо. А про золото знает… Так я ему сам сказал… Ты ведь тоже знаешь, - а живёшь…

Немтырь стал угрюмым, исподлобья зыркнул на хозяина, продолжая цепко держать в поле зрения непрошеного гостя.

- Ты мне не сверкай глазищами, дьявол! Я всему тут голова!.. А ты боишься его, Петруша… Меня, как видно, уже за хозяина заимки не признаёшь… - И, сорвав на кандальной отполированный до зеркального блеска цепи огромный золотой крест, замахнулся на немтыря – Может, и против меня тоже смерть замыслил? Я тоже хворый!

Немой Петруша, испугавшись, попятился к порогу, потом упал в ноги, хватая своими ручищами хромовые сапоги Анисима:

- М-м-м – а-а-а б-о-о-г...

- То-то же! Бог! Только вижу я в тебе, безъязыком, перемены! Вижу, смерти моей ждёшь! Что же ты меня тогда с каторги вызволял? Знаю, не от добра да сострадания. Пока меня в централе держали, ты искал тайник, а найти не мог, да и не найдёшь никогда. Для этого ты слишком глуп! А вот ответь мне, сердешный мой избавитель, для чего тебе золото? Ты же и продать его как следует не сможешь! Так и будешь возле него улюлюкать…

После побега Ларьки с этапа увидел Анисим Петрушу. Пролетел тот на горячей тройке коней, запряжённой в лёгкие санки, мимо колоны арестантов на тракте. Крутил своей цыганской головой, оглядывая серый строй, пока не увидел Анисима, а когда увидел, заорал гортанно вороном и скрылся из глаз. Отметил тогда Анисим: тройка сильная, вывезет! Теплом по душе дума, словно птица крылом, прошлась: не бросил, вызволять приехал! Только как? Охраны много! Сходу, с набегу не получится. Да и настороже они: ведь только

Ларька утёк… А на деле всё оказалось проще, конвоир ночью его сам вывел да и передал из рук в руки немтырю. Видно, немало заплатил охраннику. И вдруг мысль в его голову пришла новая только сейчас. А как же немой договорился? Мычит ведь только? И где золото взял? За выкуп немало надо! Очутившись на воле, сначала даже не подумал об этом. Где же золото взял немтырь? Странно… Анисим внимательно посмотрел в глаза Петруши. Только по глазам его разве можно было что понять - дурковатые…

- А может, ты мне всё врёш, Петруша? Может, ты и говорить умеешь, да мне боишься открыться? Золото где взял на откуп?

Петруша вновь явственно показал, где он взял золото, проведя ножом у горла, показывая, как срывал кожаный кисет. Потом, сделав понимающие глаза, из-за пазухи достал тот самый кисет.

- Старателя, говоришь, зарезал…

Немой промычал, жестикулируя руками.

- Ради меня, говоришь?.. Так теперь я должен тебе в ноги кланяться? А Порфирий где? Он только знал, как меня выручать? Это он тебе рассказал? А ты его тоже, как того старателя?

Немтырь поник головой в сапоги Анисима. Потом выскочил в одной рубахе на улицу, через минуту явился с заступом и лопатой и начал мычать и показывать, как долбил и искал Порфирий золото.

Анисим почти сразу понял, что случилось здесь за время его отсутствия. Значит, не выручать решил Порфирий после получения его письма из арестантской - решил ещё более разбогатеть, зная, что не вернётся больше Анисим. Поведал всё Петруше, чтобы тот место указал ему хозяйское, а оно вот как вышло… А ведь не так глуп Петруша, как кажется, и оттого страх заполз ему под рубаху.

- Только ты не думай - не буду я тебе кланяться за это. Сдаётся мне, что и меня ты когда-нибудь вот так, как того старателя и Порфирия… А может, я не прав, Петруша? И ты чист и безгрешен, аки агнец Божий?.. Да нет, я-то уж знаю… А гость мой страх тебе несёт… Это ведь не я чахоточный! Оправится, и коня кулаком забить сможет - оттого страх в тебе…

Петруша вновь поднял непонимающие глаза на хозяина, как бы спрашивая: «Что же тогда делать с гостем?» Потом достал нож из-за голенища и опять показал, проведя остриём по горлу.

- Опять ты за своё! Неужто крови тебе мало! – перекрестился. - Не смей, пока я жив, трогать! И потом не смей! – и опять замахнулся на немтыря крестом. – Предам анафеме!

Петруша, испугавшись тяжёлого креста, втянув голову в плечи, задом стал отползать от Анисима, скуля по-собачьи.

- Знаю тебя! – помолчал. - Сонного задавишь, только момент углядишь! Как барсуков намедни…

От одного воспоминания о барсуках у Анисима в горле встал тошнотворный комок. Сел к столу, но на глаза попалась глиняная миска с остывшим барсучьим мясом, где уже толстый слой жира покрылся крупинками.

- Да убери ты его, наконец! Видеть больше не могу!

Петруша, несмотря на свою могучую фигуру, без шума, чёрной тенью, метнулся к столу, ловко, словно официант в питейной, ухватил миску и скрылся за печью.

Знал Анисим, что жир тот целебный, против его хвори, а пересилить себя не мог. Первый день ещё ел, только на второй уже день желудок стал дёргаться в спазмах, выворачиваясь на изнанку. А барсуков Петруша добыл

сразу по приезду их сюда. Ночь раскапывал на кедровой гриве, у реки, барсучью нору, мыча и причмокивая губами, словно уже ел труднодоступную дичину.

Не говорил ему Анисим про болезнь, всю дорогу скрыть старался. При приступах кашля отворачивал голову, кутаясь в волчью доху. Только углядел немтырь, что неладно с хозяином, и как только приехали, взял заступ да лопату и скрылся в кедровом подросте. Под утро пришёл. Руки в засохшей крови, сразу зверей стал на дворе свежевать. Потом, срезав жир с одного, было примостился в доме жир тот топить, пока не выгнал его Анисим вместе с большим чугуном в охватку на улицу, надышавшись приторно-жирным, сладковатым запахом. И обиженно бубня себе под нос, дотапливал жир Петруша уже на костре. Вскоре забыл обиду, сидя на корточках, мешал в чугунке деревянной ложкой варево, вылавливал всплывшие выжарки и аппетитно чавкал.

- Право медведь, Господи помилуй… - перекрестился, не отводя от немого взгляда. – Что жрать, что убивать – всё ему едино. – Задумался, погрустнев. - А был совсем другой, - плясать любил, и петь…

Знал он его давно. В приход его, правда, Петруша не ходил, и лба не перекрещивал. Только видел его по праздникам, как он в драках участвовал, а бывало - и в честных поединках. Да и гулять у него всегда, видно, деньги были, да и обновы на каждый праздник новые. Только девки деревенские от него шарахались, как черти от ладана – боялись, как бы он подарками их не совращал. А потом исчез, словно в воду канул, и никто не видел его. Здесь его Анисим нашёл после встречи со Смолокуром, только уже немтырём. Да и было от чего речь потерять…

Мысли у Анисима были не о благодарности немтырю за то, что старается и болезнь хочет его отвести. Твёрдо знал: Петруша видит свою выгоду! А так что бы он старался? Боится, ухорез! Вдруг помрёт хозяин внезапно и не покажет золото?

Мысль о золоте не подогрела душу старому попу, как ранее, - наоборот, даже остудила. Холодок ледяной протянул будто в груди, и заныла душа обмороженная. Иногда Анисим ловил себя на мысли, что вот здесь он видит и чувствует себя прежним, как в далёком детстве. И если бы он родился и жил здесь всегда, то и жизнь у него сложилась бы иная. Не такая, как выпала на его долю. Почернел разом лицом, только чахоточный румянец стал ярче, захрустел длинными, не крестьянскими пальцами. А потом обхватил, что есть силы сдавил седую голову, завыл тоненько с причитаниями, словно деревенская баба над покойником.

- Прост –и-и-и… Господ- и-и-и грехи тяжки -и-и –и…

Перед глазами плавали тёмные круги, и в голове шумело. Но сквозь этот шум пульсирующей крови в висках пробивался голос, не забываемый столько лет, постоянно в нём живущий, словно вечное напоминание.

- Батюшка, исповедуй! Отпусти грехи, варнаку, душегубу… Всё золото отдам! Сам место покажу!

Лица он тогда отчетливо не видел. Полумрак был в сельском храме, да и накрыта голова была для исповедания. Помнит только: богатая борода была у варнака, и нос перебитый, словно растоптанный, да голос хриплый, словно железный. Долго тогда душегуб исповедовался, словно перед Богом стоял, а не перед ним, будто чувствовал кончину свою, - всё выложил. Жить больше не мог со смертным грехом, и крест ему золотой в три фунта на кандальной цепи

под ноги бросил… Как бы не в себе был варнак… Причастил его тогда батюшка…

От страшного воспоминания закашлялся Анисим, перестал выть, схватившись рукою за грудь, и сплюнул на чистый пол сгусток крови. И глядя слезившимися от напряжения и воя глазами на свою кровь, он увидел ту, чужую, исповедующегося лихоимца. Она тогда забрызгала пол в храме, рясу и его хромовые сапоги. И так же, как сейчас, рука сжимала крест, только не золотой, а медный, окровавленный... Золотой – тот, что варнак жертвовал ему, он долго не надевал, боялся… Впервые надел, когда заимку искать поехал.

Нашёл он тогда в чужой кошеве, богато обитой тяжёлым бархатом, мешок кожаный. Еле занёс в святой храм. Подивился на обретённое богатство да хозяина вместо золота в кошеву утащил. За деревню коней вывел да полоснул по ним бичом, а остальное, видно волки доделали, так как нашли кошеву только через неделю да обглоданные кости при ней. Вот те кости и схоронили на церковном кладбище…

Сам Анисим пролежал тогда пару дней в горячке, матушке наказал на церквушку замок повесить, даже дьяку ключей не разрешил давать. Мало ли… А вдруг что приметит да шептать начнёт кому ни попадя. А сам слёг, и в бреду каялся да всё прощения просил. Матушка уже и ехать в уезд собралась: там жил монах при церкви Вознесения, тот мог бесов изгонять. Только прослышал про то Анисим и строго наказал, чтобы из дома ни ногой. Со временем горячка и страх прошли, молился денно и нощно дома перед образами, почти с колен не вставал. Не за свой смертный грех молился - за грехи убиенного. Рай ему вымаливал. И когда первую службу после своего душегубства в храме служил, видел убиенного. Отчётливо зрел бестелесного, словно он позёмка-круговерть, воспарил, вознёсся к сводам храма и с ударами благовеста стал таять, словно банный пар. И оборвался голос Анисима, в конце проповеди так и не смог пробасить: «Аллилуйя!» Видя, что варнак вознёсся, как ангел небесный, не стал дожидаться, когда поразит его кара Господня. Упал на колени, вознёс руки над собой, как бы прося о пощаде и милости уже не Всевышнего, а убиенного. Только безмолвствовал тающий варнак. Прихожане же, увидев, как искренно молится их батюшка, тоже пали на колени да стали отвешивать поклоны. А на клиросе певчие, не понимая, что происходит, закончили песнопение высоким голосом. Лоб тогда батюшки вновь покрыла испарина, будто и не проходила болезнь, но не от увиденного и необъяснимого, а от подозрительного взгляда дьякона.

Службы в церкви стали только по большим праздникам. Анисим из дома почти не выходил, ссылаясь на болезнь, а вот с дьяконом стали происходить странности. Стал уезжать частенько в уезд по какой-то своей надобности. Потом неожиданно для всех, а также и для Анисима, купил кирпичный дом в уездном городе. Да ещё и кабак приобрёл у спившегося хозяина, и даже и не у самого кабатчика, а у жены его Ефросиньи, с которой, как начали судачить в волости, он ещё до её венчания тешился. Только не стал дьякон, невесть откуда взявший деньги, тем заведеньем управлять, а посадил туда приказчика. Сам же разодевшись во всё новое и мирское, явился как-то на заходе солнца к Анисиму.

Начал издалека, скромно и богобоязненно, потупив взор, теребя узловатыми пальцами новую шапку.

- Ишь ты! Вырядился, как франт! Только руки куда крестьянские денешь? Да и рожу тоже – борода-то лопатой, да и не ухожена, – пронеслось, не задерживаясь, в голове у Анисима. Другое у него сейчас на уме было,

словно гвоздь: - Откуда деньги у Порфишки? Да и немалые!.. И почему к нему именно пришёл? Уж не видел ли чего в ту ночь?

Сначала всё про житие святых да великомучеников дьякон его расспрашивал, будто не знал о них ничего. О болезни его спрашивал, многие лета чуть не запел. А сам всё крестом себя осеняет, заметил Анисим, что порой и без надобности. Может, покаяться явился? Нет, не за тем пришёл! Разве стал бы издалека начинать перед покаянием…

Велел матушке наливки принести да стерляди мороженой. Знал, что не спроста у него дьяк. Тужится, тужится, словно баба на сносях, а родить без времени не может. Помочь, видно, надо. После второго графинчика стал язычок у Порфиши развязываться, но опять же всё не прямо, а закоулками.

- В долю не войдёшь ли ко мне, батюшка?

- В долю, говоришь?.. Целовальником мне как-то не с руки в питейной твоей стоять - сан на мне… Да ты закусывай, да говори как есть! Я тебе не твоя уездная краля, чтобы меня обхаживать.

- Слух, знать, прошёл обо мне… На паях с тобой шерстобитку хочу прикупить да пимокатную…

- Слышал, разбогател ты, Порфиша! А я-то с чего? Приход, сам знаешь, маленький. Даже малую деньгу не увидишь: кто мукой, кто маслом…

И остановился на полуслове, словно холодом январским по душе протянуло: «Знает или догадывается? Не спроста…»

Но дьякон, уже пьяно ухмыляясь в лицо Анисиму, произнёс:

- Да ты на бедность-то не жалуйся, батюшка! Ту кошеву, что подле церкви стояла, я сутки искал. Там и разбогател. Кисет песка был полнёхонёк…

- А ты либо знал, что волки кошеву с седоком нагонят?

- Волки, говоришь?.. Волки череп кистенём не проламывают!.. Тут лихой человек...

- Окстись, Порфирий! Не суди и не судим будешь!

Но тут же взял себя в руки. И нравоучительно мягко:

- Если бы лихой человек лишил жизни путника, разве разбогател бы ты, Порфиша?

- Когда кошеву я нашёл, волки ещё коня доедали… Варнак тот целёхонький лежал… На груди тот кисет я нашёл…

Дьякона уже развезло, и он чуть не лез своей кудлатой бородой в лицо Анисиму, при этом свистяще шепча:

- Ты его, батюшка, прибрал!.. Коней от церкви в поводу ты вёл!.. Видел!.. Знать, тоже какой-никакой кисетишко мимо тебя не проплыл!..

Дьякон стал, икая, махать указательным пальцем и попу, и образам в переднем углу.

- Все вы одна шайка! Всё вам! И приход, и поклоны! Вы и рай только для себя приготовили, а нам только грехи и оставили…

Анисим сгрёб Порфишку за грудки, придавил к стене:

- Богохульствуешь! К исправнику захотел? Посидишь в холодной - опомнишься!

- Так с исправником тоже делиться придётся, батюшка, - прохрипел придавленный дьякон. - Не уведёшь! Оба на каторгу пойдём…

Каторга… Болезненно засосало под ложечкой, сжала рука горло пьяного. Раздвоилось, стало серым лицо дьякона, и поплыло куда-то вниз, словно подтопленный воск. Единственное, что напоминало в безликой растекающейся массе лицо, - белозубый оскал. Отпустил ставшую скользкой шею дьяка, поймался за заболевшую в одночасье грудь. Произнёс сбившимся

дыханьем, но не обращаясь ни к сползшему на пол дьяку, ни к образам, занимающим половину переднего угла:

- Бог простит… Душегуб он был, Порфиша, а моими стараниями вознёсся: углядел его после смерти в храме… Даже ликом светел стал, освободился… А смертным, как тебе, например, неведомо, кому горше: мне ли, ему ли… И ты, Порфиша, молись, а не суди! Судить мы все горазды!.. А ты за душу его помолись! В молитве за ближнего вся сила! А за себя… Сколько ни проси!.. Сколь поклоны ни бей - не поможет! Потому как не искренни мы: всё чего-то для себя просим. А просить надо за других! Тогда Господь помогает… Может, и за нас кто когда помолится…

Дьяк снова влез на лавку и уже со страхом смотрел на Анисима. Помятый кадык болел, в горле першило, словно не наливку, а горячий песок пил. Осторожно сглатывая слюну, чтобы промочить больное горло, потянулся к гранёному высокому лафитнику, наполовину расплесканному, после недолгой борьбы.

- А ты пей! Ешь - закусывай! – вдруг повеселел поп и, обернувшись к двери, соединяющей поповские покои с гостиной, позвал ласково: - Матушка, принеси нам ещё графинчик! Гость у нас заночует!

От такого решения было подниматься стал Порфирий, но крепкая рука попа через стол властно легла на темя дьяка и толкнула на место. Сразу после ссоры почувствовал себя неуютно в большом поповском доме. Зря, видно, начал с кондачка… Не прост батюшка! Мягко всегда стелил, а спать рёбра болят… Хотя ещё полчаса назад было по-другому. Он почти чувствовал себя хозяином. Хмель, как тёплый воздух в открытую дверь, стал испаряться, заменяясь холодным воздухом страха.

- А и убьёт! С него станется! - промелькнуло в голове. – Проломил же башку варнаку, прямо в церкви. Не убоялся!

Анисим, увидев перемену в дьячке, криво улыбнулся в бороду.

- А ты не торопись, Порфиша! Куда поедешь, на ночь глядя? Да и волки в округе. Хотя и коней ты купил хороших, а вдруг не вынесут? Да и, сам говоришь, лихие люди с кистенями бродят… И разговор твой незакончен про долю… А доля одна теперь у нас с тобой! Сам пожелал. Если бы не язык твой, жили бы каждый по себе, а теперь… Правду в народе говорят: молчанье золото.

Порфирий замер, втянув голову в плечи. Мозг соображал лихорадочно, и почему-то ни одна мысль до конца не додумывалась, обрывалась, как гнилой шпагат. Точно также было в тот вечер, когда увидел кошеву у церкви. Знать хозяина кошевы по прозвищу Смолокур не знал, но слухи о нём ходили разные. Будто бы самый богатый жиган в Мариинском уезде, весельчак и пьяница. Но вместе с тем и жестокостью волчьей прослыл. За старателями одиночками охотился, и редко, по тем слухам, кто уходил от него живым. Только совсем будто бы недавно дружков его, таких же, как и он сам, протропили, да дождавшись ночи, сожгли живьём. Кто тот грех на душу взял, не знал Порфирий, но поговаривали, будто бы сам Смолокур и спалил.

Вот когда увидел кошеву у церкви - ещё были страхи и сомнения. А когда понял, что один Смолокур приехал (видно, и впрямь люди правду говорили: один он остался) - мысли перестали путаться и обрываться, а напротив, выстроились… Поначалу отгонял их от себя. Как можно человека со свету свести!.. Только внутренний голос одержал верх! Если всё как задумал, получится, он богачество-то не прокутит, как некоторые!..

Ушёл домой огородами, чтобы никто и не видел его на улице. Зарядил берданку картечью, залёг в сугроб за заплотом, перед поскотиной. Знал:

поедет! Где он жил и ночевал, никто не знал. Словно матёрый волк, гнездо своё Смолокур в тайне хоронил, как и баб и детей своих. Когда же услышал скрип саней, приготовился. Руки перестали дрожать, но увидел, что что-то не так. Сам батюшка коней в поводу ведёт! И почему-то воровато оглядывается! Прячась в тени заплота от неясного лунного света, видел, как поп достал бич из кошевы и утянул им горячих породистых коней. Взметнулись кони да пропали, поднимая за собой снежную пыль.

Воротился домой дьякон, встал на лыжи и ушел в ночь, пока след не замело.

- Пьяный, видать, Смолокур! А раз так, то далеко не уедет: притомятся кони, а без хозяйской руки и встанут где-нибудь у стогов или гумна.

Но семь потов пролил и лишь к полудню нашёл. Кони только по им известной луговине свернули с верховой дороги и шли видно туда, где их ждали. Но, испугавшись чёрных скользящих теней, нагонявших кошеву по белому снегу, сорвалась в галоп и, споткнувшись, запуталась пристяжная в постромках, да и кореннику ноги подрезала. Там волчья стая и разделалась с ними.

Увидел Порфирий заметённую кошеву, вернее, прясло, засверкавшее на солнце медными начищенными узорами по тёмному бархату. Сердце забухало в радости и страхе.

- Здесь, поди, сам?.. Дело знают матёрые…

Присел, всматриваясь, только кроме полудюжины серых, учуявших его и поднявшихся из снега отяжелевших после тёплой конины волков, никого не увидел. И вновь затряслись руки, как вчера у церкви. Не от страха перед серыми, а от страха, что вдруг ушёл Смолокур, и мечту его унёс с собой… Свернул с горем пополам самокрутку, рассыпая мелкорубленый табак себе на штаны:

- Не должён! – сначала шепотом, потом заорал во весь голос, будто выгонял страх несбыточности. - Помогай мне, Господи!

Пальнул из берданки по стае.

- Пропустите-ка, мясоеды, православного!

После выстрела лениво отбежала сытая стая и легла, недовольно ворча, в ста метрах от загубленных, недоеденных коней. Взглянув на Смолокура с раскроенным теменем, понял дьяк, отчего Анисим под уздцы коней вёл. Волки с живыми сразу расправляются, а варнак до встречи с ними уже окоченел, потому и не тронут был.

- Ай да батюшка! – подумал злорадно, но вместе с восхищением и страхом.

- Не волчий ли ты пастырь?

Но когда нашёл кисет на груди убиенного, опять невдомёк стало.

- Почему не взял? Золото же! Не нашёл? Не верится… Тогда ради чего на смертоубийство пошёл?

Мысль, что взял, и куда больше, чем он, пришла позже. Увидел, что не в себе стал батюшка. Правда, и раньше замечал за ним некие странности. Так тогда думал: набожности большой батюшка, раз уж с иконами в церкви разговаривает. А тут гляди: на смертоубийство пошёл! Значит, всё от человека зависит. Какой бы сан или чин у человека не был, а только мысли жить богаче других и их посещают. Правда, берут они, как всегда, больше, чем простой человек. Вот он, простой дьякон, ему и кисет по чину… А сколько же батюшке досталось?

Пьяными глазами вновь уставился на отца Анисима:

- Много ли тебе перепало, коль на такое пошёл?

- Тебе бы сейчас не о золоте думать, а как живым остаться… Но грех сей на душу не возьму – живи! Не хочу больше крови, но и в долю к тебе не пойду. Только помни! Ты сам выбрал свой путь, открыл тайну, не принадлежавшую тебе, и за это платить тебе иногда придётся. Не деньгами – делом. А каким?.. Придёт время - сам укажу. А теперь спать ложись! Матушка тебе постелила.

Порфирий, не веря, что вроде всё сходит с рук, пусть без доли, которую решил по глупости да жадности получить, осторожничал:

- Кони меня жду! Домой поеду…

- Кони уже в конюшне распряжены. Отдыхай!.. Не бойся - убивать не стану, сказал же. Нужен мне будешь…

Глава3

Хлопнула калитка. Егор оторвался от чтения и бросил взгляд в окно. Шла с работы жена, нагруженная двумя сумками. И сразу же услышал её ворчание. Ворчала на курей на тротуаре, ворчала на собаку, стянувшую с забора половик и сгрызшую его наполовину, отчего по всему двору валялись цветные лоскутки. Поставила сумки у сеней, отобрала у собаки, что осталось от старого половика, и, горестно вздохнув, вошла в дом.

- А ты что всё читаешь? - без радости и с каким-то отрешением задала вопрос Егору. Сама же, не слушая ответа, прошла на кухню. Оттуда послушался звон кастрюль и шипение вспыхнувшей газовой горелки.

Егор прошёл на кухню и уселся на табурет у русской печи. Закурил, молча пуская дым в чело.

- А что молчишь?

- А тебе видно полаяться хочется, - не глядя на жену, вновь в полные лёгкие затянулся Егор. – Вы, бабы, как от одной матери. Был сегодня у Кобылина - та же песня. Скукота!

- У Семёна? А чего тогда не пьяный? – удивилась. – Дома, поди, нет?

- Семёна - то? А где ему быть! Да же когда дома, он дальше сортира не ходит, - ухмыльнулся, – и то, наверное, терпит.

- Зато дома всегда! Не носится, как кот драный, по деревне до по лесу…

- Я вот тоже сейчас дома, а ты злая. Вот и пойми вас! Сеньку ругают, что лежит, меня - что не лежит. А мне кажется, что вам, бабам, без ругани скучно! Харизма ваша такая, вот и цепляетесь: лежит, бегает, пьёт! Будто поговорить вам не о чем.

- Сам-то понял, что сказал?

Егор засмеялся и совсем по-детски, дурачась:

- Не-а! Сегодня только услышал по телевизору, - и захохотал во весь голос. – Я-то, Насть, думал сначала, что харизма от слова «харя»! Да ладно Юрка заходил, объяснил. Только я всё равно так и не понял. Сама спроси.

Настя оторвалась от дел и внимательно посмотрела на Егора.

- Весёлый ты какой-то прилетел ноне… Не нашёл ли часом кого?

- Нашёл… Только теперь делать не знаю что с этим, – стал в одночасье серьёзным, на лбу пролегла глубокая складка.

Настя замерла, перестав протирать посуду, взглянула уже на другого Егора, задумчивого, видно решающего внутреннюю и далеко не простую проблему. Села, ослабев на ногах, и тут же взвилась, завизжав:

- Ах ты, кобель!!!

Гончар изумлённо посмотрел и вновь схватился за живот, надрываясь от хохота:

- У голодной куме одно на уме! – и тут же получил мокрым полотенцем по голове, выставил руки, хохоча и обороняясь. - Ну, ты мать даёшь! Я же не о том! Когда это я тебе признавался?

И уже опять серьёзно.

- Я ведь не одни амбарные книги нашёл… Хочешь, машину купим, а хочешь - ещё чего… Золото!

Насте стало ещё тошнее.

- Ох, господи! Зачем оно нам? Золото ничейным не бывает. Хозяин найдётся - убьют!.. – замялась. - А много ли Егор?

- Не знаю, не вешал. Ну, с кило наверное… А на счёт хозяина? – задумался на секунду. – Был, конечно, только умер, видно, давно, а может, поперерезали глотки друг дружке. Я тут книги сейчас читаю… Поп был хозяином, он и писал о своей жизни да о золоте. Только он там не один жил, ещё люди были… Но попов уж лет семьдесят нету… Значит, и хозяина нет. Только вот странно: неужели никто с тех времён там не был? И от людей всего километров семьдесят?.. Да и крест, можно сказать, на виду был.

- Какой ещё крест?

- Золотой, Настя!.. Тяжёлый!..

- А чужой крест – тяжкая ноша, так говорят…

Села напротив Егора, отгоняя мокрой ладошкой табачный дым.

- Не спокойно мне, Егор, да и сон плохой видела перед твоим прилётом… Всё к одному.

- Раскаркалась…

Поднялся, туша окурок сигареты в банке из-под шпротов. Потоптался на месте, уставившись в окно:

- Сон, не сон, а что делать-то будем, Настя? Золото ведь не так просто в деньги перевести. Спросят, где взял, таскать начнут…

- Так ты и скажи, что нашёл! Клады ведь находят…

- Я нашёл! А… Мне всего двадцать пять процентов полагается, а остальное кому? Почему обязан делиться с кем-то? Моё оно! Торопиться не будем, само всё сложится…

- Твои бы слова, да Богу в уши, Егор. Только не спокойно мне теперь… А что, Егор, в книгах-то пишут? Читаешь - не оторвать тебя.

И чтобы не нервировать лишний раз жену, промычал неопределённо:

- А ерунду всякую! Одним словом, мемуары…

Настя поняла, что врёт он ей. Не стал бы он сидеть над ними! Только ведь знала, что не даст прочесть. Закрывал он эти книги в сейф свой ружейный, а ключи с собой всегда. Да и не полезла бы она в сейф: раз не даёт

– значит, надо ему так. Только вот почувствовала она, что другой он прилетел, задумчивый. Может, от того, что богатым вдруг стал? Нет! К деньгам он как-то прохладно относился, не гонялся за ними. Есть - хорошо, нет - тоже ему хорошо. Это она сама его пилила, всё в пример соседа-татарина приводила, оттого и ругань иногда в доме была. Когда разозлится, жить её к татарину отправлял. Тот, мол, много зарабатывает, а не заработает - так украдёт, потому что спать не будет. «Вот если тебе больше денег надо, то и иди к нему, если примет». Улыбнулась украдкой, вспомнила.

Татарин тот ещё до Егора клинья подбивал, раза два с ним и на танцах была. Только поняла: не её эта судьба, потому как и разговоры у него были только о деньгах. Сколько скалымил и что на эти деньги купит. При деньгах был, а подарков не дарил, ни ей, ни другим. Скучно и даже жалко татарина стало: ущербный какой-то внутри, а с лица да фигуры видный… И больше не пошла она с ним, хотя приходил и звал, и на танцы, и замуж.

А тут и Егор из армии вернулся. Белозубый! Бесшабашный! Какая копейка заведётся - толпа вокруг него, никого не спроваживал от себя. То у клуба, то у магазина пьют, смеются. Только вот лес и речку и тогда не забывал. Днём гуляет, чуть не до утра на танцах, а светать начнёт - глядишь с ружьём уже в лес побежал. Вот там они и познакомились. До этого как бы и не замечал он её, а может, и не время было.

Выпугал он её тогда в лесу, в малиннике. По-медвежьи заревел! Она и побежать не успела, только что и смогла – от страха присела, как он расхохотался, чем и выдал себя. А потом он помог ей ведро добрать, да до самого дома то ведро и нёс. И по недоразумению предложила ружьё его понести, видя, что тяжело ему. Рюкзак с рыбой да мокрыми сетями, а тут ещё её малина. А он повернулся да серьёзна ей так:

- Ружьё да жену - не дам никому…

И замолчал. Но от слов его такой крепостью повеяло и силой, что забилось у Насти внутри что-то так сладостно и трепетно! И после этого так молча и дошли они до дома. Не могла она глаз поднять на него! Не то что стыдно или ещё что-то, а как-то внутри её, где сердце, незнакомо. И трепещет всё, и будто боль какая-то вошла, но такая сладостная… Знала, слышала про любовь, и сама думала, что любила, когда училась в техникуме, а вот такого никогда не было…

А на Новый год постучался вечером в стекло оконное. Собака захлёбывается, задыхается на цепи. Выглянула, а стоит у окна медведь, только не рычит, а смеётся Егоровым смехом. Откинул потом страшную личину и попросил впустить. Свататься, мол, пришёл. А медведя сегодня, говорит, из берлоги только что поднял, а шкуру ей в подарок принёс, так как после медвежьего крика в малиннике в душу она ему запала.

Вот с тех пор как впустила, так и уже не выпустила. А про любовь больше и не говорил, и сейчас не говорит никогда! Спросила как-то раз его - ухмыльнулся только. Что, мол, зря языком трепать, от слов без дела проку нет. Про это пусть люди песни поют.

А теперь видит: что-то не так с ним А в голову закралась мысль: «Может, подержал в руках настоящее богатство - возьмёт и изменится? Больше будет стараться в дом принести, а не ради души по лесу бродить». Вот возьми хоть Соловья. На озёрах всю осень живёт, ондатру давит и хорошо получает! Сына со снохой, можно сказать, содержит. А Егор не хуже… Добычливый! Но то ли не хочет, то ли… Бог его знает!.. Рыбы принесёт - не продаст, а по соседям раздаст. И уже зло подумала: « Когда загуляет, бывает, оттого все ему и подают». Может, сейчас не будет простофилей? Но что-то

тревожное кольнуло в груди: и как татарин чтобы был, не хочется. Но отогнала тревожные мысли.

- А что, Соловей уже на промысел собирается?

- С чего взяла? Ещё закрытия сезона не было, погода ещё стоит! Кто его отпустит? Да и рано ещё, мех плохой.

- Ну, знать готовится. Чай в магазине набирал, курево.

- Интересно. Что это он? А ничего не говорил?

- Да поздоровался только…

Егор улыбнулся в усы, знал Соловья давно, и изучил все его выходки. Знал, что может уйти и несмотря, что ещё рано. Будет там полмесяца сидеть на одних карасях, но только чтобы быть первым и на нетронутых озёрах капканы расставить! Поди, уже и у Батяйкина отпросился. Иногда его так называемая хитрость граничила с глупостью. Но только для себя Соловей знал, что обходить соперников надо сразу на старте.

Вспомнилось Егору, как заблудились немного, выходя на табор с пожара. Все решили идти в одну сторону, Соловей же был со всеми не согласен и пошёл по своему пути. Невозмутимый Кобылин даже присвистнул. Виданное ли дело - отбиваться в тайге от всей группы. Но Соловей, взяв свой топор, нырнул в ельник. Тогда Егор уже знал, что не пойдёт он по своему направлению, а отсидится немного и пойдёт следом в метрах ста в стороне. Натура такая, куда её денешь. Шепнул тихонько Кобылину: не тревожься, мол, следом за нами пойдёт. Так оно и вышло. Только Соловей увидел табор первый и почти бегом туда прибежал, испугав повара, потому что ломился, словно сохатый по бурелому. А уж на таборе свысока на всех смотрел, что пришёл быстрее остальных…

И сейчас что-то замыслил. Когда на свой участок поедет, зайдёт по ручью к нему, если ручей тот не пересохнет, всегда так делал. Погуляет пару деньков с Соловьём да в свою избушку. И опять вспомнилась хитрость, а может и не хитрость товарища. Он и избушку себе так и не срубил за несколько лет. Под выворотнем огромной кедры углубил яму, накрыл сверху жердями и засыпал землёй. Встроил что-то наподобие печи из железного листа, так там и жил. Находиться стоя там было нельзя, только лёжа или сидя, но зато хвалился Соловей, что тепло там зимой, как на печке русской. А главное, что никто не найдёт его укромное зимовьё. Врал, конечно, насчёт тепла. Егор ночь как-то у него там пробыл. Глаза дым выел, у костра остаток ночи чай гонял. Ну, а действительно, найти - не найдёшь! Замаскировал! Ни пустой банки, ни газетного листика вокруг - ничего. От реки даже тропинку не набил: всякий раз разными путями заходил, воду для варева таскал из болота. Задал вопрос ему тогда: зачем в тайге ведёт себя так скрытно? Всё отмалчивался, но разоткровенничался вечером на озере за ухой под водочку, чем и ошарашил Егора:

- А я когда в тайге один, зверем себя чувствую, только шерсть не растёт… И всех скрадывать начинаю: и людей, и зверей.

У Егора мурашки пробежали между лопаток.

- А людей-то чего?

- А не знаю! Может, выяснить хочу, зачем по тайге ходят. Поначалу это просто любопытством сам себе объяснял, а теперь уж и не знаю. Тянет! Только редко сюда люди последнее время забредают. И показалось мне, они меня не видят, но чувствуют, и им это несёт страх.

- А не прост ты, Соловей! А я то, как и другие, чудаком тебя считал. За мной тоже следил?

- Да было раз! Только ты лось здоровый, за тобой тихо не угнаться - бросил.

- А не боишься картечью когда-нибудь получить? В тайге шуток не любят:

- Так и стрелял один городской, промазал, - спокойно и обыденно объяснил.

- Ну, ты больной!..

- Да это только в лесу, Егор, и когда один. А в деревне не тянет.

- А ты врачам на медкомиссии расскажи! Может, и посоветуют чего? Глядишь, авиабаза путёвкой бесплатной снабдит в санаторий.

- База вместе с врачами волчьим билетом сразу снабдит, только заикнись… И куда я потом? Два года до пенсии.

С доводами Соловья Егор был согласен. Только попади на заметку врачам - начнут всего простукивать и просматривать, и от работы отстранят, чтобы себя обезопасить. Это когда на инвалидность мужики оформляются, тогда наоборот ищут: не лукавишь ли ты. Вот тогда ты должен доказать, что больной. А на слово не поверят, в больнице належишься по самое не хочу...

- А ты когда в лес намыливаешься?

Настя оторвала Егора от раздумий. Тот не понимающе посмотрел на жену:

- О чём это ты?

- Это ты о чём? Я о тебе! Когда в лес, говорю, поедешь?

- Надоел что ли? – Егор засмеялся. – Не знаю, Настя… Время покажет… Да ещё и сезон не закрыт.

Заворчала, загремела посудой:

- А для тебя сезон всегда до октября! Вон, Соловей!.. - остановилась на полуслове. Снова вспомнила, как к татарину посылал. А теперь ещё и к Соловью пошлёт, осердится. А Егор не обиделся, посмотрел как бы мимо неё в окно:

- А я не хочу, как Соловей! У каждого своя тропка…

Гончар, не ночевавший дома по случаю закрытия пожароопасного сезона и уставший от бесполезной и какой-то монотонной пьянки, ушёл на озеро за аэропортом и сидел на старом берёзовом пне. Смотрел, как плавает шустрый выводок чирков, который совсем оборзел от того, что мало кто из охотников принимает эту малую птицу всерьёз и не стреляет. В последнее годы даже на краю села, в вырытой котловине, они стали по весне селиться парами и плавали среди домашних уток и гусей. Люди их не трогали, но трогали коты, и Егор раза два гонял своего с утёнком в зубах. Но численность от этого диких уток не уменьшалась, а казалось, наоборот – увеличивалась. Уменьшались домашние. Ожиревшие к осени и ставшие ленивыми, домашние не успевали укрыться в спасительной воде от собак и от ночных искателей приключений, а то и просто бомжей. Гончар взял кусок засохшей глины и запустил в обнаглевших орущих уток, от крика которых появились рвотные позывы. Домой идти не спешил: не хотелось появляться пьяным и выслушивать нудное ворчание Насти. Он лёг на берегу в невысокую жёсткую траву и смотрел на рядом стоявшую берёзу. Сквозь потемневшую зелень листьев проглядывались уже жёлтые лоскутья, а сама берёза ему казалась постаревшей и уставшей. И ему вдруг показалось, что она чем-то напоминает его мать, когда она приходила с работы со спущенным на плечи платком, зелёным с жёлтыми мелкими листьями. Так же вот тихо шумела, словно листьями, на Егора с братом за то, что целый день пробегали, проносились, а

дома как стояла картошка неполотая, так и стоит. Вздыхала тяжело, брала тяпку и шла в огород.

Выпившего Егора почему-то всегда брала жалость, иногда даже до слёз. Жалко было всех: отца, мать, брата, но не было никогда жалости к себе. Себя он всегда считал крепким, и сильным, и счастливым. Брата жалел, что тот опять в тюрьме, а когда тот выходил на недолгое время на свободу, то Егор, глядя на измученную мать, снова жалел, что брат из тюрьмы вышел. Правда, на свободе тот долго не задерживался: пьяный не понимал, что делает и зачем. И если в руки попадёт ружьё, то выстрелить тот всегда найдёт в кого. И лишь отсидев не один десяток лет, пройдя от усиленного режима до особого - остепенился. Вот только поздно было. В живых никого не осталось: ни матери, ни отца. В первый день свободы набрал водки и пошёл горевать на могилках покойных родителей. Там и уснул к вечеру. А утром пришёл подавленный и притихший, не похожий на себя. Даже голос стал, будто не его. На вопрос Егора, не заболел ли часом, ответил:

- Не заболел… Умер! Только поздно умер, Егор, надо было при живых родителях. Видел я их сегодня и слышал… Жизнь прошла - не заметил. И кто вокруг меня - тоже не заметил… А теперь вот нет меня.

- Как это нет?

- А так…Я - уже это и не я. У меня нет прошлого… У меня сегодня впервые жалость к родителям открылась. Дачки их с воли ждал, да ещё и ругал, что чай не тот, сигареты не те, сало не так посоленное.

- Но, может, ты только родился брат? И теперь жить надо!

- А как?..

Тяжело пошёл в дверь. Не потребовал по привычке выпить или денег. Молча сгорбился, словно больной, под тяжким, одному ему ведомым грузом. А вечером снова пришёл, принёс ключи от отцовского дома, попросил сетей и палатку да хлеба с солью на первое время. Сказал, что не может больше жить в отчем доме, да и среди людей тоже.

Поселился на старой курье. Выкопал сначала землянку, а потом построил небольшой домик и баню. Разработал несколько соток земли, посадил табак и картошку, а к зиме привёз себе хозяйку – вдову. И больше в деревне его никто не видел. Продажу рыбы и покупку необходимых продуктов - всё возложил на вдову. А при виде людей, приезжающих на курью рыбачить, закрывал тяжёлые ворота на засов и спускал собаку.

Но вот берёза, навеявшая Егору щемящие воспоминания, стала куда-то уплывать, удаляться, и наконец пришёл сон только что вспоминавшимся детством, знойным покосом и огромными конскими паутами. Егор грёб хрустящее сено на заливных лугах, подпрыгивал на конных граблях по образовавшим от весеннего половодья промоинам, держа одной рукой горячие вожжи, а другой - ухватившись за железное покачивающиеся сидение. И, словно желая поскорее стать взрослым, кричал на коня матерно начинающим грубеть голосом, подражая отцу. А опалённую жгучим солнцем спину жгли ненасытные кровососы, и мелкая сенная труха, поднимаемая граблями, впивалась тысячью игл в мокрую от пота плоть, принося, как ни странно, в тридцатиградусную жару - озноб.

Собрался в тайгу Егор за неделю. Всё подготовил, и даже спирта полтарашку под слани спрятал. А уехать не может! Будто держит кто сзади за штаны! Ходил по двору и как бы сам себя уговаривал, а может, успокаивал:

- Ну, не получилось сегодня - уеду завтра. Никто ведь не гонит…

Только сам понимал, что всё это не спроста. Раньше… Только в отпуск - так вечером уже мотор на реке опробует, до утра не спит, патроны да провиант ружейный по мешочкам целлофановым раскладывает. А самому радостно! А тут кручина взяла: уезжать из дома не хочется, словно предчувствие какое. Да ещё это золото мысли разъедает, словно ржа какая. Вроде и забудет о нём, в работу какую-никакую впряжется - сети чинит, капканы новые регулирует (на охоте-то некогда: там время дорого), - а потом будто гвоздь опять в голове. Как поменять? Как деньги выручить? Да и обману боится. Не шуточно: килограмм! А цены настоящей на золото так и не узнал, хотя уже и месяц пролетел… А как узнаешь? Страшно. Да и у кого в деревне спросишь? Кто знает? Золото - не орехи или клюква. В городе спросить? Так городские. они шустрые, лохов любят, а особенно из деревни, потому как от них последствий можно не ждать.

Вот такие как мысли в голову придут, так и не замечает тогда уже времени Гончар. Очнётся, а глядишь - и уже Настя с работы идёт. А потом понял вдруг. Озарило! Это ведь золото его не отпускает… Держит. Недаром в книгах амбарных читал да диву давался и не верил! Бывает ли так? Оказывается, бывает, и силу имеет золото. Не видимую, не осязаемую, а крепче троса стального. А потом мысль пришла верная: да просто надо забрать крест с собой! Много места не займёт, не на себе нести. Да и поспокойнее ему будет! А то так до Нового года в тайге не просидишь - потянет домой. Да и за Настю спокойней. Баба, она и есть баба: возьмёт да подружкам растреплется, а через пару дней вся деревня будет знать. Вот потом и начнутся проблемы. И даже улыбнулся своей пришедшей идее:

- И овцы целы, и волки сыты…- крикнул в огород, куда ушла жена: – Иди сюда!

- Что стряслось!

- Ужин прощальный готовь! Уезжаю я.

- Сподобился! Люди уже давно на промысле, а у тебя всё через пень колоду…

- Люди на блюде! – глянул на жену с охапкой морковной ботвы. - Сварливой становится, - подумал, но вслух произнёс:

- Ты бы не лезла не в свои дела! Сам знаю, когда ехать…

Утром, когда солнце ещё только вставало, лодка Егора, разрезая дымящуюся воду, ушла вверх по реке. На крутояре стояла Настя в недоумении: «А куда это он поехал? Каждый год вроде вниз по реке уезжал… А может, я что-то попутала…» И, вздохнув и на прощанье махнув ему или поднимающемуся солнцу рукой, направилась к дому. Во дворе увидела вновь прошлогоднюю картину: собака, обидевшаяся на хозяина, что не взял её с собой, залезла головой в будку, выставив из лаза свой тощий зад со свалявшимся хвостом, тихо скулила.

- Не взял - и правильно сделал! – погладила вытянутую заднюю лапу и пожалела: - Дом тебе, старому, надо охранять! Куда тебе в лес-то?.. Намаешься….

Собака перестала скулить и поддёрнула под себя лапу.

- Вся в хозяина, обидчивая…

Отпустить собаку Егор сказал только через сутки, иначе пойдёт берегом и опять, как в прошлом году, недели на две потеряется, а то и вообще пропадёт…

В доме опять было пусто, тихо. И в сердце Насти вновь вселилась тревога. И она включила телевизор, чтобы как-то разогнать тишину, пусть чужим голосом диктора новостей, но только чтобы комариным звоном не

стояло в ушах безмолвие. В открытое окно потянул ветерок, донося запах свежей пихты. Снова мысль резанула: «Как после покойника». И тут же начала чертыхаться и сплёвывать через левое плечо:

- Дура, что думаю! Мужик на воде да в лесу, а я что попало собираю. Правильно Егор говорит: «Дура баба».

Но не могла больше находиться в пустом доме и пошла во двор. С ней это было всегда в первую неделю после отъезда Егора на охоту или на пожар. Места себе не находила. Потом, погрузившись в каждодневную работу, отвлекалась, а по вечерам, чтобы не было тоскливо, уходила к сыну и снохе. Или к себе их звала. Потом проходило время – привыкала. И ждала…

Грудь Гончара распирала ширь реки и прибрежные просторы. Так далеко вниз по реке он не ходил на лодке! Новые места темными кедровыми гривами манили. Хотелось причалить и побродить по высоким гривам, посмотреть, обжитые ли они охотниками. Но отбрасывал от себя искушение и плыл дальше, на ходу перецеплял бензопровод с порожнего бака на полный. К концу дня причалил к невысокому берегу, решив остаться здесь на ночлег, и уже у костра по лесоустроительной карте стал определяться на месте. Только как ни крутил карту, привязывая её к реке, ничего не получилось. Нужно было идти из поймы на материк и там искать квартальный столб, и только тогда с точностью можно определиться на местности.

Сначала было решил сходить и даже поднялся от костра, но ноги от моторной вибрации за целый день дрожали, да и усталость чувствовалась во всём теле. И махнул Егор на привязку к местности. Берег, к которому он спешил, он помнил, и найти его - обязательно найдёт и без карты, потому как мимо не проедешь: истинно благодатные места! Да и ночевал там, взглядом всё охватил: и лес, и плёса, и даже ручей из небольшой курьи. Поймал тогда себя на мысли, как его весной запереть да ельца по лету спустить, растолстевшего в тёплой воде. И даже тогда рассмеялся: ведь не попадёт больше сюда, а мысли, видишь, всё равно работают. Уже совсем стемнело, уже и подрёмывать стал, как по воде донесся далёкий стук топора по лесине.

- И здесь люди! Тоже, видно, заночевали… А они-то, что в глухомани ищут?

Сел, лениво закуривая. Потом встревожился. По его подсчётом, место уже должно быть недалеко, четыре бака горючки сжёг. И обидно будет: столько сюда тащился, а приедет - там люди. Но пришла успокоительная мысль: рыбаки в бор не попрут, а охотников здесь, видно, нет, не заходят далеко. Это при Союзе их вертушками закидывали и вывозили, а теперь дорого, хотя и пушнина стала не дешевая. От воды тянуло сыростью, и Егор подвинулся ближе к огню. Снова курил и смотрел в огонь. Мысли были разные, но чем ближе подъезжал к месту, приковавшему его внимание, тем тревожнее становилось на душе. Уже на закате, перед самой ночёвкой, мысли вообще стали противоречивые. Даже вираж сходу заложил на реке, смалодушничал… Вернуться обратно думал. Потом взял себя в руки: ведь почти доехал! Ну, побудет день-два или до шуги. Может, здесь соболя нетронутого как грязи. Потом вернётся… А куда он денется?! А вот дело к ночи, и опять томить стало, словно как бы не по воле своей туда едет, будто тянет кто.

- Ладно! Утро вечера мудренее! Поживём - увидим…

Глава4

Первое, что увидел, очнувшись, Ларион, - это солнечный луч, который резал ему глаза. Пошевелился с трудом, чтобы уклонить голову от яркого света. Тело болело, а глаза жгло, и язык его тоже был словно вывален в речном песке. Хотелось пить, но встать ещё не мог: ноги предательски дрожали и не слушались. Лежал, молча припоминая все события, произошедшие за последние сутки. Но вскоре дверь избы отворилась, и с клубом морозного воздуха в комнату вошёл бывший его сосед по нарам Анисим. Прислонив короткий кавалерийский карабин к стене у окна, подошёл к Ларьке.

- На поправу, вижу, идёшь… А я уж Петрушу заставил домовину тебе выдолбить: мало ли чего. Неделю почитай мёртвым был.

- Зачем я тебе, поп? Да какой ты поп?!.. На тебе ряса и то чужая… Отпусти ты меня, мил-человек! Катерина меня ждёт!

- Катерина, говоришь? – задумался, ухмыляясь Анисим. – Она-то может и ждёт, только не одна, а с урядником. А что ряса, говоришь, с чужого плеча… Так и у тебя армяк казённый. И стало быть чужой! Потому как в бегах ты, а он тебе даден провинность отбывать. И что теперь на себя ни надень - всё будет чужое . Ведь чужую шкуру только раз нужно примерить - прирастёт…

Прошёл по комнате в мягких валенках, тихонько покашливая.

- Храм будешь строить, Ларя! - вот для чего ты здесь.

- А мне храм ни к чему! А ты, стало быть, покаяться захотел?.. Грехи искупить хочешь, дядька?! К Богу подмаслиться?! Только вот примет ли Бог…. Молиться в новом храме будешь? Или монастырь устроишь? Думаешь, Бог за подношения прощает?

- А храм, Ларя, это не только, где молятся. Храм - это где умиротворение души приходит.

- Домовину они мне выдолбили… Не рано ли? Уйду я от вас! Не удержите! Каторга не удержала…

- Али забыл, кто помог тебе?

- Не забыл! Только и без твоей помощи ушёл бы!

- Вольному воля – иди! Только далеко ли уйдёшь? Зима-матушка на дворе… Чем же тебе здесь не житьё? Тебя сейчас поймают, бессрочную дадут. И клеймо на лоб! Палки выдержишь – здоровый, а клеймо на всю жизнь - не скроешь. Да и не молиться я хочу, не свои грехи замаливать… Епитимью такую на себя наложил за грех свой, когда впервые здесь побывал. Не душе помочь хочу убиенного мной варнака - тот после смерти вознеся, сам видел - место здесь святое! А на святой земле и храм должен стоять.

- Для чего же храм, коли людей здесь нету?

- Когда люди прознают про храм, приходить станут.

- Чем же она святая, дядька Анисим? Тайга как везде, речка, да болота.

- Чем? Из этих мест Смолокур к Богу пришёл! Здесь пришло к нему осознание греха! И ко мне тоже…

- Нет, поп! Другое у тебя на уме! Люди сюда пойдут, если грехи на этой земле будут отпускать! Они этого хотят, и тогда валом повалят! А чтобы прийти сюда? Чтобы раскаяться? Признать грех? Нет! Врёшь! Они обходить это место твоё святое будут за триста вёрст! У каждого на уме, что он прав! Украл ли, убил ли - всё одно будет винить другого, потому как каждый человек считает себя праведником. И если изба сгорит или нищета в руки посох попрошайки вложит, всегда у человека ответ есть на эти горести: мол, за грехи родителей страдаем, или ещё за чьи-то… И никто не признается, что он ленивый да растяпа и опять грешит! Вину на ближнего своего сваливает. Вот и ты, дядька Анисим, в рай хочешь, потому как чуешь смертушку.

- Может, ты и прав, Ларя… Только храм возведу! С тобой ли, без тебя ли - а стоять ему здесь!

Анисим сел у окна, опёршись бородой о подоконник. На улице Петруша откидывал снег от амбара и бани. Подумал: «Вот этот тихий, ни в чём не перечит, а зарежет - слюны не сглотит… А этот - репей репьём, только за спиной такого держать не страшно… А вот Петрушу опасаюсь: страх у него передо мной, а человек в страхе не надёжен… Сам, конечно, тоже хорош: зайцем Лариона сделал, чтобы внимание псов отвлечь от своего сиятельства…»

План в голове Анисима созрел ещё на пересыльной тюрьме, когда впервые увидел Лариона. Здоровье тот ещё не растерял, молод да здоров - лесной человек! Оторвётся от погони! А на станции день-два после его побега отдых будет: все силы поначалу на беглеца кинут, и ему, Анисиму, легче будет уйти. И уйти прямо от почтовой станции, так как его уже там ждать будет верный человек – Порфирий - с одеждой да конями.

Всё получилось, как задумал, только вот не учёл, что дойдёт Ларион. Он ведь и место ему объяснил верно, потому как не думал, что дойдёт. А оно вон как получилось! Повернулся к начинающему вставать беглецу:

- Ты уж меня строго не суди, Ларя… Мне ведь тоже уйти надо было с каторги. У тебя вот Катерина, а у меня - вот это место святое…

- Заладил ты, дядька: место, место… Что мне тебя судить! Помог - на том спасибо! С железом не дошёл бы. Так что поклон тебе за это… Только теперь я сам разберусь, куда мне идти и что делать. А твоё золото мне ни к чему: беда от него! Хоть возьми моего тятю - покойничка, царствие ему небесное! Сначала старателем был, а потом…

- Что, умер?

- Нет, не знаю… Сгинул.

- Так, может, жив он ещё, Ларя? А ты уже как о покойнике говоришь! Нельзя так! Грех это!..

- Был бы жив - воротился! А так… Нет его.

- Меня, Ларион, лет двадцать как к покойникам, наверное, причислили, а жив я. И теперь я уже и сам не знаю: я это или не я? Тот-то должён был на каторге дух испустить. Больной был. Чахоточный. С моей фамилией. А я с его фамилией и болезнь видно его перенял, Господь-то он видит…

- Не пойму я, дядька…

- А мало посидел! Не успел понять всего, как в бега ударился. Свадьбу мы сыграли с одним монахом. Поменялись судьбами. Он на каторге остался жить за меня, а я - за него в монастырь направился.

- Можно ли так, дядька?

- Можно! Окрутить любого можно, коли при деньгах… Вот сменку и сделали. Ему оставалось на каторге немного: за бродяжничество в острог попал. Только вот в карты свою судьбу проиграл. Не мне - я не играю,

«иванам» жизнь свою спустил. Я её купил уже у них. Им-то она зачем? А для меня – свобода!

- Ну, если так и что?.. Надзиратели ничего не заметили?

- А надзиратели тоже многие из нашего брата вышли. На поселении где работу найдёшь? Вот и идут обратно… Кто надзирателем, кто палачом. Только закон каторжный блюдут. А иначе и нельзя, Ларя, - смерть. А смерть, она одна, хоть на кобыле под розгами да палками, или на повале где, или в шахте - и она чины не видит, и на власть ей и деньги наплевать.

- Страшный ты человек, дядька, а с виду вроде немощный, соплёй перешибёшь…

- Чем же страшен тогда?

- Как змея изворотливый.

- Вот потому и живу!

Анисим всматривался в заснеженную тайгу. Всплыл тот день в памяти! Как воочию увидел, да уже и не день был - сумерки, когда привели в бараки этапные. Только лицо бывшего монаха сразу Анисиму в глаза бросилось: сходство поразило с собой. Даже мысль закралась: «Не тятя ли убиенный блудил?» Потом отбросил: тятя-то дальше России не выезжал. А тут – Сибирь-матушка. Подослал «храпов» исподтишка к монаху выяснить, кто он да за что… А когда первую весть принесли, что бродяжкой монах был и что доля его острожная кончается - ждёт обратного этапа в Самарскую губернию - возликовал! Заплатил двум «иванам» и майданщику. И началась свадьба! Майданщик не успевал ссуживать азартному, больному монаху деньги, подпевалы с двух сторон нашептывали: «Отыграешься! Фарт пойдёт, и карты лягут!». К полуночи свадьба закончилась… Майданщик долги вскорости запросил. Вот тут-то «иваны» и купили долг монаха у майданщика да перепродали Анисиму.

Ну, с полуночи до восхода сменка была. Рассказали всё о себе друг другу монах – бродяга и Анисим - бессрочный каторжник. А утром пошёл монах по этапу на восток, гремя кандалами, а Анисим на запад за свободой. Только не дошёл до конечного этапа.

Увидел за Обью-рекой первый монастырь, и будто что-то случилось внутри Анисима. Задрожал всем телом и упал, будто в падучей. Бился на каменистой земле с пеной на почерневших вдруг губах, словно жеребец запаленный. Сбились каторжане кругом, подбежали надзиратели. Видят, что не притворствует, оттащили с дороги, а потом братьям из монастыря отдали - там у них лазарет был для убогих.

Что было с ним, Анисим сначала не понимал, думал: припадок. Духом пал. Лежал в пропахшем подвале приюта монастырского и ничего не хотел. Бежать уже никуда не надо: паспорт игумену власти отдали - вольный! Но и жить на белом свете тоже не хотелось. Будто пожар по душе прошёл. Ничего не волновало, не беспокоило. В пище тоже нужды не было. Только воду пил растрескавшимися губами, ощущая солоноватый вкус то ли воды, то ли своей крови. Словно умер, лежал, не вставал с нар, глядел, не моргая, в каменный сводчатый потолок и ни о чем не думал. И так бы, наверное, и отошёл, если бы не старец Никодим. Неделю приносил он пищу, садился напротив, смотрел из-под седых бровей на Анисима и ничего не говорил.

Однажды как-то под вечер пришёл, зажёг свечи, поставил во изголовье и тихо, как бы про себя, стал читать молитву. Редкие слова доносились до каторжника, и слух Анисима ловил их. Только не понимал он тех слов: какие-то обрывки, и ни с чем не связанные. Но к середине ночи почувствовал, что

встать хочет и воздуха свежего вдохнуть, но только на маленьких окнах - толстые кованные решётки

- Распахни окно, батюшка… – попросил тихо. – Напоследок хочется запах почувствовать…

- Не гневи Бога, отрок! Рано задумался о смерти! Смерть была бы для тебя избавлением, и искуплением грехов твоих, и отпущением души твоей в царствие небесное. Смерть… Её тоже вымолить надо, коли грешен! Жизнь тебе теперь в наказание, чтобы раскаялся. За что железо верижное носил?

-Так бродяга я…. Сначала при монастыре жил, потом после пострига бес в меня вселился: стены каменные стали душу мне разъедать… Ушёл.

Старец внимательно посмотрел на Анисима.

- Иноком, говоришь, был? Расстригли?

- Не знаю… На каторгу попал. Паспорта не было, потерял.

- А правду ли ты мне глаголешь?

- Святую правду… - потупился на мгновение. - Домой сейчас шёл, только вот беда приключилась, отчего - не знаю. Как обитель увидел - пал.

- Видать Господне наказание – молиться перестал, заповеди забыл. А душа у всех тянется к Богу. А в тебе сомнения были, коли монастырь оставил без благословения. Плоть твоя против души восстала! На погибель тебя вела!

- В страхе я… Жизнь теперь во мне, как одёжка с чужого плеча. То жмёт, то просторна, всем ветрам доступна. Холодно…

- Страшно?.. А отчего, не знаешь? - Посмотрел пронзительно на почерневшее лицо Анисима. - Смута в тебе, от того и страшно. Оставайся в обители, в тишине да покое инакомыслие уйдёт. На праведный путь, помолившись, встанешь. Потом можно и домой возвратиться. А покуда нет примирения внутри, не дойти тебе до дома – пропадёшь или железо опять плоть твою рвать будет. Много вашего брата по тракту лежит, без исповеди и покаяния. И в тебе сейчас жар. То душа твоя противится жизни безбожной, грехи её твои жгут, а о душе надо думать… Душа - не прах! Она вечна!

Подошёл и во изголовье зажёг потухшую свечу на обшарпанном тёмном столе.

- Сословия какого будешь?

- Из дворян…

- Из дворян, говоришь?.. Ну, так те больше по офицерской части… А ты почему монастырь выбрал? Вроде не болезный, и выправку даже каторга не сломала. А тот ли ты за кого себя выдаёшь?

Пытливо посмотрел прямо в глаза Анисиму, потом вздохнул:

- Мне солжёшь - Господу не солжёшь! Так надо и жить по совести… А болезнь твоя отступит. Младость своё возьмёт… Молиться нужно: Бог, он всемилостив - простит.

Не сразу выздоровление пришло, только беседы со старцем на пользу пошли. Отрешение от всего отпустило, жить захотелось, но поправившись, не ушёл Анисим, послушал старого монаха, остался в обители. Сначала думал, ненадолго: сил наберется и уйдёт, - а затянуло, покой пришёл… И чувство вины, которое терзало его многие годы за свой смертный грех, стало тускнеть, пока не исчезло вовсе. И поверил, что молясь, искупил грехи.

Грамоту имел, читал много, Евангелие научился толковать, и не только по писанию, а своими доступными словами. И пяти лет не прошло, как рукоположили его священником в сельский храм. Женился, правда детей не было: матушка слаба здоровьем была, и год за годом прижился Анисим в Сибири. Благо до начальства далеко, а до Бога высоко.

Только ощущение, что в нём два человека, не покидало его. Тот настоящий, что был до поповской рясы, время от времени бунтовал в нём. Сначала он закрывался в своём большом доме и уходил в пьянство. Пил до тряски в руках и во всём теле, и мучился по утрам с похмелья. Не помогали ни сибирские снадобья, ни мороженая брусника с клюквой, ни знаменитый огуречный рассол. И ещё вдобавок ко всему словно выныривал тот, из ниоткуда, оставшийся с его фамилией там, на каторге. Корил его, и так, словно вбивал ему гвозди на распятии. Не проклинал! Нет! Просил только жалостливо, чтобы не поганил имя его, не осквернял то, что ему никогда не принадлежало, и тем самым душу Анисиму выматывал.

В деревне стали искоса поглядывать на батюшку, иногда со смешками. Да и понятно и самому было Анисиму. Ладно бы пил на святые праздники: в праздники сам Бог велел! А то у людей страда, а батюшка за церковным амбаром в траве, в тенёчке, наливочку пьёт. Да ещё и песни иногда каторжанские поёт. Тут ещё взял к себе в работники конюха и кучера в одном лице, разбитного весельчака. Да и не только весельчака, ухореза первостатейного! Тот его стал возить по таким местам, куда новоявленный поп всегда тайно даже от себя стремился. От святых проповедей и молитв опускался в самые злачные места, где всё было пронизано грехом и богохульством. Но это не тяготило его - наоборот! Он стал ощущать контраст между падшими и вознесшимися.

И жизнь для него стала другой! Он почувствовал интерес от этого контраста и сильное желание жить. И он, Анисим, сначала стоял только на грани, на черте между двумя противоречиями, наблюдая и изучая, но потом стал срываться с этой грани и каждый раз в противоположную сторону. То молился неистово, то пускался в распутный загул с дешевыми девками, в домах под шестом с соломой наверху. И снова после каждого срыва приходил к нему, как кошмар, тот, с кем поменялся своей судьбой и именем, - монах-бродяга. Снова корил, и за светлое, и за тёмное, и за прошлое, и настоящее… А иногда монах тихо беззвучно плакал. Анисим даже в сонном кошмаре видел, как по русой бороде сбегали слёзы. И опять ничего не говорил, не причитал, о чём плакал. Только Анисим знал! О душе и имени своём проданном плакал… Не дьяволу, так Анисиму, и от этого монаху, видно, было нисколько не легче.

Наконец, отвлёкшись от своих мыслей, поп повернулся снова к Лариону, хотел что-то сказать, но приступ надсадного кашля усадил его на лавку. Побагровел, вытер тёмной тряпицей губы.

- До весны бы мне, Ларя, дотянуть… Показать тебе святое место… Ведь если ранее умру, не сведёт тебя туда Петруша.

- От чего же, дядька? Он же у тебя в услужении! Боится тебя!

- Боится, пока я жив. Умру, он тебя сонного задавит! Без сна-то долго ли продержишься? Неделю… А там смерть. Мы против него ангелы…

- Не напугаешь! Сам задавлю кого хочешь! И не сонного! - Ларион привстал со своей лежанки. – Ты-то, дядька, для чего меня им пугаешь? Чтобы я по твоим законам жил? Не будет этого!

- Все мы живём по чьим-то законам - волчьим ли, христианским… И ты будешь также жить!.. Это пока молод, думаешь по-иному, а потом и не заметишь, как над собой пастуха увидишь. Я не хочу, чтобы ты жил по моим законам, потому как я сам не знаю, по чьим законам я живу. Наказал я себя сам!

- А на каторгу за что пошёл?

- В первый или во второй раз?

- А расскажи всё! Или попы, как ты, только перед Господом исповедуются?

- Исповедь, Ларя, она ведь для всех перед богом, а кто исповедь твою слушает: священник или простой человек, которому доверился - значения уже не имеет. Ты с души своей исповедью тяжесть снимаешь, очищенье ей делаешь. А исповедь, она до Бога дойдёт! Лишь бы искренне раскаялся.

- Не пойму я тебя, дядька Анисим… То ты, как святой, проповеди читаешь, то на дорогу с кистенём выходишь? В оборотня, видно, превращаешься! Вот от чего ты ещё страх несёшь!

- А мало кто не оборотень, Ларя! И ты им станешь! Придёт срок…

Ларион вдруг вспомнил свой лихорадочный бред, когда пришёл на эту заимку. Вспомнил, как его тело обрело звериную крепость, и как рвал он человеческую плоть. И жёлтая луна, радость души при этом от одиночества. И чётко вспомнилось, как он задрал голову к призрачному небу и заревел.

- Проклятое тогда здесь место, дядька Анисим, а не святое…

- Святое и проклятое, Ларя! Здесь богатство и бедность, здесь воля и каторга, злоба и доброта - и всё это, Ларя, здесь в каждом человеке, всё вместе. Здесь это открывается, только открывается больше то, чего в человеке больше. Ты называешь человека оборотнем… А мы все такие… А если кто-то себя не считал таким, попадая сюда, начинает понимать, что это так. И ты узнаешь это. Придёт время.

Замешкался на мгновение, словно собирался с мыслями.

- А первую каторгу я получил давно, ещё в молодости…

Воспылал любовью Анисим к молодой мачехе. Матушка его покойная рано ушла, смутно он её помнил. А батюшка мачеху привёл, когда ему уже восемнадцать было… Да и ей столько же. Вот и спелись, пока батюшка на службе… Только разве утаишь шило в мешке? Батюшка, когда прознал, как холопа велел на конюшне вожжами драть. И драл его конюх, а потом вожжи батюшка отобрал. Конюх как-то жалел его, недоумка, кожа целой была. А уж когда батюшка начал драть, кожа слетела со спины, что береста с берёзы. И остался он там, на конюшне, уйти не смог. А глубокой ночью прокралась мачеха, он её тоже не пожалел… Посмотрел он тогда ей в глаза, сердце кровью облилось - пустыми глаза стали, словно мёртвыми. Куда напыщенное благородство батюшкино делось? До простого мужика опустился, руки распустил.

Спросил:

- Зачем пришла? Ведь зверь в батюшке живёт - с отрочества знаю. Забьёт…

- А я, - говорит, - проститься с тобой пришла.

Поцеловала разбитыми губами меня в лоб и ушла.

Кричал ей вдогонку:

- Не уезжай! Оклемаюсь - вместе убежим из-под батюшки…

Анисим снова закашлялся, вытирал тряпкой только уже не окровавленные губы, а глаза, снова прошёл к окну и замер, замолчал, вглядываясь в заснеженный кедровый лес.

- Уехала, дядька Анисим? – спросил взволновано Ларион, почувствовав вдруг в старом каторжнике неописуемую боль за прошлое.

- Повесилась, Ларя… Ну, а когда оклемался я, спалил поместье и батюшку тоже… Не простил. Да и сейчас не простил... Хотя сколько уже лет прошло, казалось бы, забыть должен или казнить себя перестать, а нет…

- Знамо дело, дядька Анисим, родного отца спалить, -как тут казнить себя не будешь? Да и не забудешь до смерти, видно! Грех такой на душу взял…

- Да не за него себя казню! За неё! Не уберёг…

- Вона как! А я-то думал, повинился ты...

Анисим посмотрел на Ларьку исподлобья, потом махнул рукой

- А ты повинился, когда урядника прибрал? Хоть и в честном бою, но убил… И не ради живота своего - ради удали да развлечения! Гордыня в тебе! Поди и лба за содеянное не перекрестил?

- Перекрестился топором, когда в лес ушёл.

- Ярый ты, я вижу… Что же на нарах молчал?

- Слушал, что бывалые говорят. Чего поперёк батьки…

- Значит, выживешь, и Петруша тебе будет не помеха. А ты, я вижу, не такой, как о тебе думал.

- Да и ты, батюшка, не тот, за кого выдавал себя. Святошей вот здесь стал, а на тебе, по твоим же словам, и клейма ставить негде.

Ларион откинулся на подушку и замолчал. Уходить сейчас резона не было - прав Анисим. Зимой не выживешь в лесу, в деревню тоже не зайдёшь… Лета ждать надо! Тогда и каждый куст дом! А там и Катерину навестит, а может, и схоронятся вместе. Время идёт смутное, народ на царя поднимается. Слышал на пересыльной тюрьме от людей, что особняком держались. Сначала и про Анисима тоже подумал, что он один из них: больно уж похож! А нет, на деле попом оказался. И ухмыльнулся. Да какой он поп, если шкуру меняет, как заяц, два раза в год! Что же за место здесь такое?.. Почему здесь человек по-другому себя узнаёт? Может, и правду говорит Анисим?..

Глава5

Сруб часовни рубить начали по весне, как только сошёл снег, недалеко от заимки, в сосновой небольшой гриве. К весне и здоровье Анисима пошло на поправку: видимо, не зря старался Петруша, готовил котлеты и пельмени из барсучатины, подмешивая разные травы и коренья, чтобы отбить запах дичины и вкус жира. Ларькина же болезнь была недолгой. Через пару недель после побега с каторги он уже не мог усидеть в зимовье и, расколов и просушив ёлку, выстрогал себе лыжи и начал изучать окрестности, ставя петли на зайцев и силки из конского волоса на рябков и куропаток. За зиму обошёл всю округу и однажды даже набрёл на одинокий санный след, который тянулся по бору, удаляясь в противоположную сторону от реки. Заметил место: знать, проезжал человек в деревню, откуда - не ведомо, но след был прямой. Знать, человек ехал, знал куда. Прошёл по следу. Вроде и места знакомые, только вспомнить не мог, как и хождения по реке ни к чему не

привели. Знал, что река родная, только не бывал в этих местах. Пройти дальше не давал зимний короткий день, нужно было засветло вернуться на заимку.

Никто из обитателей заимки его не удерживал от выходов в тайгу, никто и не следил. Возможность была уйти, и желание было, только понимал, что схватят, выйди он на тракт или в деревню. Но места изучал - где можно схорониться, а где и уйти от погони. Только знал, что рано ещё – зима.

А тут весна! И решил помочь он Анисиму. Срубят они сруб для часовни с Петрушей - отдаст как бы долг человеку, помогавшему ему уйти с каторги. С немтырём он вроде разобрался. Сошлись как-то с ним на улице, не уступили друг другу узкую тропинку. Около получаса бились на кулаках! Вроде бы равно, только потом нож немой вытащил и пожалел после этого. Поймал его Ларька за руку, да и сломал её. После этого немтырь с неделю ещё зверем на него смотрел, но потом вроде смирился, злоба в глазах погасла. А может, притаился. Трудно в его глазах было что прочитать. А если притаился, значит, ещё хуже: исподтишка может жизни лишить. Ранее хоть в глазах его злоба огнём палила да суть внутреннюю выказывала, а теперь вроде как задремавший зверь, не весть когда проснётся… На вопрос: «А что бы на месте не рубить храм? (как называл Анисим часовню)» - получил отказ: нельзя там летом рубить, лесной человек не велит. Работа там на ум не идёт, а только мысли и блаженство. Здесь рубить будем. За лето работу сделаем, а зимой на конях перевезём да поставим, а весною осветим…

Хозяйское слово закон. Рубили, благо лес рядом, даже подвозить не пришлось. Сам Анисим не рубил, но постоянно присутствовал. Ходил, смотрел, чтобы брёвна были добротные, даже ладонью гладил, а потом отходил в сторону и ладонь ту нюхал, чуть не пробовал на вкус. Удивлялся Ларион. Чудно! Какой можно запах унюхать от свежесваленной ошкуренной сосны? Спросил как-то, теряясь в догадках:

- Сдаётся мне, батюшка, что-то ищешь ты? Только в толк не пойму, что?

- А сам, Ларя, не знаю! А может, и совсем не знать лучше… Когда какая-то тайна открывается, стремление теряешь, жизнь скучной становится, тягостной.

Уже травы вовсю поднялись, сруб высотный стал, маковку осталось-то всего лишь сподобить. Но ранним утром проснувшись, не нашёл Ларион ни Анисима, ни Петруши - как сгинули! Два дня не было. И рубить Ларька перестал, подумал: может, опять куда ушли. И двух коней не было верхами - видно, уехали. А ему для чего часовня? Молиться не собирался, да и здесь оставаться на долгое время тоже.

Было стал сам собираться, когда под вечер оставшийся конь в большом травянистом загоне в начале поймы голос подал, учуял приближение людей. С карабином притаился, ожидая: а вдруг жандармы? Стрелять бы не стал, так как убивцем себя не считал. Пусть жандармы или ещё кто. С карабином в тайге выживешь. Но на тропе показались знакомые фигуры Петруши и Анисима. Вышел из засады, только лица их не узнал: Петрушино перекошенное, словно от нестерпимой боли, а лицо Анисима, наоборот, просветлённое и какое-то блаженное. И не слышали они Ларьку! Каждый был как бы не в себе, только делали всё как и надо было делать. Спешились у крыльца, Петруша коней взял под уздцы и в загон повёл, молча, не улюлюкая, как всегда, а Анисим в дом прошёл и на колени встал перед образами. И молился, только без слов, молча. Глаза молились, глаза просили о чём-то Господа, менялись они - видел это Ларион - взгляд менялся. Спрашивал Анисима, только молчал тот, не слышал, и отступился Ларька от него. Захочет - сам потом расскажет.

И ещё заметил Ларион: дух от них шёл странный, от одежды. Словно в каком подземелье были, тяжёлый, не выветрившийся. Так иногда пахли медведи весной, после берлоги. Пришлось с одним таким встретиться. Под себя он тогда Лариона подмял, ладно нож под рукой тогда был, успел живот он ему вспороть да, как учили когда-то ясашные, между ног задних выскользнуть. Запаха он тогда натерпелся берложьего… И когда потом свежевал его, запах тот как бы в голове тогда засел. Бросил даже и свежевать. Костлявую тушу воронью на прокорм отдал, сам к мясу не притронулся. Как не пытался руки отмыть - не помогало, ото всюду запах тот мерещился. Спустя время думал: «Может, это от страха было?» А страх он испытал! Когда рогатину медведь, словно тростинку лапой сломал да обнял его, как дружка закадычного. А может, и они на медведя ходили? Хотя навряд ли… У медведя сейчас корма больше, чем у человека в лесу. Нет, не на охоте они были. Тогда где?

Утром снова все словно играли в молчанку. Делали все свои дела, но никто не обмолвился словом. Петруша пришёл с топором к часовне, рубил молча, с перекошенным лицом. До ухода с Анисимом при рубке сруба он даже пытался спорить с Ларькой, не соглашаясь с ним в каком-то плотницком деле. То с силой толкал бревно и фыркал, как медведь на муравьиной куче, давая тем самым понять Ларьке, что он делает не так, или не по его, или не правильно. А рубить срубы он умел! А тут Ларион намеренно запорол угол, вырубил на палец больше, а он как будто и не заметил. К обеду пришёл Анисим и только посмотрел на немтыря, как тот воткнул топор и пошёл следом за ним. Ларька тоже, воткнув топор, двинулся следом. На заимке был готов обед: приготовил сам Анисим. Дымились чашки с мясом и кашей. Не выдержал больше молчания Ларион, крикнул во весь свой бас:

- Да вы что, оглохли, православные?

И увидел, что даже никто не вздрогнул. Не услышали! Мерно стуча ложками, ели кашу и рвали зубами рёбра молодого лосёнка.

-А и в правду что-то с ними…

И показалось, что они привыкли к этому давно, что это им уже не в новость и были довольные чем-то. Вот узнать бы чем? Матюгнулся и метнулся снова к срубу. Лёг под кустом можжевельника, думу стал думать. Докончит маковку - вот и уйдёт домой. Непременно уйдёт! Будет жить где-нибудь поодаль в тайге да навещать Катерину иногда. Вспомнил о Катерине - и боль пришла: ведь сватать собирались! А теперь как? Жених - каторжник, да к тому же беглый. Ждёт ли? В аккурат год уже прошёл, может, кто и сосватал. И рука сжала топор.

- Зарублю обоих!

- Кого это ты рубить собрался, Ларя?

Вздрогнул Ларион. В думах своих не слышал, как Анисим подошёл.

- А у тебя речь вернулась? Ухожу я от вас! Не могу больше! Вы и среди своих как звери… Страшные вы! То молчали сутки, как будто и нет меня, а теперь вот разговариваешь… Не по пути мне с вами! Опять, наверно, на большую дорогу ходили? Золота вам мало - ещё кого-то жизни лишили?

Анисим сел рядом, бросил карабин на траву. Лицо батюшки вновь приняло нормальное выражение. Глаза грустноватые, но вместе с тем живые.

- Нет, Ларя, на святую землю ходили…

- Поклоны, наверное, били, что оглохли оба? Докричаться не мог…

- Когда святые разговаривают, после священной земли люди глухи. А ты либо напугался?

- Мне что пугаться? Я сам по себе! Уйду вот Катерину проведывать...

- Может, и уйдёшь, только не сейчас… Лесной человек просил и тебя привести.

- Ой, дядька Анисим!.. Сдаётся мне, с чертовщиной ты связался, а не со святым местом. От вас же землёй пахло могильной! – перекрестился. – В преисподней вы были… Да и сами той землёй вымазались, словно свиньи в жару.

- А я тебе уже говорил, Ларя: каждый здесь видит себя по-своему, по своему внутреннему подобию. Чего в человеке больше: зла или добродетели - тот то и видит. И разговаривают с ним на какую сторону он больше склонился… Может, к кому-то святые приходят и ангелы, а к кому-то - бесы… Жизнь, она разная, Ларя, как и люди в ней. Осуждать разве можно?.. Можно, конечно, и на путь наставлять, как в писании. Только я тут расхожусь с писанием. Человек, он сам выбирает, - помолчал. - А что, говоришь, землёй от нас пахло… Так это для тебя так чудится, потому как не был ты ещё на святой земле. Для побывавших там - благовонием…

Не стал перечить Ларион. Взял топор и в приготовленном бревне начал рубить паз, про себя думая: «Не всё в порядке у них с головой: и у того, и у этого! Чего с ними спорить? Лучше уж, если жандармы возьмут, так снова на каторгу, чем вот с ними». Но тут же в голову запал интерес. Не просто так они ходили! Может, были они сами у этого лесного человека? Может, этот человек не какой-нибудь лесной, а такой же лихоимец, как и они? Опоил чем-то за встречу - вот они и пришли на заимку не в себе да ничего о происшедшем не помнят. Вот им и блазнится дурь всякая. Вот и Петруша отошёл, идёт по тропинке к срубу, губами чмокает да улюлюкает. Может, и землёй от них пахло потому, что тот лесной человек, наверное, в норе живёт или берлоге. Тут сидеть будешь - не узнаешь. Надо в следующий раз их протропить. А может, самому найти это место? Много по лесу ходил, только вот святых мест не видел, да ещё таких, от которых ума лишаются. И лесных людей не встречал. Беглых, кержаков или иноверцев северных приходилось. Вот только самому с ними идти не след… Опоят ещё. Только для чего им это надо? Ради рабочей силы, чтобы часовню поставить? Так ведь не отказался – сказал, что поможет. Не понятно…

Подошедший Петруша легко взлетел на сруб и стал зарубать матицу. Взглянув на немтыря, Ларион увидел, что и его лицо расправилось, снова приобрело немного глуповатый вид. От усердия тот лихо махал топором, не обращая внимания на отлетавшую в лицо щепу.

Сруб к Ивану Купале был готов. С небольшой башенкой, только без креста. Крест стоял рядом, прислоненный к углу часовни. Анисим запретил ставить его здесь.

- Вот и дело спроворили ладное, богоугодное… - перекрестившись на храм, обойдя его вокруг, проговорил Анисим. – Осталось за малым: перевести зимой да поставить. А уж утварь церковная у меня есть. Годами скапливал… Да и не я один: от Смолокура кое-что осталось. Видно, и ему мысль приходила такая же, как и мне. Только Бог-то не принял его подношения. Крови на нём было много… Дружков своих сжёг…

- А может, Смолокур не копил, а церкви грабил? Почему только старателей да артельщиков? В церквах ведь тоже много золота.

- Всё может… - посмотрел на Ларьку. – А ты собирайся в дорогу. Завтра поедем к купцу нашему. Запас на зиму везти надо. Все поедем... И не нам с тобой людей судить. Судить могут только там, – указал пальцем в небо, – и здесь, на святой земле…

- Да ты, батюшка, веры какой? Что-то не пойму я никак. На кержаков не похож, на иноверцев тоже. Суд Божий он ведь один! Для всех!

- Здесь человек сам себя судит по Божьему суду! Здесь ему всё открывается, но и воздаётся за грехи его тоже здесь.

Выехали рано утром на лошадях верхом. Солнце начало только вставать, и в глубоких черных логах было прохладно. Впереди, качаясь в седле и что-то мурча, наподобие песни, ехал Петруша. Дорогу он знал очень хорошо, так как коня направлял уверенно, без суеты, не напоровшись ни разу на заломы. Оглядывая тайгу, Ларион старался увидеть хот какие-то признаки, что люди появлялись здесь - охотники или ещё кто. Но тайга была нетронутой: ни затёсов, ни натоптанных тропинок - одни звериные тропы. К концу дня вынырнули из тёмного кедрача в светло-жёлтый сосновый бор. И вот тут-то впервые Ларион углядел старое кострище.

- Были люди здесь - значит, не так и далеко до них. - подумал про себя, а в слух задал вопрос: - Деревня где-то рядом. батюшка?

- Рядом. Только там никто не живёт. Ушли отсюда люди…

- Почему?

- Не знаю… Сначала зверь пошёл прямо через дерёвню, потом вся божья тварь, что в лесах здешних водилась. Как от пожара бежали! Говорили: лисы вместе с зайцами в одной стае были, и никто никого не трогал. Последние ушли отсюда люди… - помолчал. – Знаменье, говорили, здесь какое-то было. Небо огнём вспыхнуло и горело.

- А может, и впрямь тайга горела?

- А ты, Ларя, ехал, где видел старое пожарище? То-то и оно… Не было никакого пожара.

- А что же люди ушли? Не так-то просто с насиженного?

- Страх будто гнал их. А может, что промысла не стало, зверь ушёл… Не знаю. Но говорят: те, что последние отсюда ушли, те юродивыми стали, теперь будущее ходят предсказывают, по всем весям разносят. Ни кола, ни двора… - перекрестился. – Господи, помоги им! Многих, наверное, и в живых уж нет.

- Давно ли было то знамение?

- В девятьсот восьмом, кажется… Зверь потом вернулся, только люди не пришли. Последний человек, как люди говорили, когда уходил, спалил деревню дотла. Нечисть будто в деревню вошла…

- А сам-то веришь ли в это, батюшка?

- Не знаю… Господь вряд ли бы допустил такое.

- Убивать же допускает…

- Ну, так все под Богом ходим - он решает: кому жить, а кому умереть.

- И убийство тоже?

- И убийство.

- А если так, то почему это людскими руками делает?

- Не богохульствуй!

- Себя обеляешь… Только вот сдаётся мне, что грех этот не обеляется…

Промолчал Анисим.

К концу второго дня въехали в небольшое село на берегу широкой реки, Петруша направил коня к большому крестовому дому что был почти на самой окраине. Привязав коней, зашли в большой двор с амбарами и небольшими складами на толстых лиственничных сваях. Хозяин, приземистый мужик, одетый летним вечером в меховую безрукавку, велел завести коней на конный двор и проводил гостей в небольшой домик на краю двора, почти у самого

леса. Там уже орудовал у самовара то ли приказчик, то ли работник. На столе появилась снедь и казённая водка. Сказав располагаться и отужинать, пригласил Анисима с собой. Ларион, отвыкший уже от простой деревенской еды, подтянул к себе чашку с молодой картошкой и малосольными огурцами. Выпив стакан водки, он посмотрел на рядом сидящего Петрушу. Тот пил, не закусывая, только изредка рыкал в рукав потрепанной рубахи. Пить много Ларион боялся. Шутка ли?! Впервые после побега вошёл в село да увидел людей! Петруша как бы понял, чего опасается Ларион, и ухмыльнулся в бороду. Потом взял его за плечо и потянул в другую комнату, и в нише у печи за занавеской показал ему другой выход, примыкавший к лесу.

Сели снова за стол. Выпили. Анисима всё не было.

- Куда он его увёл? - спросил Ларион у чавкающего немтыря, стараясь узнать хоть что-то по его жестам. Немтырь посмотрел на него хитро и не издал ни одного звука. Взял бутылку водки и наполнил до краёв стакан Лариона.

После выпитого изба поплыла куда-то вниз, то проваливаясь, как и все они, в преисподнюю, то взлетала ввысь, словно лодка на крутой волне. А Петруша сидел на лавке у печи и, растягивая гармонь, пел песню про ямщика. Последнее, что успел сказать, с трудом разлепляя глаза:

- Ты же немтырь, Петруша…

А под потолком билась песня немтыря, качая Лариона, как в колыбели:

Ты ямщик не гони лошадей
Мне некуда больше спешить
Мне некого больше любить…
Ты ямщик не гони лошадей…

Батюшки с купцом не было два дня. Отвыкший от людей, Ларька находился на подворье купца и не выходил за ворота. Слоняясь без дела, осматривая хозяйство, заводил разговоры с работником, стараясь узнать, куда тот уехал с батюшкой Анисимом. Разговорчивый работник рассказывал о селе, о городе, что в двадцати верстах, но только о купце да о батюшке не сболтнул ни слова. Кучер, мол, знает, куда уехал - его надо поспрошать, а он человек маленький. Велел, мол, за вами ухаживать, да чтобы вы ни в чём нужды не знали.

Петруша день и ночь пил, не выходя из-за стола. Вспомнив о Петруше, Ларион даже усмехнулся: надо же спьяну привидеться – немтырь запел. Правда утром, увидев гармонь на печи, протянул её похмелившемуся немому с словами:

- А спой ещё про ямщика… - посмотрел выжидающе в глаза немтырю. – Вчера как ладно пел! До слезы.

Но в ответ услышал вновь только улюлюканье малого ребёнка да ничего не выражающий взгляд отрешенного ото всего человека.

- Привиделось…

Купец с батюшкой появились под вечер. Когда батюшка вошел в избу, Ларька вначале не узнал попа, одетого в темно серую тройку с золотой цепью карманных часов на животе. И воздух избы наполнился тонким, почти забытым запахом женщины.

- А ты, батюшка, чувствую, разговелся…

- Да вам здесь тоже отказу ни в чём не было.

- Я о бабах, батюшка.

- Вот ты про что! А как узнал?

- Запах тела женского на тебе.

Посмотрел ему в глаза Анисим

- Звериное однако в тебе чутьё, коли так тонко чуешь… Ну, так это для тебя хорошо… А я вот с новостями… Царя нашего батюшку скинули… Революция…

Опешил Ларион, да и Петруша уши топориком поставил, и как бы боясь спугнуть, тихо выдавил слова, словно выдохнул.

- Тогда выходит: царская каторга не в счёт? - и привстал на лавке, ожидая ответа, но не мог ждать, пока ответит Анисим. - И мы теперь вольные?

- Да ты ведь уже давно вольный! Разве не заметил? Чай не в забое работал с кайлом! Рано не радуйся: революция, она в России, а здесь Сибирь-матушка. Пока докатится, не одни сапоги ещё сотрёшь. Только теперь, как я понимаю, искать тебя не будут, не до тебя им.

- Так может мне того… Домой можно? К Катерине…

- Не знаю пока... Как деревня твоя зовётся?

- Крутояров.

Анисим замешкался. Он уже слышал про это село, только вот не помнит, от кого и когда, но что-то с ним было связано.

- Кажется, Ларя, когда-то слышал про это село. То ли на каторге, то ли от ямщиков обозных, но на слуху оно было. Кузьма подскажет, что за село и как добраться. Много с обозами товара своего повозил, опять же пушнину скупал. Знает.

- А кто такой Кузьма?

- Купец, что нас привечает здесь.

На утро завьючили лошадей необходимым продовольствием, присели перед дорогой.

- Не след тебе идти по дорогам до Крутоярова, - подал голос купец, обращаясь к Лариону. - Если уж есть охота в Крутояров попасть, спустись рекой на обласе, от заимки в аккурат приплывёшь. Хотя и на реке опасно. Но всё понадёжней. Целым, может, останешься. На дорогах сейчас хуже, чем при царе… Да и в деревнях тоже. Как золото начали мыть в наших краях, не сеют ведь и не пашут. Кто-то моет, а кто-то доит. Все промыслом занимаются… Хотя уже и жилы золотые иссякли, да и пески не на раз перелопачены. А остановиться всё одно не могут. Скрадут тебя дорогой, да и зарежут за пустую котомку. А ты, Анисим, знаешь, где меня искать, если что… Ну, а теперь, счастливый путь вам…

Всю обратную дорогу коней вели в поводу. Даже небольшие ручьи переходили в брод, жалели лошадей. И обратная дорога заняла на сутки больше времени. Окрылённый Ларька всю дорогу был в мечтах. То уже рубил облас, то представлял встречу с матерью и Катериной. Исподтишка Анисим наблюдал за ним, ухмыляясь. У купца перед дорогой он снова сменил дорогую франтоватую тройку на свою старую заношенную рясу, повесив вместо золотых часов снова на шею свой массивный золотой крест. Разговаривали мало, каждый был занят своим. Один только Петруша, кажется, ни о чём не думал, брел впереди, отводя ветки кустарников от своего лица. Анисим после своих бурных ночей с Кузьмой в распутном доме приводил свои мысли в порядок. Он опять побывал на той самой грани и скатился до самого дна, а теперь вновь на грани, и молитвой к Господу уже старается воспарить вверх, почувствовать наконец ту разницу, которую вот уже несколько лет старается найти и оценить, только не получается. Почему? Не даётся ему. Видно, Господь это решает. Оказываясь на самом дне греха, Анисим чувствует себя счастливым, как и тогда, когда в молитвах к всевышнему он чувствует, что Бог

где-то рядом, и опять чувствует счастье. Только не дано Его ему лицезреть. И приходит в голову мысль богохульная:

- И в раю, и аду одинаково хорошо - почему же люди боятся ада?..

Сплюнул, перекрестившись, и как бы с высоты помыслов о Боге, опустился снова на свою грань.

- Видно, грехи не пускают выше…

И опять мысль богохульная.

- А что есть грех? Вся ведь жизнь проходит в грехе…

И вспомнился Смолокур после его убийства. Воспарил же к небу - сам видел! Не провалился в тартарары! Знать, не видел Бог в нем греха, а может, простил. И может, и его, Анисима, простит. Вот построит он храм на святой земле… Не прощенье себе вымолит, как говорит Ларион, а может, вознесётся так высоко! И не со святыми, как всегда, там будет разговаривать, а с самим Богом! И от такой мысли снова как бы приподнялся Анисим над гранью своей.

На заимке свалил Ларион тополь-белолистку, разметил, отпилил колоду и, направив оселком тесло, приступил рубить. К часовне больше не возвращался, да и Анисим с Петрушей больше ходили вокруг часовни, чем делали. Последние работы будут зимой, когда возведут её на святой земле, а сейчас что? Так, где сучки подтешут, где проём дверей подравняют. Косяки делал Петруша из колотой кедры, и вечером, придя из поймы, Ларион увидел, что Петруша в плотницком деле любого за пояс заткнёт. А вот когда пришёл он к Ларьке, где тот уже наполовину выдолбил облас подал ему тесло. Засмущался Петруша и руки отвёл, поведал, жестикулируя, что не мастак он в этих делах. Потом позвал за собой жестами, и повёл на одно из круглых озёр, и показал сгнивший на половину облас.

- Знать, была у вас лодка… А кто же долбил?

Погрустнел Петруша, показал на горевший костёр Лариона и сунул в огонь руку:

- Уаррр бог…

- Бог долбил облас? - задал ему вспомогательный вопрос Ларион.

- Уаррр Бог…

И снова сунул в огонь руку так, что запахло палёной шерстью.

- Бог сжёг того, кто долбил облас?

В утверждении Немтырь закивал головой.

- Бог живёт там? - указал на небо Ларион.

Немтырь закачал отрицательно головой, показывая рукой в сторону заимки.

- Бог…

- Интересные ты сказки сказываешь, немтырь, мурашки по спине. И многих ли сжёг бог?

Немой показал пятерню и, отвернувшись, пошёл к заимке.

Ларион бросил долбить облас, сел, привалившись к нагретому борту спиной. Не хотел бы он ходить под таким богом… И молиться не хотел бы ему. Спросить нужно у Анисима, кто спалил людей, когда и где. Немой лукавить не будет: ему выгоды нет… А впрочем, как знать… В последние месяцы между ним и немтырём страсти поутихли. Каждый жил, как ему вздумается. А может, совместная работа на часовне сгладила между ними углы. Но зверем уже Петруша на Лариона не смотрел. И что убьёт его немтырь, ждёт только случая, как говорил Анисим, - и это опасение не подтвердилось. А случай у немтыря был! Вот хотя бы недавно у купца... Пьяный, сонный - чем не жертва? И унёс бы в лес и закопал. Кто бы нашёл?..

А нет, не тронул. Значит, не нужен он ему. А вот Анисима немтырь и вправду боится… Может, оттого, что золото у него? Боится, что не покажет, где хранит…

Странно как-то всё на заимке. Вроде теперь никто их не ищет, никому они не нужны, а нет, сидят здесь, как будто чего-то выжидают. Вроде у Анисима золото есть, как говорит, а что тогда здесь сидит? Только ли ради своего храма, который засел в его больной, кажется, голове. Что-то их здесь другое держит, а что - не понятно. Какой –то лесной человек приходит… Спрашивал, как выглядит, - объяснить толком не может. Сам, говорит, увидишь. Будто бестелесный он, как облако. Только ведь так не бывает… Может, дух какой? Говорил ведь дорогой к купцу, что человек деревню сжёг, будто нечисть там поселилась. А может, и здесь тоже? Отчего пришли со своей святой земли как бы «марафету» нанюхались? Видел он таких, когда в острог попал. Воры в камере особливо держались ото всех, всё у них было: и водка, и это… Ма-ра-фет... Нюхали этот белый порошок, и потом точно такие были, как Анисим с немтырём, глаза жили отдельно от лица. Один-то, правда, там на нарах и кровью изошёл. Так друзья сказали его, это от жадности. А может, оттого сидят, что место правда здесь благодатное. По всей тайге комар да мошкара, а здесь, будто место заколдованное, даже муравьёв нет. Хоть нагишом броди…

Глава 6

Поздним вечером в летнем выгоне взбунтовались кони. Вышибли жерди загона и ушли. Петруша долго преследовал их с уздой, да только напрасно. Кони шли галопом, не останавливаясь, не перешли на рысь или шаг. Вернувшись ни с чем, немтырь бросил узду на крыльцо, прошёл в дом.

Анисим сидел у раскрытого окна, не повернувшись на приход немого. Тот же стоял у порога, стараясь своим мычание и жестами привлечь внимание батюшки, но тот был глух. Думал какую-то свою потаённую думу и не реагировал на окружающих. Пальцы его, держась за цепь креста, перебирали звенья, словно чётки.

- Знать, пришло время выйти из неволи, - не поворачиваясь, тихо произнёс Анисим. - Скоро и Ларя вот уплывёт, только лодку свою достроит. Но он-то вернётся!.. Не может не вернуться! Потому как человеческая натура почти всегда одна. Золото, оно ведь как цепи: сам себя закуёшь и зубило с молотком выкинешь…

- А вас золото ли держит? – подал голос Ларион. – Петруша вот его, может, и не видел, а сидит здесь тоже, как кобель на той цепи.

- Ну, ты-то, Ларион, увидишь! И сегодня… Покажу!

- Нужно оно мне! Жил без него и дальше, думаю, проживу. Его есть тут не будешь. Оно здесь как камень: разве что капусту им придавливать в бочке! Какая-то хоть будет польза.

- Во! Ты сейчас точно сказал. Камень! Только на шее.

- И ты мне хочешь тот камень одеть, дядька Анисим?

- А ты уже его одел, когда прознал, что золото есть… В последний раз, когда были с Петрушей на святой земле, лесной человек сказал, что хозяин придёт на заимку.

Помолчал, как бы собираясь с мыслями.

- Я ведь сначала, как и ты был, Ларя! Думал, заберу остатки да уеду в Россию из глухомани. Заживу, как и положено дворянину! Поместье куплю. Женюсь изново. На мой век хватит золотишка, да и детям, если родятся, останется. Только не понимал я, что имел ввиду Смолокур, когда говорил о святой земле. Поначалу, как и ты, думал не в себе человек, вот и собирает что ни попадя. Так оно и было бы, если бы я пришёл сюда зимой. Зимой святая земля не открывается. А вот судьба меня другим путём сюда провела, аккурат через святую землю. Там и увидел я впервые лесного человека. Там и открылась мне тайна этой земли. Отчего и Смолокур к церкви пришёл…

- Аааууфф Бог!!! – воскликнул немтырь.

- Бог! Да для тебя кто носит сей крест, тот и бог! – проворчал недовольно Анисим, опуская цепь креста.

- Так ты, Анисим, не тот ли бог, который сжёг людей?

Батюшка внимательно посмотрел сначала на Лариона, потом на немтыря.

- Как же он тебе поведал, Ларя? Коли кроме слова «бог» ничего и говорить не может?

- Поведал…

- Нет, не я тот бог… До меня у него богом был Смолокур.

- А сам Смолокур на твоей совести?

- На моей. Да он и знал, что его ждёт, когда исповедовался. Здесь для каждого будущее открывается, а он отсюда пришёл.

Петруша вышел, и вскоре послышалось позвякивание уздечки по направлению убежавших коней.

- Может, мне помочь их поискать? Одному-то не легко…

- Кони его любят - сами к нему придут, вот только страх у них пройдёт и остановятся.

- Зверя что ли испугались?

- Нет, Ларя, у них нюх тоньше, чем у человека. Ветер потянул со святой земли. Они всегда уходят, животные… Я долго ждал в окно, думал лесной человек объявится. Только нет, не пришёл.

- А что если самим сходить на святую землю?

- Сходить можно. Только ведь без лесного человека она не открывается. А без него это пустая земля. Лес поваленный, горелый, да болото в середине, ничего более.

- А от чего лес повален?

- Не знаю. Много лежит, будто ураган когда-то прошёл… А теперь, Ларион, покажу тебе, ради чего мы все здесь. Пойдём во двор, пока немого нет.

- Не надо, дядя Анисим! Не моё оно! Если всё, как ты говоришь, то и мне не уйти отсюда, а у меня Катерина…

- Вот ей немного и унесёшь, будто подарок свадебный. А не покажи я тебе золото - не вернёшься. А ты мне нужен будешь здесь. Самое главное я не

завершил. Храм мы ещё с тобой не возвели. А может, ты и есть тот хозяин, как мне лесной человек говорил? Обличием-то он мне его не представил. А других представлял… А этого в тайне оставил, может, чтобы я боялся? Не знаешь?

- Мне ли ваши дела знать? Да и зачем? У каждого своя дорога.

- Я тоже так думал сначала. Только, как сюда пришёл, и мысли другие пришли. Здесь, Ларя, всё по-другому. Иногда кажется, будто за ширму заглядываешь и видишь, что другим видеть не дано. Вот только сильным себя не чувствуешь, скорее несчастным. Потому что сведущ… Потому как человеку заложено зреть только начало, а тут и край видишь… Страшно это. Вот ты говоришь: у тебя Катерина, жениться желаешь. А только судьба-то у тебя другая.

- Моя судьба - это моя судьба!

- Ларя, твою судьбу я тоже видел! И она страшнее моей, хотя и моя не в радость.

- Для чего ты мне это говоришь? Чтобы расспрашивать начал? Не буду.

- Да сам всё узнаешь, когда попадёшь в те места.

В амбаре раскидал крапивные мешки, еле вытащил кожаный мешок, зубами развязал тесёмку. Запустил во внутрь вдруг задрожавшую руку.

- Вот оно золото, Ларион! Смотри сколько его! – искоса взглянул на Ларьку, достал полную горсть золотого песка и струйкой пустил его обратно. - На всех хватит! Только не отпускает земля святая с богатством!!!

Заплакал, трясясь спиной по-стариковски.

- И Смолокура не отпустила… Ради чего же он убивал и грабил? Грех на душу брал? И я тоже в крови… И вот тебя теперь тоже земля не отпустит, петлю на шее судьба нам захлестнула, и теперь ждёт, кто следующий придёт и из-под ног табуретку выбьет да вместо нас останется. На тебе хоть крови нет за это золото, а одно ты с нами на этой каторге.

Помолчал, утирая воспалённые красные глаза.

- Иной раз не поверишь, Ларя, хочу утопить это золото, рассыпать вновь по пескам, смешать с илом, как когда-то было. Но знаю, легче от этого не будет. Будет хуже, потому как оно уже было у меня, а я вот так взял и всё развеял. Сам себя живьём съем…

- Золото убери, батюшка! Оно мне без надобности, - Ларион поднялся, чтобы уйти. – Не заболел я вашей хворью.

Старик промолчал, насыпая золотой песок в маленький кожаный кисет на тесёмке, лежащий в мешке с золотом.

- Это тебе, Ларион! Снесёшь зазнобе своей. Раз теперь царя нет - вольный ты! Может, дом купите, может, коней. Этого для начала хватит.

- А если я не приду обратно?

- Придёшь…

Что-то случилось сегодня со стариком. Плаксивым стал, словно барышня, а глаза-то не плачут. Видно, проверяет. Ну, да Бог с ним: они здесь с Петрушей помешанные на святой земле да на золоте. А ему пора уходить! И давно уже! Вот уже и листья на берёзе желтеть начали кое-где, осень не за горами. Может случиться и так: и его облас сгниёт, не коснувшись воды. Найдётся новоявленный бог, который подопрёт да запалит избу среди ночи. Возможно, тот, кто долбил прежний облас, тоже уйти хотел? Только не успел. Немтырь много знает, да жаль безъязыкий, рассказал бы…

Потрогал кисет, одетый на шею, и ощутил в душе какой-то груз, неведомый до этого. Пошёл по тропинке к срубленной недавно часовне и

увидел впереди необычный свет. Оон его притягивал и манил. И вдруг перестал слышать пение ночных птиц, словно оглох. И в тишине опустился на колени перед освещенной необычным серебристым светом часовней, но не помолиться Господу. Опять почувствовал в себе бред, как в первый раз, когда вступил на эту землю. Почувствовал в себе зверя. И сейчас опять руками, словно когтистыми лапами, стал рвать землю вокруг себя и снова беззвучный рык полетел над землёй. Всё знакомое вокруг исчезло. Он шёл за серебряным светом, а перед ним проплывала неизвестная доселе тайга, не проходимая, без троп и дорог. Аа свет вёл его всё дальше и дальше, пока не остановился на краю огромной лесной плешины с поваленным лесом, которую не охватить глазом. И манивший его серебряный свет пропал, исчез. Но вместо него перед глазами вдруг появилась пылающая часовня. Он провёл рукой по глазам, чтобы убрать наваждение, но вместо руки увидел огромную медвежью лапу, которая когтями рвала его плоть. И он на губах ощутил свою солоноватую кровь, и в уши его впервые ворвался неведомый голос: «Бог!». Завертелось звёздное небо, стало падать на него, или он стал возноситься ввысь, а в ноздри лез, словно дым горящей часовни, сыроватый, земляной запах берлоги. И ещё где-то далеко внизу неслась вновь песня немтыря. Остаток памяти выхватил из сознания силуэт Петруши с гармонью, когда они были у купца, с застывающей песней о ямщике. Но словно от дуновения ветра, память его погасла вместе со звёздами, и он уже не взлетал ввысь, а скрадывал испуганных людей на звериной тропе, отчего шерсть на его загривке встала и дрожала в предвкушении смертельной схватки.

Глава7

В селе Крутоярово у колодца судачили бабы, стреляя глазами на подходивших товарок, как бы приглашая поделиться свежими новостями. За последний год это была вторая самая большая новость в таёжном селе.

Первая - скинули царя батюшку. От этого не ходившие на пушной промысел мужики пошли в загул, а пьяные решили в деревне установить диктатуру пролетариата.

От первой новости ошалели бабы. Шутка ли?! В одночасье собравшись, мужики под предводительством щуплого, с петушиной грудью бывшего солдата империалистической войны Федота Астраханова, знавшего ещё по войне о большевиках, ходили по селу с красными бантами и с оружием. Потом смеялись, тыча на деревенских революционеров пальцем. А всё после того, когда здоровая, дородная жена Федота Васеня, узнав в революционном знамени свой праздничный красный сарафан, посреди улицы сорвала с черенка от вил то, что осталось от сарафана, лупила этим древком бывшего знамени за светлое будущее и своего Федота, и остальных, кто подвернётся

под горячую могучую руку. Разогнав первую революционную сходку и сломав черенок о колено, она тем самым загнала деревенских мужиков в подполье. Но неукротимый Федот, как истинный борец за революцию, нашёл конспиративную квартиру - у бобыля на краю села. И теперь мужики крадемшись, воровато оглядываясь по сторонам - по всем законам конспирации! - собирались там каждый вечер. Выбирали за четвертью самогона депутатов-ходоков для отправки в волость. Только за год дело так и не сдвинулось с мёртвой точки, потому как после пары-тройки стаканов крепкого зелья новоявленным выбранным депутатам тут же вечером сами били морды за то, что плохо радеют за простой народ. Пока бабы их не трогали и не разгоняли: пусть уж лучше друг другу носы квасят да за патлы таскают, чем дома жён уму разуму учить.

Вторая новость. Девка, по имени Катерина, считавшаяся первой красавицей на селе, неприступная для местных парней, - забрюхатела! Да мало того! На невесть откуда свалившееся на неё богатство набрала себе городских обнов. А эта новость была для баб куда более интересной и обсуждаемой, чем революция. Судачили все, от мало - до велика. Шутка ли! Откуда жених богатый? Местных отродясь богатеев не было, а если кому и фарт случался - так не на девок же его тратить! Лучше пропить! Раньше, правда, тоже и без мужей брюхатели, только на обновки денег-то никто не давал. А тут смотри! А бабы словно заразе были подвержены злобе и навету. Тут же заговорили, что без нечистой силы здесь не обошлось. Мол, что и душу уже сатане продала, и даже нашлись очевидцы, якобы видевшие, что летает она через трубу. И иногда бегает в поисках какой-нибудь пакости сельчанам, обернувшись свиньёй, по деревне. Иные бабы боялись, запуганные разговорами, поздними вечерами ходить во двор до ветру. Мужиков же интересовало другое: кто мог подкатиться так незаметно и так настойчиво, что девка забрюхатела. Во все бабьи сказки они не верили. Ещё не родилась та нечистая сила, от которой бы русская баба понесла! Тут другое… Иные, которые в тишине ночной мечтали о ней, даже дежурство у дома установили, чуть не с колотушкой сторожа ходили, поскрипывая катанками в снегу. Только все ни с чем то дежурство оканчивали. Никого…

Бабы стали не таясь мать Катерины расспрашивать: от кого, мол? Пади, знаешь да таишь? Но на все вопросы Катеринина мать только поведёт тёмным своим взглядом. Я, мол, со свечой не стояла! Мало ли кабелей на свете? А наряды, мол, в приказе выдали, так как я вдова унтер-офицера, за царя-батюшку голову сложившего. Пробовали молодые девки расспросить Катерину, изредка появлявшуюся на посиделках: «Не таись, подружка! Каждому счастья хочется! Расскажи!» А она только улыбалась, как бы не в себе, да тихо молвила: «Верной надо быть суженому, вот оно счастье и придёт». Каждый, правда, о своём думал: Катерина - о ребёнке, подружки - о нарядах. А про суженного Катерины знали! Не одна девичья душа ранее страдала о нём. Только ведь как с каторге сбежал - и следов его нет. Ранее, правда, часто наведывались жандармы из волости. Ну, так это при царе! Всё расспрашивали, не появлялся ли в селе. Только как на сеновале у Катерины его вязали, больше и никто его не видел. Не верили ей подружки, думали, врёт всё. Где-то с богатеем-купцом ребёночка нагуляла, а тот её за усладу свою подарками и наградил. А потом сами своим же думам сомнения учиняли – уж очень счастливая ходит, порой аж светится! Не в купце здесь дело. Только вот в чём - не знали. А под конец, когда уже и разрешиться Катерине животом пора наступила, поняли: видно тот богатей-купец её силой взял, вот умом и тронулась. А чего бы ради ходила и улыбалась?.. Ладно бы замужем…

Разрешилась Катерина весной, когда уже и река вскрылась. Принесла парня здорового, краснощёкого! Повитуха потом по деревне говорила, что и при родах не открылась, от кого дитё, хотя старалась как-нибудь тайну выведать. И ещё большей тайной окутала себя небольшая семья, когда вскоре после родов Катерины мать- вдова двух коней из города привела. И опять, мол, как вдове дали. А сама Катерина на расспросы не отвечала. И у колодца редкий раз её увидишь: рано утром воды наносит на весь день, а судачить у колодца не привыкшая была, да и знала, что любой разговор на неё перейдёт.

Когда ребёночек немного подрос, ходила в гости к Ларионовой матери: сама-то она ни разу не пришла, хотя вся деревня у неё перебывала. Кто гостиниц новорождённому принесёт, а кто и просто поглазеть забежит. Засиделась она тогда в гостях до вечера. По темну уже домой пришла. Мать увидела, что глаза зарёваны, с грустинкой, но счастьем всё одно светятся. Поняла, что сначала видно не просто было, только, однако, приняла… Что было там, расспрашивать не стала, успокоилась.

Только вот разве когда шило в мешке утаишь? Нашёлся человек в деревне, который увидел всё же странности. В самом начале зимы это было. Данилка Потешин охотился рядом с деревней: мал был своё зимовьё охотничье иметь. Рано утром побежал ловушки на колонка проверить. Солнце ещё только подниматься стало, мороз небольшой стоял. Бежит без лыж, греется – одёжка-то старая, в ней только на полатях и тепло. И только хотел с увала в лог спуститься, видит: внизу медведь! И тоже бежит! Только почему-то на задних ногах! Изумился! Шатун! Шомполку, что от отца осталась, сдёрнул с плеча, путём и не прицелился дрожь била уже не от холода, а от азарта наполовину со страхом. По охотничьим рассказам знал: с шатуном не просто справиться. Выстрелил! Дымом заволокло лог, а когда дым пороховой рассеялся - нет шатуна, след через увал и лог. Ни следов крови, да и след путём не отпечатался - скачки какие-то. Преследовал немного, бросив свои ловушки, а потом воротился откуда стрелял. В голове однако засело: отчего на задних лапах шатун бежал? Не по-звериному это! А вдруг оборотень? Страшно стало. Но решил по следу пройти, узнать, откуда тот шатун пришёл. Вот и вывел его след на огород к Катерине.

Сначала молчал – засмеют! Но и похвалиться хочется. Долго терпел. Ну, всё же потрепал как-то мужикам на покосе ночью у костра, что он тоже вроде как не лыком шит. Встречался, мол, с шатуном один на один. Ну, приврал немного! А как без этого? Сначала мужики на смех подняли. Придумал - медведь на двух ногах бегает! А когда про огород Катеринин заикнулся, замолчали. Вроде и не поверили. Мало ли что мальцу от страха в тайге привидится?! Только потом каждый эту историю дома пересказал.

А у баб от этой истории мороз по коже. Так вот от кого ребёночка прижила! И за глаза Катерину шатунихой прозвали. И если кто теперь к ней приходил мальца проведать, старались спинку голую увидеть: откуда-то прознали, что если дитё от оборотня, шерсть на спине будет расти. Видели, что нет шерсти, дитё как дитё, а всё одно страх стали чувствовать перед ней. И старались мимо дома лишний раз не ходить, особенно на полнолуние. За глаза язычели, а при встрече с ней замолкали.

А тут время другое пошло, не до неё стало. То в деревню приедет белогвардейский отряд, то отряд разномастно одетых красноармейцев. И все кого-то ищут или от кого-то прячутся. Молодые мужики больше времени укрывались в тайге, чтобы не попасть под гребёнку. Слышали, что в соседнем селе всех молодых мужиков мобилизовали, а кто не захотел идти с ними - тут же за деревней расстреляли. Кто это был - не знали. То ли красные, то ли

белые, а может, и просто бандиты. Вот мужики и стали хорониться. Тайга, она во все времена укрывала, а тем более охотников, которые знали здесь все дорожки и звериные тропы.

Деревенского старосту, выбранного ещё при царе пару десятков лет назад, ныне сместил со своей должности Федот Астраханов. Нацепив на застиранную до бела солдатскую гимнастёрку единственный георгиевский крест и повесив рядом алый бант, как всегда изрядно выпивши, со своими друзьями-собутыльниками отобрали у сидевшего на завалинке в старых катанках и ничего уже не понимающего, что вокруг делается, старосты печать. Печать и книга со списком жителей деревни были у старосты давние, со времён, когда его ещё назначили старостой, то есть царскими. Но Федот видел в них власть! И это первая была его экспроприация. Чернил у деда для печати не оказалось, и Федот сам сделал их из сажи. Первую запись в книге сделал размашистую, известив той записью, что вся власть на селе перешла в руки его революционного отряда. И неважно, что печать царская! Главное - печать, а это власть, как объяснил он мужикам. И наконец, так и не выбрав депутатов-ходоков от крутояровского революционного отряда, сам поехал в волость заявить о низложении царского режима в его селе.

Обратный приезд Федота удивил даже усмехавшихся над Федотовой затеей мужиков. Заявился в село в фуражке со звездой, в потрепанной кожанке, перетянутый ремнями, как царский офицер, и с большим наганом. В этот же день мобилизовал в свой отряд дружков, а из квартиры бобыля сделали штаб. Вторую экспроприацию он произвёл тут же у себя дома: заставил жену Васеню отдать его первое революционное знамя, то бишь сарафан. Завладев, наконец, законно красным стягом, Федот повесил его над крышей своего штаба.

Васеня весь вечер ходила во дворе, как в воду опущенная. Шутка ли дела! Её недомерок получил власть! А ведь как пришёл с войны, палец о палец не стукнул. Ни на промысел не ходил, ни в огороде, ни на покосе! Рыбу и то поймать ни разу ни сумел: то у него вода мутная, то на яме где-то стоит. Спасибо соседям - давали… Ни детей не настрогал. Вот у всех по пять да по семь, а тут и одного спроворить не сумел. Газовая атака у него виновата. Всплакнула в передник. Пить-то даже, как мужик, не умеет - после второго стакана в щах засыпает. А тут на тебе - власть! С наганом по деревне ходит, как урядник какой! Да и знала она урядников! Чего стоил тот, за которого Ларька на каторгу пошёл. Богатырь! - царствие ему небесное! - быка повалит! А её-то?.. Тьфу!!! Знать, и власть такая будет…

И уже вслух в сердцах:

- Ну, это посмотрим, чья власть ещё будет! Твоя, Федот, или моя…

И закрыла дверь на крепкий кованый крючок.

Ночью подвыпивший Федот пробовал и умолять Васеню, стоя под дверью, и угрожал, и стрелял из нагана. Только напрасно. А услышав через дверь, что она сейчас выйдет и утопит его наган в сортире, а его самого вставит туда головой, зная свою Василису, Федот отступил, перебившись ночь в нетопленой бане. Утром, отмывая сажу у колоды с водой, увидел жену и было хотел уйти, чтобы не нарываться на крики, которые будут слышать все соседи, а потом смеяться украдкой, но она, подбоченясь, преградила ему путь. Федот знал эту не предвещавшую ничего хорошего позу.

- Пропусти, а не то… - начал угрожающе Федот и не успел договорить, что будет с Васеней, если не пропустит. От удара выполощенными мокрыми штанами отлетел и свалился в траву, хватаясь за наган.

- Именем революции пропусти!

- Иди ужо, засранец… - и, повернувшись, пошла вешать на верёвку Федотовы штаны.

Васеня успокоилась. Что с него взять? Смолоду был такой. Неказистый, ни к чему не приспособленный, но с гонором. Грамоте был немного обучён, книжки привёз из города. Начитавшись, решил героем стать какой-нибудь войны. Вот в германскую и пошёл добровольцем. Провоевал недолго: ранен был, но получил за какой-то бой Георгиевский крест. Будто сам генерал его наградил за мужество и стойкость духа - так говорил он ей. А на самом деле, откуда ей знать, за что? Потом вроде поугас немного, про геройство на поле брани замолчал и саблю деревянную, что до войны выстрогал да упражнялся чуть не каждый, день выкинул. Тогда поняла Васеня, что хватил горя, наверное, на войне, вот и выбросил дурь из головы вместе с саблей. А тут революция, и опять понесло её Федота. Все разговоры были про мировой пролетариат. А где ей, глупой, знать про мировой пролетариат? Про мирового судью она знала, что если какое-то дело решить, много возить ему надо. Мяса, и сала, и ещё деньгами. А где от бедности возьмёшь? Вот потому-то никогда дело в твою пользу не выгорит. За корову она судилась – знает! А тут опять мировой! Да ещё пролетариат! Дак сколько ему возить, если что? Судья-то хоть один, да из богатых! А тут, как объяснил Федот, мировой пролетариат - это рабочие всего мира. Да разве их прокормишь?! И все, наверное, бедные, как они… А крючок она сегодня ему откроет. А куда его девать? Жалко… Да и от людей стыдно. Опять же теперь при власти. Вот только не понятно опять: ну зачем её Федоту власть? Ведь не умеет ничегошеньки! Только и может, что хайло на бабу открывать. И опять, вспомнив про ребятишек, всплакнула. Шутка ли! Под старость лет без детей да без внуков остаться, а она же баба…

Катерине сон ночами не шёл, всё ждала: вдруг снова постучит в окно. И на каждый шорох ветра или скотины за окном, затаив дыханье, ждала. И ей даже казалось, что и ребёнок в это время переставал сопеть. Но Лариона всё не было. Когда первый раз пришёл осенней ночью, она в заросшем мужчине узнала только его голос:

- Ждала ли?..

У неё от голоса закружилась голова. Не снится ли? И отчего-то похолодевшей рукой откинула крючок.

- Ждала…

Пробыл он у неё несколько дней. Днём на улицу не выходил, зато они ночами уходили во двор под ясные августовские звёзды. И казалось, девичьему счастью нет конца. На её просьбу выйти к людям и сходить к родной матери ответил отказом.

- Не время, Катенька, не время… А к матери сама потом сходишь, когда сочтёшь нужным. Время сейчас неспокойное, и неизвестно, как всё может обернуться: беглого каторжника выведут за околицу - и поминай, как звали, вороньё только путь и укажет.

Когда ночью уходил, оставил кисет с золотом - на прожитьё, сказал. Чтобы, если что, не бедствовали.

Второй раз пришёл зимой, и напугалась она наряда его. В медвежьей шубе, сшитой вроде тунгуской парки, с капюшоном мехом наружу. Испугалась: то ли от одежды, то ли от самого повеяло звериным. Хотя ласков был… Сказала ему об этом Катерина. Ответил, пряча глаза с какой-то тоской.

- А мы там все звери: кто медведи, а кто волки - в лесу живём… Там себя разного видишь.

А ныне по лету слушок до неё докатился, что стрелял шатуна Данилка Потешин, и что будто тот шатун из её огорода в лес подался. Поняла сразу. И

пригорюнилась Катерина. А вдруг ранил, хоть и ушёл от Данилки, а потом, может, упал да замёрз. Остановила она как-то Данилку да ругать его начала за шатуна, что напраслину на неё наводит. А сама как бы невзначай выспрашивает да ещё с издёвкой: мол, что ты за охотник такой! Зверя ранил, окровавил и бросил? Парнишка то ли от страха, то ли ещё от чего заикаться начал. Не было, говорит, крови, он же оборотень… Отлегло немного от сердца, а про себя подумала: знал бы ты, какого шатуна стрелял - не проболтался. Потому как родители Потешина всегда в дружбе были с отцом Лариона. Это потом они оба потерялись: и отец Ларькин, и Данилкин. Как ушли со старательской артелью, так и не вернулись. А никто из артели не возвернулся. Будто в воду канули. В то время много лихих людей по тайге бродило. Поди, лежат, где-нибудь косточки без креста, дождями да снегами выбеленные. Взгрустнулось. И на ум опять пришёл Ларион. А вдруг и он так, где лежит неотпетый? Перекрестилась – придёт же в голову дуре!

И опять шорох за окном. Встала: во дворе никого. Присела на лавку, подперев голову рукой. В последний приход как бы был сам не свой Ларя, в душе что-то его тяготило. Про какие-то всё странности говорил, что на заимке творятся. И остался бы он с ней в Крутоярове, только слово дал батюшке Анисиму, что вернётся назад. Часовню они должны поставить, а потом он будет свободен. И что золото Анисим ему дал, чтобы ей снести, как бы подарок свадебный… Только тогда она подумала, что не нужно ей никакое золото - сам бы лучше остался. От золота много бед. Сколько за это мужиков поплатилось. Говорила ему про это. А нет - ушёл. И дитя ещё не видел… Да и тяжко без мужика в доме. Вот теперь, вроде, и кони есть, а десятину свою не вспашешь. Ныне-то по весне они с матерью больше наковыряли, чем вспахали, и урожай будет такой. А мужиков нанять? Так теперь мужикам, что в деревне остались, не до пахоты. Революция! Ходят по деревне, горланят, и пьяные, и трезвые, словно воздуха вседозволенности вдохнули. А что у самих ребятишки голодные сидят - не думают.

Мать Катерины, Кутоманиха, попросила вспахать её десятину, так куда там! В батраках быть не желают, прошли те времена, когда на других горбатились! Так не задарма ведь всегда работали: и мукой брали, и другой снедью. Только мужики в ответ: теперь, говорят, мы сами возьмём, что нужно. Всем и всё должно быть поровну! Ну, от этих слов и понесло Кутоманиху - не из робкого десятка баба. Как это поровну?! Значит, она день-деньской на огороде да на покосе, а он, здоровый мужик, палец о палец не стукнув, половину забрать хочет? Чуть было всех не причесала. Мужики и не рады стали, что манифест революционный произнесли. Задами стали усадьбу обходить: с Кутоманихой, знали, лучше не связываться, может и харю расцарапать. Но только после этого скандала пригорюнилась Кутаманиха, поведала Катерине, что опечалило её. А вдруг и правда отберут?

Вот Федот Астраханов… Чуть не каждый божий день сходы деревенские устраивает. И всё талдычит вот про это самое равноправие да экспроприацию. Говорил бы уж деревенским языком: мол, кто работает не покладая рук, того грабить будем. Так что же тогда выходит: если он последний пьяница – знать, и все должны быть такими? Не понятно ей… Как же тогда жить дальше? Не работать же на Федота, в самом деле.

- Не спишь? - подала голос Кутоманиха с полатей.

- Не спится, мама.. А вам-то что не спится?

- Так у меня своя забота? Коней возьмут вдруг? У Федота глаза бесстыжие - и заберёт! На это они мастаки…

- Жили ведь без коней… - ответила отрешенно Катерина, думая о своём.

- Когда не было, и заботы не было! А теперь-то как?

- Кто-то по двору вроде ходит, мама?.. Или уже кажется?

- Ждёшь - вот и ходит… Ко всему прислушиваешься - оттого это. По себе, Катерина, знаю. Когда отца твоего ждала с германской… Год ждала, а всё одно не пришёл – убили.

- Дак то война была.

- А сейчас что? Хуже! Свой на своего поднялся! Как иноверцы или разбойники! Федотка вот ходит наганом размахивает, а если уж наган из рук не выпускает, то и убьёт когда-нибудь, – прислушалась. - А и правда кто-то ходит.

Слезла с полатей села с Катериной на лавку.

- Ты не выходи, я сама. Кому надо по ночам шариться?

Достала из-за печи ружьё, загремев ухватами и лопатами для садки хлебов в русскую печь, и, толкнув дверь, вышла. Катерина, накинув платок, пошла следом. На востоке уже загоралась заря, окрасив розовым, тонкую полоску кедрача. И вдруг от амбара услышала родной для неё голос:

- Катя…

Федот Астраханов сидел за столом, когда в окно увидел Катерину Кутоманову с незнакомым бородатым мужиком, и привстал, чуть не опрокинув колченогий стол.

- Митрич! – позвал бобыля из сеней. – Что-то не узнаю, кто это с шатунихой идёт?

- Дак, наверное, шатун и идёт, – невозмутимо ответил бобыль, пришедший на зов и тоже выглянувший в окно. – Вона и шатунёнка несут. А кому больше быть? Да, наверное, и сюда. Шатунёнок-то у тебя в книгу амбарную не записан.

- Не амбарную, Митрич! Сколько тебе говорить?! Хозяйственную! Не купцы, поди, а революционный комитет! Видишь разницу?

- Вижу, как не видеть! Ранее купец за постой хоть целковый давал…

- А ты тут не саботируй!

- Смотрю я на тебя, Федотка… Где ты слова такие выучил, непонятные? Словно не нашенский… Немец, право-слово… А мужик-то, Федот, на Ларю Вертопрахова похож… Да ён и есть! Живой! Право-слово - шатун! Любого ушатает… Как урядника когда-то. И каторга ему нипочём! Не исхудал!

- Да сколько он на той каторге был? Сбёг! Помню, жандармы искали.

- Сбежать тоже смелость нужна…

Растворив дверь и чуть не касаясь головой потолка, в избу вошёл Ларион, следом Катерина. Ларион по привычке бросил взгляд на красный угол, но привычных икон не увидел и поднявшаяся ко лбу рука опустилась.

- Доброго здравия, хозяева… Сюда ли пришёл? В церкви, говорят, не венчают, а жить без венчания стыдно. Нехорошо это…

- А кто знает, что хорошо? Новое время, Ларион! – Федот выскочил из-за стола. – Пережиткам бой! А ты никак венчаться пришёл?

- Я же говорю, стыдно… Не за себя стыдно, за неё! – подтолкнул вперёд Катерину. – Опять же, ребёнок без имени-отечества…

- Ну, я тебе не поп кадилом вокруг тебя махать, а записать - оно конечно запишу. Уполномочен! Так ты, Ларион, будешь первый в Крутоярове революционный жених, а Катерина - первая невеста! И мальца вашего запишу. Только ты мне как на духу скажи - где это время был? Оказывается, объявлялся! Вон и дитя успел выстругать! А что же ты к нам не зашёл? Может, против революции воевал али в банде какой? Каторгу давно распустили, а ты

ведь беглый был?.. Где же тебя носило? У власти претензий нет, что ты сбежал да урядника убил. Они кровушки народной попили - так что ты даже герой!

- Не герой я… По неосторожности убил… А бежал, потому как не могу без воли… Где скрывался? То ты дядька, Федот, не знаешь, где беглые хоронятся?

- Так я беглым никогда не был - откуда мне знать? Кровь вот проливал за царя батюшку, теперь вот за простой народ радею!

- Дак книгу-то амбарную доставать? – Митрич глуповато уставился на Федота.

- Сколько раз тебе говорить - не амбарную!!! Ты случаем у купца какого не был в приказчиках?

Митрич притащил книгу из горницы и положил перед Федотом.

- Как не был – был! Годков пять почитай в городе у купца Арсентьева. Хороший мужик был он, Федотушка! Сейчас нет таких… Обозы бывало с рыбой с Оби придут - ямщиков день и ночь поит и кормит. И про расчет не забудет. С богом в душе жил, не обижал…

- Ты опять за саботаж? Митрич! Не посмотрю, что изба твоя! Сам тебя расстреляю.

Ларион достал из кармана штанов запечатанную сургучом бутылку водки и поставил на стол. У Митрича блеснули глаза из-под седых лохматых бровей. Он, словно молодой, чуть не подпрыгнув от радости, полетел к печи и принёс кружки. И было поймался за бутылку.

- Погодь! Сначала дело, - остановил его Федот. - Ты думаешь, так просто? А это документ, однако!

Подул на невысохшие чернила, потом достал печать и с размаху хлопнул ей по книге. Поставленная бутылка подпрыгнула, только ловкий Митрич был начеку и успел поймать падающую бутылку.

- Потише, оглашенный! Чай не вода стоит, а казёнка, – и обернулся к Лариону с Катериной. – Да вы присаживайтесь к столу! Чай все здесь свои, деревенские, а в ногах правды нет, Ларя. Красный поп вас сейчас повенчал - пора и причаститься. Хорошо хоть гвардия не пришла, а то все причащаются - спасу нет! Вояки…

После записи в Федотову книгу Катерина с Ларионом и новоявленным первым жителем страны советов Михаилом отправились к Ларионовой матери. Мать уже знала, что Ларион вернулся, и ждала его у ворот в побелевшем от солнца и дождя платке. Ларион знал этот платок. Когда потерялся отец, она ходила ещё в цветастых полушалках. Но через год, не зная, погиб ли, жив ли, надела чёрный траурный. И уж больше не снимала. Ларион молча сграбастал в охапку мать и уткнулся бородой ей в голову. Она потихоньку выла, почти беззвучно, изредка произносила взахлёб одно лишь слово:

- Вернулся…

И снова выла. Дома уже, когда насмотрелась на своего единственного сына, стала расспрашивать, не встречал ли где отца, и от людей что слышал. Ларион потупился, стараясь не смотреть в глаза матери. Подумал: чего ворошить прошлое. Она уже привыкла, так как есть. А говорить ей что-то новое, о чём узнал совсем недавно, - о прошлом своего отца - не надо. Она уже в душе похоронила его давно. Зачем отца снова воскрешать в её памяти? Хотя знал, что она ни на минуту не забывала его. Но она помнила его другим, не таким, каким он потом стал. После небольшого застолья она с надеждой спросила, глядя на Катерину и ползающего по половикам Мишу:

- Домой приведёшь молодую или в примаки пойдёшь?

- Не знаю, мать, я ещё в лесу свои дела не доделал…

Катерина удивлённо вскинула на Ларьку глаза.

- А что там, в лесу? Не сезон ещё промысла. Зачем туда бежать? Ждёт там тебя кто?

- Раньше ждали, Катерина. Теперь там нет никого, кроме меня. Там не так, как здесь.. Может, и прав был батюшка Анисим, что земля та привязывает, а если вернее - удавку на шею одевает… Иногда мне кажется, лучше с каторги бы не бежал: на каторге хотя и в цепях, зато мысли в голове были вольные. А там скорее в голове каторга: без цепей, а не уйдёшь.

Мать снова тихонько завыла, прижимая к губам платок.

- Как и отец, когда-нибудь сгинешь! Неспроста ты там! Молодой, надо о матери подумать да о жене с дитём, а ты снова в лес, как медведь какой. Недаром прозвище тебе дали - шатун. Ходишь, шатаешься по лесу, а ты ведь не зверь.

- Я вернусь, мать, дай только срок. Пока я там хозяин, и всему что там есть. Нужно во всём мне там разобраться. Отчего уйти оттуда не возможно? Отчего себя в другом обличии видишь и при этом не ужасаешься? Не буду вам всего рассказывать, чтобы не думали ожидаючи. И я решил туда вернуться! Сейчас ли, позже ли - видно будет.

После ухода Лариона подвыпивший Федот задумался. Странности какие-то с Ларионом! Был ночами в деревне, знал, что каторги нет, и все мытарства кончились, а всё одно снова ушёл в лес. И не пустой приходил, коли Кутаманиха потом коней из города привела, да и Катерина городские обновы себе привезла. У самих деньги откуда? А про приказ врут, что там деньги вдовьи получили. Он принёс! А откуда деньги в лесу? Может, где старателей караулит да давит как медведь? Так старателей почти не осталось: иссякло золото, все пески перелопатили. Клад, видно, где-то нашёл. Мало ли где хоронили купцы богатство своё, когда царя скинули. Или всё же где-то ручей нашёл с богатой россыпью?

- Митрич! – позвал громко. – Поди-ка сюда…

Задумался: говорить или не говорить бобылю о своей догадке? Пустобрёх по деревне понесёт да всё дело испортит. Вошедший Митрич не стал долго ждать, когда Федот разродится речью.

- Что, Федотушка, сбегать, куда ни то? У Прасковье есть! Вчера только выгнала. Мимо вечером проходил, она в печи шерсть жгла, воняло по всей улице, а знать гнала.

- Кого гнала? – не понял Федот, думая о своём.

- Знамо дело - самогон! Кто хочет запах барды от избы отбить, шерсть жжёт в печи, а кто куринные перья. Так вот, мимо Прасковьи проходил…

- А вот ты о чём… Ну, что ж сходи… Поговорим за четвертью о Ларионе… А завтра я в город поеду: дела у меня там будут…

- А чё нам, Ларион? У него своя тропинка. Да и оставил бы ты его в покое, если в отца пошёл…

Засунул пустую четверть в потрёпанный сидор и остановился размышляя. Чего это он про Лариона?

- А что если в отца, Митрич? – не понимающе взглянул на бобыля.

- А хреново всем будет! Устосует! Знаю! - и выскочил в дверь.

Глава8.

Сруб часовни перевезли ещё по малому снегу. Стали ставить на небольшом взгорке. Работа продвигалась быстро. Сам Анисим был только раз, когда закладывали первые брёвна. Посидел на золотистом высохшим бревне, поглаживая древесину ладонью, потом не говоря ни слова поднялся, оглядел лесную проплешину и ушёл. Больше, пока строили, не приходил, находился на заимке.

Когда часовня была готова, Анисим из каких-то своих соображений запретил ставить деревянный крест. И вообще последние дни ходил понурый, мало разговаривал, плохо ел и, казалось Лариону, что к батюшке вернулась старая болезнь. Часами сидел и смотрел, как горел огонь в русской печи. И никого не слышал, когда же печь прогорала, становился на колени в красном углу и беззвучно молился, еле шевеля губами. На вопрос Лариона, что его тревожит, уходил от ответа и старался не смотреть ему в глаза.

Ларька отступил с вопросами и разговорами и уходил в лес, ставил силки и петли. И где-то в середине зимы набрёл на медвежью берлогу. Лохматый постоялец зимовал - видно было по куржаку, обрамляющему небольшой, скрытый буреломом лаз. Ларион был без оружия и поэтому ушёл на заимку. Утром взял рогатину и карабин, вернулся к берлоге. Отоптал снег от лаза и немного почистил полянку от бурелома, чтобы не дай бог не запнуться - тогда гибель. Вырубил из сухой пихты крепкий шест и приготовил карабин к стрельбе. Зимний медведь у него был не первый, приходилось уже поднимать из берлоги. И сейчас вроде всё рассчитал: куда ломанётся поднятый зверь, - но почему-то вдруг не стало прежней уверенности, что всё пройдёт благополучно. Сел на бревно, понимая: если дать страху пересилить себя, то уже больше никогда он не сможет взять зверя из берлоги, и чем больше оттягивал время этой страшной охоты, тем больше росла уверенность в своей правоте. Потом резко встал, скинул меховые исподки на снег, передвинул для удобства нож на поясе, схватил шест и резко сунул его в отверстие. Шест дёрнулся назад и затих. Снова со всего размаха сунул шест, уже забыв о волновавшем его вначале страхе. А когда в ответ из отверстия услышал низкий рёв зверя, Ларион напружинился и на мгновение ощутил, что он сам зверь, такой же, как и тот в берлоге, и что тоже очень опасен. Отпустив шест, взял на изготовку карабин, отступив на несколько шагов. И почти сразу шест, словно копьё, вылетел из берлоги. Огромная голова показалась Ларьке ужасающей, и этот на вид неуклюжий зверь в мгновение ока выскочил из берлоги, обрушив снег, заваливший отверстие. Ларион, почти не целясь, выстрелил. Но зверя уже не мог остановить этот негромкий хлопок. Второй выстрел был уже в упор, и Ларион еле успел уклониться от огромной туши, чтобы не быть раздавленным. Падая в снег, успел передёрнуть затвор и, развернувшись к убегающему зверю, спустил курок. Но выстрела не последовало. Снова передёрнул затвор и

увидел раскрытый магазин карабина. Поискал в снегу вывалившиеся патроны, понимая, что напрасно. Зверь уходил, лишь вдалеке мелькала горбатая спина среди невысоких елей. Осмотрев снег вокруг Ларион не нашёл следа крови. Промахнуться не мог - точно знал. «В такую копну попал бы и юнец», - проговорил вслух, отряхивая шапку от снега.

- Заворожённый он что ли? - слышал иногда об этом в рассказах стариков. – Ну, ладно в первый раз промахнулся… А второй раз?.. Стволом ведь чуть не в брюхо воткнул.

Прошёл немного по следу, но крови нигде не было. Идти дальше, знал, опасно. Медведь может сделать круг и залечь где-нибудь в валежнике, будет поджидать у своего следа. И тогда уже человеку не уйти: заломает, не постесняется. Среди охотников ходили слухи, что поднятый из берлоги медведь и по какой-то случайности был не убит и ушёл, тогда жди беды. Начнёт охотится за охотником и тогда пощади от него не жди, всё одно выследит. И настанет день, когда гонимый голодом и мщением нападёт на зимовьё, но перед этим порвёт всех твоих собак, и предупредить о опасности будет некому. Выходит, он сегодня из медведя сделал себе врага, шатуна, который уже дней через пять потеряет все чувства осторожности и в поисках любой добычи выйдет на охоту на человека. Обратно до заимки шёл, прислушиваясь, но ничего не заметил, да и зверь ушёл в другую сторону. На душе был какой-то неприятный осадок. Такое с ним было впервые: поднял и упустил зверя.

На заимке по пояс раздетый немтырь колол дрова, не обращая на мороз никакого внимания. Подошёл и сел рядом с немтырём на чурку.

- Я сегодня медведя поднял из берлоги и упустил… Осторожней будь теперь, Петруша.

Немтырь перестал колоть дрова и смотрел на Лариона с вниманием. Впервые прочитал в них не злобу, а что-то вроде сочувствия и укора. Жаль, конечно, что не мог немтырь разговаривать, может быть, посоветовал бы чего. Поднялся, прислонил рогатину к углу избы и вошёл в дом. Анисим опять сидел у печи и смотрел в огонь. При стуке двери поворотился, удивлённо посмотрел на Лариона, шевельнул губами, но, не произнеся ни слова, снова уставился на огонь.

- Медведя упустил, дядька Анисим! – помолчал. - Как заговорённый зверь…

Анисим вскинул брови на Лариона, снова пошевелил губами.

- Ты как немтырь стал последнее время, молчишь всё. Не захворал ли часом? Или от часовни, что возвели? Не рад? Чуешь что-то, только в себе держишь…

- А я думал, Ларя, заломает тебя медведь, когда ты ушёл. Думал и не увижу больше…

- Да ты никак смерти моей ждёшь? Вот так батюшка! - И остановился на полуслове. В голову пришла страшная догадка: а что если случай с медведем не просто так произошёл? Ведь стрелял наверняка, почти в упор… Да и выстрелы, помнит, почему-то были слабые, будто не настоящие. Тогда ему показалось, что это из-за волнения, или от медвежьего рёва уши заложило.

- Ну, я с этим разберусь… - вышел из избы.

Уже по темну добрался до берлоги и стал рыть снег, где обронил патроны. И удача улыбнулась - нашёл. Зубами расшатал и вытащил пулю, высыпал порох на ладонь. И сел в снег. Как и подозревал, пороха в патроне почти не было, кто-то готовил ему смерть у берлоги. Только вот кто и за что? Может, оттого, что ему показали золото, а теперь хотят убить за это? Долго

сидел, не понимая. Ведь ему ничего не надо от них - уйдёт! А может, не хотят отпускать живым… И ему впервые стало страшно. Что если они ночью его зарежут? И патроны испортил скорее всего Анисим: хотел чтобы зверь доделал им начатое дело, чтобы не самому руки марать. Что ж тогда Петрушу не попросил? На зверя понадеялся? Вот отчего в последнее время всё в огонь смотрит, а потом молится. Давно, видно, задумал со свету сжить, а внутри тяжело! Грех убивца чувствует.

Обратной дорогой на заимку шёл уже при лунном свете. В морозном воздухе после оттепели повис туман. И вдруг впереди из-за снежного сугроба, наметённого на лесной завал, выскочил, рюхнув, словно огромная свинья, медведь и пошёл в сторону от пробитой дороги. Ларион остановился, провожая зверя, видел, как тот легко летел по снегу, не оборачиваясь на человека, и исчез в низких пихтачах.

- Дожидается… Этот здесь, а те там.

На заимке Анисим с немтырём были в доме, Ларион прошёл к столу, не раздеваясь, бросил злополучные патроны к чашке Анисима.

- Твоих рук дело, святоша? Хотя поклоны бьёшь, а ближнего убьёшь… Не нужен стал?! Часовня стоит, крест на маковку и Петруша поставит, а мне знать судьбу уже уготовил!

Немтырь внимательно слушал, перестав хлебать щи. Ларион повернулся к нему:

- А может, твоя работа? Зверю меня хотел скормить?

Анисим молча отодвинул миску и взял патрон в руки.

- Догадался, знать… Не держи зла. Я это…

Ларион опустился на лавку.

- Зачем, дядька Анисим? Из-за золота?

- Нет… Здесь другое… Рано, поздно ли узнал бы, что Смолокур твоим отцом был, и тогда ты бы меня за отца-то…

Ларион не понимающе уставился на батюшку:

- Какой Смолокур?

- Тот самый из Крутоярово, а посему ты хозяин всему, что здесь есть. И это тебе принадлежит…

Кинул открывшему от изумления рот Лариону тяжёлый золотой крест. Крест упал и загрохотал по половицам.

- Ты теперь хозяин… Лесной человек говорил мне, что хозяин здесь, а кто – догадался. Не Петруша же, в самом деле.

Петруша сидел, сжав кулаки, и его глаза налились чернотой, потом поднял крест вытер несуществующую пыль и одел цепь на шею Лариона.

- Вот, Петруша, теперь Ларя твой бог! Ему молись…

- Он не бог. Он мой хозяин! - низким голосом произнёс немтырь.

- Так… Значить, и говорит умеешь? Столько лет притворялся…

Анисим встал от удивления и было пошёл к Петруше, но тот ловко выдернул нож из-за голенища.

- Сядь, батюшка, Христом-богом тебя прошу! Не хочу поганить твоей кровью избу.

Ларион отвёл руку немтыря.

- Не надо! Значить, мне не почудилось тогда спьяна у купца, когда ты песни пел?

- Нет, не чудилось! Я ведь тогда уже узнал, что ты сын моего хозяина: похож больно. А если бы ты сказал, что я песни пел, Анисиму, он всё одно бы тебе не поверил. Сказал бы: привиделось. Здесь много чего видится…

- Зачем скрывал тогда, что говорить можешь, Петруша?

- Так убил бы он меня… - кивнул на Анисима. - А мне нужно было знать, где золото хранит поп. Ради этого и с каторги его вызволил. Только потом пришло в голову, что золото это не вынесешь отсюда. Проклятое оно. И земля здесь проклята. А уйти отсюда совсем - сил нет.

- Почему?

- Не знаю. Несколько раз уходил, возвращался с половины пути. После девятьсот восьмого это всё началось. До этого мы людьми ещё были. Мы здесь ручей с песочком нашли, старались понемногу с сотоварищами. Смолокур был старший нашей артели. Дружно жили… А в девятьсот восьмом всё кончилось…

Помолчал немного.

- Небо огнём горело, и земля потом из-под ног ушла, и ветры подули со всех сторон. Сколько времени прошло, не знаю, как будто мы умерли сначала, а потом вновь вроде как народились. Тело не слушалось, язык тоже. И святую землю в тот год нашли. Она почти всё лето горела, только дым тот сладок был… Там то ли от бури, тол и ещё отчего лес упал. И видения от этой земли идут. Особливо когда ветер с той стороны. Только какая она святая, если мы после этого убивать начали? Мало нам вдруг стало того золота, что добывали. Зверь и тот умнее человека оказался: ушёл тогда из этих мест, а мы наоборот - остались…

Немтырь повернулся к Лариону.

- Отец-то твой тоже мечтал церковь здесь построить. И строил! И крест золотой ему я этот сам здесь отлил! До этого мы артель ночью вырезали, золота много принесли. А потом что-то случилось со Смолокуром: не разговаривал несколько дней, почернел вдруг в переживаниях. А как-то ночью подпёр двери в избе, что на задах стояла, - там вся братия жила - облил керосином и поджёг. Это после того он в деревню к Анисиму ушёл… И семьи у нас у всех были… Только как восстали из мёртвых, обо всех забыли.

Немтырь замолчал, закрыв глаза, из-под век скатились слезинки, которые запутались в бороде. Потом продолжил тихо:

- Зимой только о них и воспоминания шли…

- А как же ты остался живой?

- Я коней искал в тайге, они в то время часто уходили. Когда пришёл, никого уже не было, одни головёшки. Кости собрал да прикопал. Я-то поначалу думал, что и Смолокур с ними. И даже обрадовался, что волен теперь и уйду на все четыре стороны, только вот золото найду… Искал. Перекопал всё! Как исчезло! А потом батюшка объявился, и крест хозяина на нём. Понял, что опять мне служить теперь придётся, но только уже ему, потому как золото у него. А дальше со временем привык здесь жить, и золото блеск свой потеряло, потому как знаю: не вынести его отсюда. Вот Анисим золото далеко отсюда прибрал к рукам, а нет - вернулся и его сюда привёз! А зачем в тайге золото? В тайге уж лучше ружьё, соль да спички.

Анисим с Ларионом внимательно слушали немтыря, не перебивая. После долгого молчания немтырь теперь не мог остановиться. Его глаза приобрели живой блеск, воспоминания заставляли его хмуриться и даже пусть редко, но улыбаться.

- Так во всех ваших грехах здесь, говоришь, виновата святая земля? А не жадность к золоту?

- Выходит так, Ларя…

Петруша как бы поник головой, вспоминая.

- Вот Анисим говорит: к нему лесной человек приходит в образе светящегося тумана, вроде с очертаниями человека в серебряном обличии. А

мне нет. Ко мне другие приходят… Те, коих сам жизни лишил. И ничего мне они не говорят. Это я их прошу простить меня, а они не прощают… Скалятся, как волки.

- А я впервые себя здесь зверем видел, – подал голос Ларион. – И от всего, что я видел, страшно на сердце.

- А я говорил: каждому здесь видится то, что у него внутри, - Анисим зашагал по комнате. - Вот у Петруши на душе сожаление от содеянного, ему его жертвы видятся. Это ведь как во сне на святой земле. Снится то, о чём в тайне даже от себя думаешь. Только в одном от сна отличие есть: ты можешь говорить с теми, кого видишь. Будь то покойники или здравствующие, далеко находящиеся от этой земли люди. Да ещё при этом на земле святой чувствуешь блаженство и раскаянье. В другом-то месте мы редко себя считаем неправыми, а здесь приходит осознание… Ну, а теперь, Ларион, что думаешь делать дальше?

- Не знаю, время покажет! Только знаю: не останусь!

- Мы тоже когда-то думали так, - немтырь погрустнел. – А сколько лет здесь…

Через неделю на заимку ночью пришёл шатун. Страх ещё в нём был, потому как близко к домам не подошёл, утром в метрах ста Ларион нашёл его следы. Искать шатуна его подтолкнули ржавшие всю ночь кони. Ночью же немтырь с карабином вышел во двор и от греха подальше закрыл коней в конюшню. На следующую ночь голодный зверь уже прошёл по заимке, почти не скрываясь, пробовал лапой вырвать дверь конюшни. Когда же обитатели заимки, проснувшись, выскочили на улицу, зверь ушёл. Но все знали, что недалеко, залёг где-то рядом и выжидает. А что будет, когда голод сорвёт его с лёжки днём?

Утром Ларион засобирался на охоту. Молча рассовывал, винтовочные патроны, точил нож, проверил карабин и насухо протёр от масла затвор. Чувствуя свою вину, Анисим старался не смотреть в глаза ни Лариону, ни немтырю. Суетился что-то у стола, переставляя чашки с места на место, а потом прощения у Лариона попросил: его, мол, вина, что шатун ходит. Только если честно разобраться, даже не его, а земли этой. Сам бы он навряд ли до этого додумался. Голос ему, дескать, был патроны разредить. Усмехнулся Ларион:

- Врёшь ты всё, дядька Анисим! Намедни же говорил другое - будто здесь приходит осознание греха, - а сам на землю грешишь. Не понятно! Только тебе всё одно выгода от шатуна есть. А вдруг меня сегодня тот шатун заломает? Пусть не выгода, так надежда. Только крест я тебе батюшкин не дам! У меня тоже своя выгода есть… Если уж заломает меня шатун, ты крест не бросишь - искать пойдёшь, а шатун тебя будет искать… Так что моли бога или дьявола, чтобы я жив остался.

Толкнул дверь и вышел в морозное утро. Оделся легко, знал, что долго искать не придётся: не больше версты, поди, отошёл да на днёвку и залёг где-нибудь в буреломе. Только не спит! Лежит, поди, да своими круглыми ушами шевелит – слушает. На голодный желудок сон не идёт. Потихоньку пробираясь через заснеженные пихты, услышал позади себя шум, вскинул карабин на изготовку и увидел немтыря с рогатиной. Петруша был без шапки, в новой атласной рубахе-косоворотке, перепоясанный шёлковым пояском, а на ногах вместо пимов хромовые сапоги. Удивился такому наряду Ларион:

- Ты зачем здесь? Не свадьба, чай… Вырядился…

- А вдруг последний раз? А рубаху не одёвана… Жалко.

- Ты только не мешай мне, если уж подомнёт, тогда подсобишь…

Медведя нашли в неглубоком логу. Зверь крутил огромной головой, нюхая воздух, чуял охотников, потому что сквозь ветви было видно, как вздрагивала шерсть на его загривке, но уходить или напасть первым не спешил. Стрелять было далеко, и Ларион старался подойти ближе. Когда же зверь стал доступным для выстрела, немтырь немного отошёл в сторону. После выстрела зверь подскочил и завалился на бок, но тут же поднялся и скачками стал приближаться к охотникам. Второй выстрел остановил его, и медведь сначала клюнул головой в снег, но поднял заснеженную голову, утробно заревел и осел задом в снег, оскалив кровавую пасть, разрывал когтями свою рану, дёргался телом, но видно пуля повредила позвоночник - задние лапы не слушались. Петруша подскочил сбоку и молниеносно всадил нож по самую рукоять в горло зверю. Фонтан чёрной крови полоснул по белому снегу, окрашивая всё вокруг. Только зверь ещё был не повержен, в нём ещё была сила. Ларион никогда не смотрел на звериную агонию и сейчас попросил немтыря уйти и оставить зверя одного.

- Уходи! Нельзя на это смотреть! Пусть отойдёт в покое! Когда раненый зверь видит человека, дольше мучается. Немтырь послушно отошёл в сторону, вытирая нож о брюки.

- Не человек же, зверь…

- Есть люди, которые хуже зверей, Петруша. Да ты и сам знаешь! Мне ли тебе говорить об этом?..

Освежеванный зверь, разрубленный на большие куски, подмерзал, развешанный на соседние деревья. Немтырь снял на заимке праздную рубаху и сапоги, притащил лёгкие нарты, чтобы вывезти мясо. За эти несколько дней, как начал снова говорить, он изменился. В нём исчезла настороженность в отношение Лариона. Трудно было сказать, что он видел в нём хозяина, хотя объявил это во всё услышанье, когда надевал крест Смолокура на шею Лариона. Он скорее становился самим собой, каким был, видимо, до встречи с Анисимом. Но, выдав себя за немтыря, он мастерски играл эту роль многие годы и так свыкся, что, уже когда и открылся при разговоре с Анисимом и Ларионом, снова начинал мычать и улюлюкать, опомнившись же, переводил свою речь на нормальный язык. Здоровый от природы, немтырь хватал огромные схватившиеся на морозе куски мяса и укладывал на нарты. Потом надел на себя ремённую шлею нарт и потянул в сторону заимки, позади шёл Ларион, помогая толкать рогатиной. Опасность от шатуна исчезла, оставалась опасность на самой заимке, но и она как-то сгладилась, после того как передал крест Анисим Лариону.

Утром следующего дня Анисим велел немтырю запрягать коней, и ещё солнце не встало над лесом, как Анисим с Петрушей выехал со двора. Зачем и куда поехали - Анисим не сказал, сказал только, что дня через три вернётся, а чтобы не скучно было Лариону, пусть перевозит церковную утварь в часовню. Ларион так и сделал. Две ходки с нартами - не велик труд. Свалил всё в угол. Куда что вешать, не знал да и не хотел. С ранних лет было у него странное чувство в церкви. Чувствовал угнетение. И в большие праздники, когда всей почти деревней люди ходили в церковь, старался убежать из дома, до того как мать с собой заставит идти. Отец, как помнит Ларион, тот тоже старался, если не убежать, тогда дело какое найти неотложное. Помнит, мать повздыхает да одна пойдёт. Хотя другие ходили семьями. Но сказать, что были безбожниками, не скажешь. За стол садились - крестились, а молитву - так каждый читал по-своему, как понимает, когда читать и что читать. Можно ведь и не из писания святого. Молитва - это когда от души. И сейчас он тоже

молится… За Катерину, за мать… Пусть не в церкви, а чем лес хуже храма? Здесь лжи нет…

Солнце начало пригревать по-весеннему Ларион присел возле часовни, оперевшись спиной о стену. Вот и ещё одна зима на исходе, подумалось вдруг, и скоро он уйдёт совсем из этих мест. Но почему-то уверенности не было, что покинет этот край. Может, и правда виновата эта земля? Держит. А что его здесь держит? - задал он себе вопрос. Это умопомешательство, которое он впервые ощутил здесь? Или золото, когда-то награбленное отцом? А может, золото и сумасшествие - одного поля ягоды, просто не сознаёмся в этом себе. Думаем, что мы вольны, а с золотом и тем более: богаты, и ни от кого не зависим, и с золотом никогда не будем ни под каким то ни было хозяином, потому как сами хозяева! Только правда ли это? Это не может быть правдой только потому, что не можем мы уйти отсюда. Ни с золотом, ни без него…

Вот сейчас немтырь уехал с Анисимом… Может, и не вернётся кто-то из них. Вдруг немой захочет счёты свести с попом? Или Анисим решит отомстить немтырю за то, что пригрел змею на груди. Но навряд ли: они столько лет уже вместе на этой заимке, что друг без друга не смогут, хотя немой вышел из-под власти батюшки. И уже нет у него страха перед ним, иначе бы не открылся и сейчас бы ходил, улюлюкал, словно дитя.

Обратная дорога показалась недолгой в размышлениях, только к определённому выводу так и не пришёл Ларион. Словно какая-то главная мысль или ответ подобны выловленному только что налиму - в руках не удержать, выскальзывает.

К вечеру следующего дня приехал немтырь с Анисимом. Что были у купца, Ларион сразу определил по гармони, которую вытащил из кошевы немой. И ещё… Видно, для того и ездил Анисим в село: привезли большой металлический крест на часовню. По черноте металла видно было, что только что изготовил его кузнец.

- Всё ли в порядке на заимке? – Анисим внимательно посмотрел на Ларьку. – Чужих не было?

- Да какой чёрт сюда попрётся? Ехали – что, следы видели?

- Да следов не видели… Люди в деревне сказали, экспедиция ходит по лесу с эвенками на оленях, будто от Подкаменной Тунгуски идут. Охотники говорят, видели.

- Да не время как-то сейчас золотишко искать: зима на дворе. Путают что-то охотники, дядя Анисим! Видал экспедиции ранее, всё больше по весне по рекам да ручьям уходили. А по шуге всегда обратно приплывали, кто живой, конечно, оставался. Люди были городские, грамотные, только в лесу мало что понимали, проводников всегда брали. Ещё мальчонкой проводником одно лето у них был. Три рубля заплатили да ещё - дай им Бог здравия! - ружьё и компас дали по возвращению! Только вот компас не пригодился. Вроде и учил инженер, а не понятливым оказался я к той науке - блудил. Компас, он на зимовьё не выведет. Лучше уж по старинке: по солнышку да по памяти. А ты вроде как боишься? Чего так встревожился, дядька Анисим?

- Да у меня уже и возраст не тот, чтобы боятся, я уже и смерти-то не боюсь… У меня другая забота появилась. Узнают про святую землю…

- Так ты вроде и рад был, что узнают! К Богу, говорил, придут с осознанием греха. А теперь вроде как на попятную?

- Слышал, что немтырь говорил? Убивать начали…

- Так часовню, выходит, зря строили?

- Зря ничего не бывает! Бог дорогу указывает! Нам, смертным, этого не понять: для чего и почему нашу судьбу Он, как спираль, закручивает. Видно,

есть на всё своя причина. Мы ведь только жалобиться можем да по каждому поводу сомневаться, тем самим себя в грех вводим.

Из избы послышалась игра гармони, тягучая печальная музыка летела над заснеженной заимкой. Анисим остановился, вслушиваясь в напевы гармони.

- Ну, вот опять как будто и не было ничего: ни золота, ни убиенных… Ни земли святой. Только песни играть стал другие Петруша… Ранее-то играл залихватские, кабацкие, от которых ноги в пляс пускались… А сейчас слушаешь - плакать хочется. Ты не знаешь от чего так, Ларя?..

- Мало ли отчего?.. Может, душа у него страдает…

- А есть ли она у него?..

- Как не быть… Она внутри-то, может, краше нашей…

В избе стояла початая бутылка казёнки, а на лавке, опустив свою косматую голову на гармонь, играл и плакал Петруша. И вдруг с его губ вновь сорвалась песня, как тогда летом у купца:

Ты коней моих отдай батюшке,
Передай поклон родной матушке.
А жене скажи…

И голос Петруши сорвался, прервалась и музыка. Забулькал как-то странно, словно вновь стал притворяться немтырём, потом, не глядя, провёл широкой ладонью по столу, поймал бутылку и стал пить прямо из горла, стараясь, видимо, потушить, вспыхнувшие воспоминания.

Как только появились первые проталины, Анисим стал уходит чуть не каждый день в часовню. Возвращался чуть ли не закатом, ел, смотрел в окно на кончающийся день и темнел лицом, словно день за окошком. Говорил мало, был весь в своих думах. На вопросы отвечал то не впопад, а то и просто отмалчивался. Когда же оставался на заимке и был день солнечный, выходил на крыльцо, кутаясь в овчинный полушубок, садился на сухую кедровую чурку и смотрел вдаль на кромку леса.

Ларион подозревал, что батюшке нездоровится, только тот ни на что не жалился. Про таких, притихших, в деревне у Ларьки говорили: «С Богом разговаривает, а знать, за весенней водой уйдёт, так как чувствует смертушку. Это она ему покоя не даёт, заставляет всю свою жизнь, если в здравом уме, как через сито просеять да над каждым днём задуматься - а так ли жил?» Вот и у Анисима сейчас то же самое, страшное время суда над самим собой. А может, это время Богом отпущено для покаяния человека здесь, на земле, а уж когда суд будет на небесах, там покаяние твоё не спросят. При жизни эта прихоть человеку даётся! А на небе чего уж каяться - всё уже предопределено для человека на земле… Для тела тлен, а для души бессмертие, будь она светлой или тёмной - всё одно в бессмертии маяться, в аду ли, в раю…

Но для Анисима встал другой вопрос, рай и ад его сейчас не интересовали. Ради чего или кого он жил? И что нажил? Не находил ответа. Пустота в душе, пустота от прожитого... Золото? Да, есть у него золото, много золота, да только, как сказал Ларион, на заимке золото без надобности, а если есть от него какая-то польза, так только если им капусту в погребе придавить вместо камня… Тогда ради чего он свёл со света Смолокура? Распорядился ли золотом на пользу хотя бы на свою? Тоже нет. Лариона зверю хотел стравить, тоже из-за золота. А его-то за что? Золото заставило? Да нет… Скорее сам от жадности, что жить-то ему недолго осталось и кто-то другой воспользуется, а не он. От этого обидно на душе: сам-то ничего не смог. И всё из-за земли здешней, проклятой! Сейчас только стал понимать, что Смолокур хитрее его

оказался! Рассказал, где на заимке хранится золото, и тем самым заставил его искать! Знал, варнак, чем для него закончатся эти поиски святой землёй! Порфиша-то умнее его оказался: из того малого, что ему досталось, до своей погибели - пожить успел! А он нет… Какая тут жизнь? Мытарства души и только… Не отпускает просто так эта земля, скорее убивает ежечасно, убивает ожиданьем… Потому как только и ждёшь своего лесного человека, который проведёт тебя в рай, может быть, надуманного блаженства, грёз об очищении души от прожитой праведной или неправедной жизни. И здесь все равны, потому как видят и ощущают по-своему.

Вот его, Анисима, всегда ведёт за собой его лесной человек, как будто хочет ему показать то, ради чего он здесь. И душа Анисима всегда трепещет от того, что он сейчас один из немногих смертных коснётся того, что не сможет никто, кроме него. Воочию увидит и услышит прощение своего греха. И увидит Того, кто простит ему его грехи и подскажет, что же делать ему дальше! Вот уже сколько лет он ждёт этого! Но пока всё напрасно… Его лесной человек каждый раз куда-то исчезает бесследно, растворяется в серебристом своём мареве, теряет очертания, превращаясь просто в туман, и нимб его тоже гаснет, только остаётся надежда, что в следующий раз он всё же увидит то, о чём внушает ему его лесной человек. И сейчас уже недолго осталось! Скоро вся земля отойдёт от зимы, покроется травой, и по траве вновь придёт лесной человек. За ним придёт! Да и всех поведёт! Только у каждого свой лесной человек, и каждый ведёт по своему пути: двух одинаковых путей, не бывает…

Первый приход лесного человека определили кони. Взбунтовались привязанные к коновязи, рвались, приседая на задние ноги, стараясь порвать узды, и грызли своими жёлтыми зубами удила. Падали и бились, роняя на взбитую траву кровавую пену. Подскочивший Петруша не стал развязывать уздечки - он просто ножом отрезал привязь и дал коням волю. Ларион, наблюдавший откуда-то вдруг взявшийся страх коней на крыльце, еле успел посторониться, чтобы дать дорогу Анисиму. Тот, ни слова не говоря, снова в рясе и с золотым крестом на животе, который последнее время висел просто на стене после того, как заговоривший немтырь надел его на шею Лариону, выскочил из избы и бросился в лес в сторону поставленной недавно часовни.

- Куда это он? – спросил Петрушу. – Словно угорелый! Чуть с крыльца не смёл.

- Скоро и мы туда пойдём… Духом болото повеет - и бегом побежим. В этом и есть святая земля! Она зовёт… Только кони боятся её…

- Тогда какая уж она святая, коли кони боятся? Конь, он воду мутную даже пить не станет, траву поганую есть не будет - не корова, в чистоте живёт?

- Не знаю, Ларя… Только силу она имеет. Когда долго не бываешь там – болеешь, как после выпивки затяжной. По себе знаю: во всём теле ломота, а разум только о новом пришествии лесного человека думает. Всю зиму, Ларя…

- Что всю зиму? – непонимающе взглянул на немтыря. – Зимой ведь никуда вы не ходите.

- Думаем всю зиму… Ранее хуже было, оттого, видно, что лесной человек являлся часто, бывало и без ветра… Прямо сюда, на заимку, являлся. Страшные они…

- Кто страшные, Петруша?

- Люди, которые со святой земли приходят, все убиенные мной…

- Мёртвый, Петруша, вреда живому не делает - вреда ждать надо от живых.

- Делает, Ларя! Сумасшедшим делает!

- Блазнится всё это нам, как от белены или мухоморов! В детстве разве не пробовал?

- Пробовал…

Мухоморы он пробовал. Нет, грибы не ел, а отвар, когда болел. Бабка-знахарка лечила. Эта бабка и сама отвар тот пила, как заметил тогда Петруша, только ей всё бесы виделись, и его от бесов она спасала, как говорила. Глаза знахарки становились безумными, билась, словно в падучей с пеной на устах, и не молитву шептала свистяще, не заговор от какой ни то болезни, а слова незнакомые, бессвязно и хрипло. Боялись той знахарки люди, потому как ведьмой считали, только лечиться в ту пору было негде, а она лечила, плохо ли хорошо - лечила. А ему, наоборот, от отвара весело становилось, и тело его было воздушным, и тогда он летать мог как птица… И летал. И вылечила она его. Перестал он ночами сонным ходить. А то было ведь чуть не погиб, когда ночью коня заседлал да без памяти ехать куда-то собрался. Ладно отец его тогда спас - забил бы жеребец…

- А мне видится: зверь будто я… - не обращаясь к немтырю произнёс Ларион. – Будто медведь…

- Может, оттого что медведя бил?

- Не знаю. Только знаю: всё это видится - не на самом это деле. Будто во сне, потому как, когда в себя пришёл, – лежал. И голову боль разламывала, как после браги, настоянной на табаке. Я не знаю, что там кроется, на святой земле, отчего там с человеком происходит забытьё, и почему вас всех туда потом манит. Только я больше туда не пойду. Не хочу! А ты иди, Петруша, иди… Вижу, что не терпится. Только как вот насчёт коней? Уйдут…

- Потом вернутся! Куда им идти?..

Анисим бежал по тропе к часовне, стараясь слезящимися глазами увидеть снова серебристую фигуру с серебряным нимбом. В глазах двоилось, и расплывались очертания деревьев. Старался рукой смахнуть не то слёзы, не то выступившую испарину. В лесу на какое-то мгновение потемнело, и откуда-то выползшая вдруг туча крылом птицы закрыла солнце, закрыло солнечный свет над недавно поставленной часовней и всей лесной поваленной плешиной. Слегка потянул ветерок. И вдруг впереди в дверном проёме часовни увидел то, чего ожидал, к чему бежал с колотящимся сердцем: серебристое отражение человека.

- Господи, не оставляй меня! – прокричал в запале. – Я иду, чтобы принять то, что уготовил ты мне…

И в верхушках деревьев, обрамляющих плешину, послышался шёпот, слышимый только ему, Анисиму.

- Службу служи! Сегодня откроются для тебя врата, в которые ты войдёшь…

Вбежал в часовню, залитую всю серебристым светом, и пал на колени перед иконостасом.

- Ты услышал меня, Господь! Я долго шёл к тебе человеческими тропами и сейчас созерцаю тебя в построенном для тебя храме. Как и Смолокур, я прошёл испытания, которые ты уготовил мне, и я видел убиенного мной. Я видел, как он воспарил к куполам, а знать, ты простил его. И теперь знаю: по твоей воле я лишил жизни варнака, а у ног твоих я рассыплю золото то, что есть у меня!

И снова шёпот в воспалённом разуме.

- Золото… Богу не нужно золото! Богу нужна слеза раскаяния.

Поднял глаза, стараясь найти, откуда исходил к нему шёпот, но шёпот исходил со всех сторон, а над ликами святых качался серебристый нимб. Закружилась голова, и он увидел, как стал закручиваться серебристый свет и вот уже почти обрёл фигуру серебристого лесного человека, за которым ходил столько лет и никак не мог дойти. Ещё мгновение, и он сможет коснуться серебряного человека! И вдруг мысль пронзила его: это не лесной человек! Это и есть сам Бог! Сорвал с груди огромный золотой крест, вытянул вперёд, как бы прокладывая себе дорогу к Богу крестом, а крест вдруг вспыхнул голубоватым огнём, вспыхнула и цепь. Словно порванное ожерелье зазвенели и рассыпались звенья цепи, а впереди он увидел распахнутые серебряные врата. Последняя земная мысль дымом погасшей лампады мелькнула в памяти:

- Вот и нет больше кандалов… Закончилась моя каторга…

Ларион целый день ждал Петрушу и Анисима. Налетевшая первая гроза разразилась страшным грохотом. Молнии крестили небо, казалось, над самой заимкой, но налетевший шквалистый ветер угнал чёрно-синие тучи, и небо просветлело, наполнилось солнцем. От грозы остались лишь лужи с плавающими пузырями да поломанные ветви кедровника. И только под утро услышал, как на заимке заржали лошади. А когда рассвело, пришёл и Петруша. Молча сел на колоду у коновязи, и в окно Ларион видел, как уросливый жеребец сунулся ему в плечо, как бы жалея своего хозяина, стоял, не шелохнувшись, даже перестав помахивать хвостом.

- А где Анисим? – спросил, понимая вдруг, что что-то случилось. – Почему один?

- Грозой Анисима разбило… Нет его больше, – протянул Лариону крест с оплавленной цепью. – А это твой крест. Там же нашёл, в руке у Анисима был, по нему гроза прошлась…

- Нет, Петруша! Не мой это крест - чужой… Но уж коли поднял чужой крест, так нести его надо… Ты его мне надел! Может, и без умысла, только мне нести его теперь… Не своей судьбой теперь жить.

Анисима похоронили в тот же день на задах заимки. Из часовни привёз его немтырь, соорудив волокушу. И на небольшой холмик Петруша вкопал деревянный крест, предназначенный сначала для часовни.

Часть 2

Небесный осколок.

Глава 9

Лодка мягко ткнулась в берег. Егор спрыгнул с носа на песчаную твердь и сделал несколько приседаний. Долгая дорога в одном положении дала знать: ныла спина, в ногах стояла мелкая дрожь от вибрации, а уши оглохли от монотонного гула мотора. И теперь, когда заглушил мотор, в него ворвалась тишина. Он не слышал ни лёгкого шума воды затихающих волн, ни пения птиц. И только глаза охватывали всё реально, без всякой фантазии. А фантазии, когда едешь один на большое расстояние, проникали в его голову от работающего мотора. От его однообразного гула в голове складывалась музыка. И что всегда было интересно для Егора, какую бы песню ни вспомнил, мотор тут же выводил мотив этой песни, без всякой лажи. И если бы хоть когда-нибудь был бы Егор в концертном зале, то сейчас, закрыв глаза, увидел бы музыкантов. Иногда чтобы скоротать время, не думая ни о чём, он пробовал сам под музыку мотора сочинять свою песню. Только ничего не выходило, получалось как у чукчи: что вижу о том и пою. Вспомнив об этом, он улыбнулся, и приткнул лодку к берегу тоненьким ломиком с цепью. Выгружать свои нехитрые шмотки не стал, а, проверив ружьё, поднялся на яр, сел на первую попавшуюся валежину с полным обзором реки и закурил сигарету. По привычке, осматривая место, где находится, не обнаружил ничего привлекающего внимания. По-видимому, на этом берегу давно никто не был, а место, на которое сам приходил сюда с пожара летом, было чуть ниже. Он не стал специально подъезжать туда, чтобы поменьше топтать одно и тоже место: в глаза бросится, если кто проплывать на лодке будет. А ему это ни к чему. Не любил, если кто под ногами путается во время охоты. Он не из городских - толпу на рыбалке и охоте не любил. С толпой, оно водку пьянствовать хорошо… Весело! А на охоте лишние люди ни к чему.

Вчерашнее беспокойство, что кто-то ночует недалеко, - слышал ведь стук топора о лесину! - поулеглось. Сколько сегодня проплыл, а следов, что были здесь люди, не увидел. Может, конечно, кто в курье лодку причалил, от глаз подальше, - допускал, и сам тоже решил так сделать, так как и курья-то в повороте отсюда. Но сейчас решил не заходить туда: а вдруг там уже лодка чья стоит? Решил: сначала с берега всё проверит, а потом уже и лодку перегонит, да и на месте сориентируется, откуда ближе будет скарб свой до заимки таскать. Выкурив пару сигарет, тронулся в путь: по подсчётам заимка в полукилометре от берега должна быть.

По яру идти хорошо, чисто, бурелома почти нет, лишь брусничник скрипит по сапогам. Год был для брусники не ягодным, лишь изредка возле гнилых пней попадались тёмно-вишнёвые островки. Зачерпнул, расставив пальцы как у брусничного совка, ягоды и не глядя, отправил в рот. Терпкая, ещё морозом не убитая - определил на вкус. Ну, да ничего! Пару ведер соберёт, когда домой решит ехать, чтобы Настю порадовать. Вспомнил о Насте - что-то вдруг душу затомило… С чего бы вдруг? Ночь всего и дома не был.

Вышел к краю заимки, остановился, оглядывая. Вроде, никого нет. Да как летом уходил - взглядом тогда окинул всё. Как прежде будто, но всё же снял ружьё с предохранителя и выступил из-за молоденьких ёлок. Напрямую пошёл к дому, где нашёл золотой крест и вошёл в избу. И только здесь понял,

что был кто-то. Вернее, нутром почуял, как зверь чует, что не один он на заимке, есть кто-то, только прячется и выходить не хочет. С добром он или ещё с какой прихотью - не знал, но уж точно не на охоту пришёл сюда. Если бы на охоту пришёл, то встретил бы на берегу да предъяву ему Егору сделал: мол, место занято - ищи другое. А тут нет! Схоронился!..

А был недавно, может, пару дней назад - по запаху в избе определил: недавней пищей пахло, варил кто-то на печи, хотя и посуда вымыта и вытерта, а пыли всё же нет старой. И знал Егор, за много лет касаясь этого: в нежилую избу приходишь - запах особый, и в каждой избе разный, всё зависит оттого что в избе находится. А здесь - нате тебе здрасти! - кто-то ужин готовил да тем более из тушёнки. А уж тушёнку он бы определил под любым соусом и хоть ты её чем ни приправляй. Запах её за столько лет на лесных пожарах да на охоте в мозгах остался. Но как ни искал: ни порожней банки - ничего.

Странно опять стало. Знать, кто пришёл сюда, таится. Значит, знает пришелиц каким-то боком о золотом кресте. Может, видел да первый раз не забрал, а может, вообще он тут был, когда Егор тот крест умыкнул. Как-то сразу холодком по спине протянуло. А что если и сейчас он за ним наблюдает? И Егор нервно окинул поляну с двумя оставшимися избами. Подумал, что действительно, если кто здесь есть, то не видать ему охоты. Так и будут друг друга скрадывать, пока не перестреляют друг друга не дай Боже.

Поднялся на чердак избы, где в лиственничной домовине нашёл мешок, откинул крышку: кожаный мешок был на месте! И в свете солнечного луча, пробивающегося сквозь поведенную от солнца и дождей дранку, увидел: на дне домовины, рядом с мешком, лежала, как подтверждение, что не он один знал о кладе, простая шариковая ручка. Сел на землю прямо у домовины и попробовал написать на руке. Ручка работала, стержень не высох. И проронил вслух, чувствуя, что с этого дня для него и для того, кто здесь, начнутся проблемы:

- Кто не успел, тот опоздал…

И сам не поверил своим словам, потому как в глаза не видел того, кто здесь хоронится. А может, и не один?.. И такая узнаваемая вдруг мысль в голову: может, был да ушёл? А сам знал, что она спасительная, и Кто пришёл - так ради чего-то, а не просто ради праздного интереса. А может, правда Вертопрах здесь? В этих местах потерялся, по прямой от того пожара, где они с Соловьём сидели, километров сорок всего - самое большое, пара дней пути, не больше. А что же тогда боится объявиться? Значить, есть причина прятаться! А прятаться человеку много есть за что: от закона, от братков да от бабы иногда хочется на край света убежать, когда достанет. И опять своим внутренним доводам не поверил - это в кино просто, а в жизни не так…

Спрыгнул с чердака, отряхивая колени от пыли, и направился к лодке. Надо до вечера перетащить вещи, ночевать всё одно здесь. Да и обследовать и баньку хотелось, и кузню. Солнце уже садилось, когда сделал последнюю ходку к реке, взял ведро, вытряхнув из него лук и морковь, пошёл к колодцу. Здесь и нашёл то, что искал, оглядывая окрестности: след нашёл. В колодезном ведре было полведра воды. Были люди, воду пили, ночевали, видно, но ушли. И его интересовало теперь другое: совсем ушли или выжидают чего.

Три дня подряд обустраивался. Перегнал лодку в курью, поставил сети, приготовил немного сухих дров. И не скрытно, а наоборот, старался больше пошуметь: завёл сучкорезку и часа три пилил дрова. И если кто-то и был рядом - слышал. Так пусть почуют мужика, а не какого-то там хмыря, который всё прячется. Но никто не вышел, хотя Егор и работая, не ослаблял

внимания за местностью. Когда всё было готово для жилья, пошёл впервые обходить местность да за одно сделать первый охотничий путик. Путик решил делать круговой, так как вторую избушку рубить не было времени да и потребности: пока первый снег не выпадет не узнаешь, стоит ли здесь вообще делать базу. Может, и зверька-то нет. Хотя если ему здесь не бывать, то где же ему быть? Кедровники богатые, в три обхвата, должен держаться здесь… А путик круговой тем хорош, что из избушки вышел и в избушку пришёл - обратно холостого хода нет. Да и интерес всегда есть, когда впереди капканы не проверенные: попадёт зверёк, не попадёт, а ждёшь! От этого и усталости бежишь не чувствуешь.

К концу второго дня, как начал капканы раскидывать в сооружаемые домики - не взведённые, а чтобы зверёк привыкал, да и запах железа выветрится, - вышел на странную проплешину в тайге. Удивился, только пройти через проплешину напрямую не смог. Огромные кедры и пихты, вывернутые с корнями, и давно видно, потому как лес вырос новый, только лиственный, берёза да осина в основном, изредка где хвойный. Сначала пошёл, но не прошёл и ста метров, вернулся. Знал, что лучше обойти, так как зимой на лыжах вообще не пройти. Стволы некоторые сгнили, покрылись изумрудным мхом, но некоторые лежали… Топором ударишь – звенят! Интересно стало. Округлая, словно болото, проплешина и лес, как будто кто как на лесоповале повалил. Загадка!

В обход оно всегда дальше. Темно стало, решил заночевать. В низине болотце нашёл, кое-какой воды набрал, снял футболку, процедил да котелок на костёр. А сам привалился к сосне и то ли задремал, а то ли от усталости - голос! Вроде как в первый раз, когда нашёл эту заимку, явственно так:

- Для чего пришёл сюда?

- Крест привёл, – отвечает Егор. – Только зачем - не знаю?

И голос опять, только не со стороны, а как бы из него самого исходит:

- Говорила же тебе бабка твоя: чужой крест не поднимай! Не послушал… Как теперь жить будешь?

И тут же опять ответ и даже не ответ, а утверждение:

- Да какая теперь жизнь?! Мытарь ты теперь за чужие дела…

Хотел разлепить глаза, понимал, что вроде, как спит, только сонным себя не чувствовал, а потом охота пропала и просыпаться - блаженство пришло. Как в натопленной охотничьей избушке после трудного перехода, травами и нагретыми брёвнами сруба пахнет. Смолистый запах, но не терпкий, и даже немного сладковатый. Сознание выхватило беспокойство: не заболел ли? И что за слово такое - «мытарь»? И почему он? Да вернёт он крест, если на то пошло! Но он ведь его нашёл – не украл… Устал, наверное, пока завалы обходил - в памяти промелькнуло озареньем - а так с чего бы вдруг? Проснулся глубокой ночью от холода, голова была тяжёлой, словно с похмелья. И сначала даже подумал: «С кем же пил вчера?» Потом всё же сознание прояснилось, вспомнил. Котелок с водой выкипел, костёр едва чадил рассыпавшимися головёшками,

- Однако я спать!

Весело подумал, но тут же вспомнил то ли про голос, то ли про мысли, и улыбка как-то погасла. Весело ли понимать, что вчера или чудилось, или крыша съезжать начала. Потом всё восстановил в памяти до последнего слова, и успокоение пришло. Задремал да и всё тут - а какое ещё объяснение? Только вот голова тяжёлая… Отчего? Он и с похмелья-то редко болел, когда уже дня три подряд… А так-то чего?

Подбросил дров в костёр, и снова котелок повесил с водой, и снова сон стал морить, и как-то неестественно. Словно угорел, в висках застучали молоточки, даже как бы звон услышал. Пересилил себя, поднялся, вылил воду, собрал рюкзак и пошёл в ночь. Пошёл, лишь бы не оставаться здесь. Направление знал, да и мимо реки всё одно не пройдёшь. Испугался, что заболел, а страх, он советчик в лесу плохой. Но чем дальше уходил от проплешины, тем яснее становились мысли, и вроде голова уже не болела. Подумал, что болото где-то рядом и газ болотный всему вина. Только газ болотный он встречал на болотах - у него запах свой, особенный. А сегодня ничего не чувствовал… Почти под утро вышел к реке, развёл костёр и завалился на подстилку из лапника, и уснул без снов и кошмаров.

Утром следующего дня на подходе к заимке почувствовал, что кто-то следом идёт. Подумал: «Вот и началась охота…» И сразу же, при первых признаках опасности, напружинился, стал слышать во сто крат, но не успел затаиться, как хотел, выстрел разорвал непрочную утреннюю тишину. Упал за толстую колоду, приготовился, соображая, кто бы это мог быть. Ясно было одно: это тот или те, которых слышал ночью на подъезде к заимке. Выстрел был из гладкоствольного ружья. Он лёжа рассматривал, как дробь или картечь царапнули кедр, почти на уровне груди. В голове промелькнуло: промазал или попугал кто-то? Подполз к комлевой части колоды, осторожно выглянул и ничего не увидел: стрелявший затаился. Понял, что молчанием тут не поможешь - и до ночи можно пролежать. А встать тоже опасно: вдруг на прицеле.

- И чего стрелял? – крикнул в сторону выстрела. – Либо тебе места здесь мало? Давай выходи…

Сам же знал: никто не выйдет, побоится, да и на его вопрос тоже не ответит, молчком уйдёт, если не псих какой. Снова крикнул, срывая голос:

- Давай входи! Стрелять не буду…

А про себя подумал: «Накрылась охота и то, ради чего приехал, медным тазом». Полежал ещё минут пять, поднялся, закинул демонстративно ружьё за плечо и пошёл в сторону заимки, ощущая холод между лопаток. Когда уже скрылся с тропы в мелком ельнике, страх улёгся. Даже если стрелять снова кто начнёт, в ельнике не попадёшь, если только с близкого расстояния. А близко подойти в таком буреломе только зверь может: когда зверь начинает добычу скрадывать, становится бесшумным, не то что человек. У заимки снова оглядел поляну перед домами – вроде, никого. Когда уже подошёл к дому, понял, что не один: у крыльца стояло прислонено ружьё. Ухватил ружьё за ствол и повесил себе за плечо, а со своим на изготовку распахнул двери избы. За столом сидел заросший мужик и пил его чай.

- Ты что же? Думал, похоронил меня?

Мужик отставил кружку, закурил сигарету. Потом, глядя в упор на Егора, произнёс спокойным тоном.

- Это ты про выстрел что ли? Слышал. А что, промазал?

- Это ты промазал, Робин Гуд хренов!

- Да нет! Я о том мужике, что в людей палит.

- А ты-то кто? И что за мужик здесь ещё? Вроде когда приехал, один я здесь был, а теперь ты да ещё кто-то…

- Это когда ты летом сюда приходил да ушёл, ты один был! А теперь ты за собой, видно, кого-то привёл. А возможно, тот ещё раньше тебя пришёл, не знаю… Не до вас мне было, у меня ведь свои дела. А кто я? Да знаешь… Вертопрах я. Слышал, видно, в одной системе работали. И тебя я ждал, а вот второго - нет.

- А отчего или от кого ты, Вертопрах, прячешься? Смуту в авиабазе навёл… Отчего ночью ушёл, мужиков заставил искать? Никто ведь насильно на пожаре не держит Сказать ведь мог?

- А на то свои причины… Крест меня назад увёл… Сначала думал ворочусь, да вот остался здесь.

Егор взглянул на Вертопраха и поставил ружьё в угол у печи.

- Крест, говоришь?

- Да, тот самый крест, что у тебя теперь. И ты тоже его обратно принёс, только вот не знаешь, что с ним сделать: оставить на месте, где лежал, или носить его, как Анисим когда-то.

- А ты откуда узнал про эту заимку? - Егор понял, что скрывать бесполезно.

- Я давно про святое место знаю, сначала от бабушки, потом от отца. Отец сюда не приходил, и правильно делал.

- А тебя, стало быть, золотишко привело сюда? Или ещё какой интерес здесь есть, кроме этого креста?

- Есть. Научный…

- Слышал от Соловья, что ты институты в своё время кончал… А что же не прокормило тебя твоё образование? В десантуру подался, чтобы до этих мест добраться?

- Соловей говоришь… - Вертопрах на секунду задумался. – Помню его… Интересный экземпляр… Месяц с ним на пожарах работал, недалеко отсюда. Он тогда было увязался за мной, когда я впервые пошёл сюда, еле с хвост скинул. Да я сам виноват: рассказал, что в этих местах золото мыли. Он и подумал, что я знаю где, всё выведать хотел, а потом следом было увязался.

- Ну, ты это брось! Соловей мужик что надо, не первый год знаю.

- Знал! При мысли о золоте и богатстве происходят необратимые процессы, человек становится другим. Это как болезнь, в большинстве случаев не излечимая. Поверь, если подцепил эту болезнь, будешь как наркоман на игле. Золото - это зависимость….

- Ерунду ты городишь! Со мной ведь не произошли изменения, хотя взял я крест. По мне так лучше охота! Проблем меньше, да и пушнину сбыть легче.

- А ты уверен, что не изменился, как крест нашёл?

Егор задумался, вспоминая прошедшую ночёвку, про голос, да и странный сон про обитателей заимки.

- Да, есть что-то, только не пойму никак… Тут что-то с головой происходит, будто видится и слышится то, о чём не знаешь, как бы сон. Только знаю, что не сон это, скорее белая горячка.

Вертопрах улыбнулся.

- А что, болеть приходилось?

- Нет, мужики рассказывали, кое-кто на себе испытал. Если не привирали, то вот здесь также видится.

- А это как раз то, зачем я здесь.

- И надо тебе это, Вертопрах? Какая польза от этого? Ладно бы золото - ещё как-то понял бы. А так ради чего?.. А живёшь ты где? Вроде нигде больше жилья нет…

- На болоте…

- А здесь что? Места мало?

- Не хотел, чтобы незваные гости, вроде тебя, место это находили.

- Из-за золота что ли?

- Да причём здесь золото?! Да нет его больше! Его до революции ещё все пески по ручья перелопатили, взяли что было. А теперь только легенды остались. Золото… Если бы оно здесь было, тут вся река в драгах была бы. Легче поискать пропавший колчаковский эшелон… Ты эту затею выкини из головы! Не найдёшь даже на фиксу. А что крест нашёл, так он ещё прадеда моего. И мой тебе совет: оставь его на месте. Я тоже его уносил отсюда, только с полпути вернулся и оставил. Велик этот груз – чужой крест.

- Да что вы всё: чужой крест, чужой крест… А стреляет кто? Приведение твоего прадеда? Чуть не зацепил…

- А может, и не хотел? – Вертопрах прошёл по комнате и взял своё ружьё в руки. – Ты стволы понюхай, я его чистил вчера. На!

- Пугают что ли? - Егор непонимающе глянул на Вертопраха. - На кой ляд?

- А чтобы слиняли мы с тобой отсюда. В меня тоже стрелял, и тоже промазал. По твоему он слепой? – и сам же себе ответил. – Один здесь остаться хочет, вот остальных и пугает. Вот только ушлый он больно! На глаза не попадается, да и следов не оставляет, будто бестелесный, не ходит, а летает…

Ночевали вместе. Егор достал припасенную бутылку спирта.Пили небольшими порциями, вспоминали общих знакомых, общие пожары, и каждый старался не затрагивать темы, для чего они здесь. Каждый пришёл сюда сам по себе, по своей воле, со своими мыслями, Егор чувствовал, что не откроется ему Вертопрах, а самому признаться, для чего он здесь, он не мог, потому как сам не знал. Что-то привело, а что? Тёмный лес… Последние два дня задавал себе этот вопрос, но ответа не находил. Иногда приходили мысли сорваться отсюда, пока можно, пока на реке нет шуги, но тогда и охота пойдёт вся насмарку. И сейчас, морщась от выпитого, старался уловить всё же в разговоре с Вертопраховым, какую ни есть зацепку – для чего Вертопрах здесь. Что за научная работа, если сам считается без вести пропавшим? И для чего пропадал? Значить, издавна готовился, а иначе никак. В одной энцефалитке с пожара ушёл, мужиков, можно сказать, под монастырь подвёл. Шутка ли?! Затаскали поначалу всех. Какие отношение были в группе? Кто, может, конфликтовал? Разными вопросами засыпали. И менты, и родственники. Искали по лесу, у табора, не прикопали ли где. А он вот сидит сейчас с ним живой и здоровый, спирт пьёт, зарос только, как снежный человек, бородой лицо спрятал, одни только глаза из-под лохматых бровей углями чёрными горят.

- А мать-то есть у тебя, Вертопрах? – обозлился вдруг Егор. – Ей-то каково, когда ты исчез без следа?

- Мать? Есть. Только у нас так на роду написано…. Понял я, о чём ты Егор… Не в первой ей меня терять, знает, что вернусь. У неё дар… Она чувствует. Как бы ясновиденье у неё открывается, когда меня нет. Да и не чудо это для неё: дед мой водил её на святую землю - вот после этого она многое знает и видит, что другим не дозволено. А я вот не могу, как она, хотя уже год здесь и, кажется, ещё немного - и получу те знания, что она когда-то получила… Может, получу… В последнее время уже и не верится. Может, Егор, сила святой земли иссякла? Приборов нет, разве измеришь.

- Странный ты, однако! Святость, она что? Прибором меряется? Я-то думал, благими делами…

- Да я, Егор, о другом! В нашей семье так эту землю звали – святая! Вот и я по привычке. А какая она святая… Аномалия...

- А дед то твой кто? – решил проверить свой странный сон. – Ларион или Анисим? А может, немтырь?

- А ты откуда про них знаешь? – удивлённо. – Тебе-то кто рассказал?

- Здесь во сне увидел или в бреду, не знаю. Странная история произошла со мной тут летом, когда я впервые попал сюда. Будто книгу, какую прочитал, даже не книгу - кино увидел. Слушай, Вертопрах, а может, это оттого, что я крест твоего деда взял?

- Не знаю… А я вот ничего не видел, я знаю только по рассказам бабки Катерины.

- Однако много бабка тебе поведала, коли на такое пошёл. Тебя же мёртвым все считают - как одного не поймёшь!

Вертопрах задумался… Конечно, плохо что мёртвым считают, но только какая-то выгода от этого есть. Во-первых, никто не мешает, и он найдёт истину, о которой много лет мечтал, и, если повезёт, сделает открытие. Много народу переходило таёжными тропами в поисках этого открытия, этого места, да только не там ходили, не там ноги били. И погибали, наверное. А ему повезло! Он на верном пути. А найти небесный камень он найдёт! Дело времени и только. Интересно, что Егору рассказали в видениях бывшие обитатели заимки? Он вот их не видит и не слышит. Нет, он чувствует, только для него всё протекает по-другому. Когда начинается выброс, запах землистый он чувствует, и галлюцинации приходят, как к деду его приходили и к матери, и вот теперь и к Егору, только другие… Им виделись конкретные люди и конкретные эпизоды, виделись картины недалёкого будущего - с этим ещё много надо разбираться, почему с каждым здесь происходит по-разному. А ему виделось глобальное, почти не понятное. Он видел один огромный живой организм, который дышал, страдал, защищал сам себя и человечество. От первого видения он подумал, что сошёл с ума, потому что так не бывает в самый неестественный бред. Потому как организмом был земной шар. Он явственно видел, как отразила Земля свою космическую погибель в девятьсот восьмом, видел сгусток огромной невиданной энергии, вырвавшийся из недр, который расколол падающий метеорит на тысячи малых осколков, и небеса от взрыва окрасились в серебро. И скорее всего он сейчас нашёл место падения одного из осколков, который таит в себе неведомую тайну, выбрасывая изредка видения в виде галлюцинаций.

И не один он нашёл такой осколок, находили и другие, но всё скрыли от обозрения. Видимо, осколок несёт какую-то страшную истину для человечества. И с самого падения за этими осколками идёт охота разных людей, людей от науки и людей далёких от неё. Всем хочется заглянуть в будущее, прошлое и настоящее. Хочется под воздействием странных галлюцинаций увидеть себя извне, понять настоящую свою сущность, которую человек в себе подсознательно задавливает, - плохую ли хорошую. Человек не может судить себя сам беспристрастно, за свои проступки и за добродетель, потому как знает, что по-настоящему, честно, его может только судить Господь Бог. Но только вот после Суда Господня ничего не остаётся на земле. Да и сам человек уже не может никому рассказать - а так ли жил? И внутренняя сущность для человека всегда остаётся тайной, как для самого, так и для окружающих. А для жителей заимки всё открывается. Вот только несёт ли это пользу? Может, наоборот, вред? И возможно, поэтому те, кто нашёл эти небесные осколки, сохранили все в тайне, а может быть, и избавились от чужеродного на земле тела.

И разве может сравниться с этими осколками золото? Золото - это металл, мёртвый металл, от него лишь холод да блеск. И ещё кровь! Всегда

кровь! Много крови, и в основном безвинной: знает по рассказам своей бабушки Катерины. Поведал ей дед Ларион о своём отце Смолокуре, об Анисиме и немтыре. Но ведь кровь на них не кончилась, на этом золоте, она проливалась и потом. И сейчас вот кто-то ходит и постреливает. Это поначалу только пугает, пока ещё золото не заполнило его рассудок, а потом решится… И тогда после первого убийства пойдёт на всё, будет охотится на всех, кто подойдёт к этому месту, потому как не захочет ни с кем делиться. Золото, оно имеет силу… Он ещё не видел его и в руках не держал, знает только, что оно здесь есть, и только от осознания того, что оно есть, он держит человека на прицеле. Страшно…

Вот и Егор пришёл… Тоже золота захотелось? А может, как и его когда-то, - крест привел, как бычка на поводу? Возможно... А может, пришёл потому, что интерес проявил, почувствовав впервые запах небесного наркотика и, как и он, подсел на эту небесную иглу? А если так, сколько держится в человеке эта небесная дурь? Пробовал объяснить себе, что же за состояние испытывает человек при выбросе странной неземной энергии, только толком не смог. Потому как наркотики никогда не принимал и сравнить с чем-то не может.

- Ты когда-нибудь, Егор, дурь курил или колёса принимал?

Егор посмотрел непонимающе на Вертопраха и налил снова в стакан.

- На мой век и водки хватит, чтобы расслабиться! Это вы в городе всё новых ощущений ищете, а нам оно ни к чему. Вот на медведя сходишь - адреналина на пятерых с избытком! А ты говоришь: дурь!

- Да я это к тому, как проверить, что здесь творится? Как понять, с чем это явление схоже?

- Ну, и привёз бы с собой наркошу, пусть бы повеселился…

- Вот этого и боюсь! Прознают - за бесплатной дозой со всего света потянутся…

- Да газ болотный здесь, Вертопрах, и больше ничего… Он и крышу срывает…

- От газа болотного или веселящего людей, которых не знаешь и никогда не видел, не вспомнишь. И судьбу разве увидишь? Я прав! Это всё небесный осколок…

- Да ты его нашёл или нет?

- Нашёл, только поднять его, наверное, не получится… В озере он... Он и озеро это сделал при падении…

- А озеро далеко?

- В середине лесной плешины. Глубина там большая. Но выбросы видел, как будто пузыри воздушные, только огромные… Знаешь, как после дождя бывает сильного.

- Я, как понял, ты на этом озере и живёшь?

- Нет, я в часовне живу, на небольшом мысу…

- Это где грозой Анисима убило?

Вертопрах сначала осёкся, а потом произнёс тихо, но уверенно.

- Не за золотом ты пришёл - за разгадкой… Только вот придёт ли она когда-нибудь? Может, и не дано будет узнать эту тайну, так как уничтожит её земля-матушка. Исчезнет всё. За сто лет многое уже исчезло. Хотя в последнее время больше и больше подтверждений, что люди уже встречались с небесными осколками. Они не говорят об этом, утверждают другое, сваливая всё на внезапное озарение, другие же приписывают им гениальность. Но не верю я в это. Они заглянули в будущее через небесные осколки - Леонардо да Винчи, Никола Тесла, да и многие другие. Кто-то вообще зашифровал свои

открытия. Они заглядывали в будущее и видели, что человечество ещё не человечество, а так… Только встали ещё с четверенек на две ноги. И человечеству ещё надо не один век, чтобы понять одну тысячную долю той истины, той тайны, о которой они могли бы рассказать. Мы не готовы принять то, что они знали…

- Ну, тогда ты зачем это хочешь узнать, если не готов? Ты вот человек учёный… Может, просто хочешь доказать миру, что ты тоже гениален?

- Скорее не миру, Егор… Скорее себе. Наш род уже давно топчется вокруг этого - тайна она ведь заразительна, как золото для некоторых. Но ещё дед мой не верил в святую землю! Неграмотный был, объяснить не смог, что происходит здесь. А что уже говорить о бабушке?! Дед ведь так и прожил здесь, не смог навсегда вернуться в Крутоярово - вот и ходил туда сюда.

- Он что, не здесь похоронен?

- Могилу его я не нашёл. В последний раз он выходил в Крутоярово в шестьдесят втором году. Я помню его… Ему тогда уже было под девяносто. Только умирать в деревне не остался, снова на заимку на облясе уплыл. Сказал отцу моему, что похоронить его есть кому на заимке, а что за человек с ним жил - никто не знает. Да может, и не было никого… Хотя могилы здесь есть, и не одна…

-Ну, знать и его могила здесь… А может, где в лесу остался… Шутка ли - в девяносто лет по тайге шастать! А эти же раскапывать не будешь, да от него уже и ничего не осталось. Так что копай - не копай, всё одно не узнаешь. Да и не к чему кости тревожить! Или наука у тебя только для отвода глаз? Сам-то тоже поди золотишко дедово ищешь?

- А нет его, Егор, так мне кажется! А если и есть, то не найти. Если было бы, указал!

- А тот, что постреливает, другого мнения! Не на пустом же месте топчется! Найти бы его да поспрашивать.

- А это кто кого вперёд найдёт, тот и спросит…

- Только недолго ему ходить тенью! Если он во плоти, следы оставит: снег скоро ляжет! – Егор разлил остатки спирта по кружкам и стал всматриваться в тёмное окно. - Придёт сам он к нам, Вертопрах! Зима заставит…

Глава 10

Из города Федот Астраханов приехал не один - с двумя угрюмыми мужиками в потёртых кожанках. Один был вооружён маузером в деревянной кобуре, который при ходьбе болтался, словно ботало у блудливой коровы. Но по своей стати и осанке он был старшим, потому как, только подъехали, он тут

же отдал приказание второму - сутулому и, видно, успевшего повоевать мужику, так как через всё лицо у него красовался старый сабельный шрам, - чтобы тот определил коней. Сам же прошёл с Федотом в дом к бобылю и закрыл за собою дверь. Немного спустя бобыль со своим сидором, несмотря на возраст, припустил трусцой по улице к дому тётки Прасковьи.

До отъезда в город бобыль долго старался уговорить Федота, чтобы он ничего не делал по отношению Ларьки Вертопрахова. Но тот словно не слышал Митрича. Не помогал даже принесённый самогон! Федот важно расхаживал по избе, уже почти вкушая лавры за свой поступок. В голове закралась мысль, которой у него сроду раньше не было. Знал Федот, что пришло его время! Размахивать наганом в своей деревне долго не намашешь: мужики из тайги воротятся, напьются и спросят. И за власть не сочтут - публично поколотят. Знамо! Что им? На медведя иные с ножом ходят, страх-то им не ведом. Разве испугаются какой-то революции и, главное, его – Федота? А тут козырь у Федота! Ларька давно уже в деревне не живёт, каторжанин - кому он нужен в деревне? Да никому, кроме матери да Катерины. Шатун! Он, Федот, его сам ушатает! И революции поможет! На последнем собрании большевиков ясно говорили: золото нужно революции! Оружие, мол, покупать для пролетариата. И он его, Федот, добудет! А в город зачем в ЧК поехал? Так свои, деревенские, - не пойдут! Это только выпить горазды с Федотом, а как до дела дошло - у кого покос, у кого рыбалка – струсили. А он вот не струсил и пойдёт в тайгу, найдёт Ларионову заимку! А золото у него есть!.. Катерину вон конями наделил! Да и саму одел, словно барыню. А его-то Васеня последний сарафан на знамя отдала. И вдруг в захмелевшей голове такая гордость поднялась за свою бабу! Истинная пролетариатка! Он в следующий раз будет в городе - платок ей красный купит, как видел недавно на плакате. То-то обрадуется! А то смеются над ним… А для кого он это всё делает? Не ради себя же! Хочет, чтобы народу было полегше! А они смеются… Он, можно сказать, самый первый про большевиков узнал, и не понаслышке, а в германскую! А из деревни кто на германской был? А нету никого, все почитай там остались… Прохор ещё был Валов, тот-то пришёл с войны, только не пожил – помёр. А как не помереть, коли израненный был весь…

- И он Федот, тоже почти не жилец… - пожалел себя вслух, и слеза навернулась на глазу.

- Ты о себе что ли, Федотушка? – бобыль удивлённо вскинул свои кустистые брови.

- А о ком ещё, Митрич!!! Ты-то, чай, на германскую не ходил!

- Как бык меня мальцом, Федотушка, покатал, с тех времён и грыжа у меня. А корить не смей!

Подвыпивший Митрич задрал рубаху, показывая ему килу величиной с хороший кулак.

- А ты корить стал… Креста на те нет! В моёй же избе меня корить…

- Не обессудь, Митрич, - правду люблю! И вся власть наша трудовая любит! Это я тебе как революционер говорю!

- Праведником стал?!! Мать твою в лопатки! – засмеялся Митрич. – А что же ты, Федотушка, когда белый отряд приходил, кожан свой на моём огороде закапывал? А сам в погребе хоронился? Да это бы ладно, жить кажной твари хочется, а уж человеку и подавно. Я о другом! Что же ты потом всей деревне врал, что, отстреливаясь, в лесу схоронился?

- Ты поменьше об этом трещи, сорока!.. А народу сказал так потому, чтобы уверовались в рабочую власть! Чтоб знать у других вера была! М-м-м…

Как это? Слово забыл! Больно непривычное… Вспомнил! Идеология! - мать твою! А ты говоришь: испугался…

- А Ларьку тоже по идеологии искать пойдёшь? Убьёт он тебя, Федот… Как пить дасть, – убьёт! Не ходил бы ты, и друзей своих не води! Дело-то наше, деревенское! Мало ли кто золото не находил в наших местах? Деды вон мои говорили: тут его много было ранее. Да и сейчас кое-кто стареется. Да, а что тут? Жить надо…

- А кто ещё старается? Не скажешь?

- А кто про золото когда говорил? Золото, оно молчание любит да тайну, а иначе фарта не видать. Ты вот ни к чему не приспособлен, взял бы лоточек - и по ручейкам… Глядишь, чем чужое-то отбирать, и свой фарт испытал.

- Я здесь надобен! Я здесь власть нашу устанавливал!

- Так ранее тоже как вроде при власти жили! А как же! Без власти нельзя! Тока ведь все работали… Вот прежний староста, у которого ты печать изымал… Своя артель была, печи по деревням и в городе клали. Зимой только в деревню ворочались. Оно в деревне и без власти знают, когда сеять, когда убирать. А если кого в книгу амбарную записать, так покойник подождёт: куда ему спешить? А рожденному, тому не запись нужна, а титька. Вот зимой староста всех и записывал: кто помёр, кто народился, а летом день год кормит, Федот - некогда.

- Сейчас другое время, Митрич!

- Время, оно завсегда одно - день да ночь… Как и люди: плохие или хорошие... Золото тебе покоя не даёт… Чужое золото - оно тяжёлое… Не ходи, Федот…

- Раскаркался! Не один пойду - с отрядом…

Утром верхами трое оставили деревню и спустились в распадок. Куда ехать, Федот знал лишь понаслышке, но мимо, думал, не проедет: ведь Ларька приплывал на обласе, а знать на реке заимка. Вчера вечером Митрич сбегал за Катериной, и они допрашивали Ларионову бабу. Сам бы Федот не осмелился, а вот приезжий это дело знал и в течение часа своим ласковым голосом всё у Катерины выведал. Нет, место она указать не могла, потому как не знала. Знала, что два-три дня пути на обласе, а вот что золото приносил Ларион, призналась. Скрывала, конечно, сначала, но побоялась, что если не скажет, то Лариона снова на каторгу упекут, потому как пойдут и найдут. Да и ей с маленьким дитём тоже определят место в тюрьме. Ушла она от них в слезах… Только что бабьи слёзы стоят? Высохнут! Они на благо народа стараются! Чтобы жить было всем хорошо, а не то что при царе-батюшке. Вот при царе кто был такой Федот? А никто! Ну, ладно к охоте не приспособлен, и к рыбалке - так никто же не спрашивал, что он сам желает? На войну добровольцем ушёл! А всё одно никто не оценил… А он ведь героем хотел стать! И господа офицеры не оценили. А подняли бы немного, на первых порах, чин бы какой дали, и смотришь - он героем бы и стал! А его в окопы! Где-то в глубине души понимал, что так не бывает, потому как нет ни титула, ни образования. Саблей тоже путём махать не научился, хотя саблю он купил, когда на фронт пошёл. А коня не дали. Не будешь ведь неприятеля пешком догонять? Да потом какой-то унтер и саблю отобрал, трёхлинейку вручил: на, мол, защищай Отечество… А при новой власти видишь как пошло! В деревне первый народ поднял – и уже почти начальник! И не винтовку дали, а настоящий наган! И самое-то главное - не надо в окопе лежать! А потом вот дело, которое задумали, выгорит – глядишь, и в город переведут. Может, и

должность какую-нибудь дадут. Представил себя Федот в новой городской должности, за столом, как раньше у пристава в приказе. В новой гимнастёрке, в ремнях, как белый офицер! А на столе черный телефон, и папки вокруг, папки с документами! А кто ни зайдёт, шапку перед ним ломает…

Додумать не успел, как толстый сук треснул его в лоб и чуть не выкинул из седла.

- Чтоб тебя, зараза!

- Ты не заснул там? – проронил едущий впереди городской. – Недолго и глаз лишиться. С дороги не сбились?

- Задумался я… А куда тут собьешься - пойма! Увал всегда с одной стороны, его не пересечешь просто так: в иных местах, чтобы до верха взглядом дотянуться, шапка падает. Вот так: где лугом, где лесочком - и доедем до заимки. Тут старая дорога до деревни Вознесенки, а там всё одно какая-никакая тропа будет… А если даже и не будет, то берегом, или дощаник возьмём.

- А что же он один живёт на заимке? Как ты говоришь, золото есть… Странно как-то, непонятно…

Спешил городской коня, ждал, когда поравняется Федот.

- А Бог его знает? Может, привык… У него и отец тут где-то сгинул. Разговоров сначала много было, потом поутихли… Будто варнаком был в этих местах… Может, врут… Разве правду теперь узнаешь? Я-то в то время на войне был...

- А про пропавшую экспедицию слышал чего? Говорят, тоже здесь пропала…

- Нет, не слышал! Старатели пропадали раньше - знаю. А они тоже золото искали?

- Научная экспедиция была, камни искали небесные, метеориты… Только не вернулся никто. Когда ты рассказал о золоте, я архив жандармского управления посмотрел и нашёл, что люди здесь пропали, и не один-два, а десять человек пропавших. Они искали ещё в девятьсот четырнадцатом году, а вот нашли ли нет - несказанно. Один будто проводник тунгус в живых остался, так тот бесследно исчез, не нашли они его… Странная история.

-Может, врут? Откуда тогда известно, что проводник живой, если жандармы его не нашли?

- Не знаю… Очевидцы, видимо, были. при царе бумаги в строгости содержали, видно живой проводник был. Зря бы отписку не делали, кому охота по тайге ходить искать то, что не терял. А если уж написали что проводник жив остался значить жив. Только вот от чего спрятался?..

- А кому, мил человек, в кутузке сидеть охота? Экспедиция погибла, а он живой… Вот оттого и убежал!

- Может, ты и прав, только инородец зря не побежит: ему, что кутузка, что чум. Они ведь больше своих духов боятся, чем тюрьмы… Не мог он один десять человек угробить! Да и мирные тунгусы - не жиганы какие. Золото им тоже без большой надобности: для них ценность - ружьё, да провиант ружейный, и ещё водка… Нет, странно как-то и непонятно! Тайна здесь какая-то! Последние перед революцией годы, да уже и после, зачастили люди в эти края - из Москвы, из Петрограда - все искать стали чего-то. Только ли золото? Может, камни? Тут что-то другое кроется!

Уполномоченный ЧК Северянинов, впервые встретившись с документами, перелистал их поверхностно и почти ничего не заметил. Но вот на последних страницах натолкнулся на объяснения местного жителя деревни, откуда экспедиция на лодках с проводником отправилась в свой последний

путь. Он утверждал, что места там гиблые, но не имел ввиду непроходимую тайгу и болота. Он утверждал, что там живут бесы, потому как разум становится чужим и не подвластным человеку. Из записей следовало, что опрошенный житель деревни, по словам односельчан, как бы не в себе, после того как поблудил в тайге в тех местах. «Мало ли чудаков в деревнях бывает?» - подумал сначала Северянинов. Только тот человек рассказывал про какую-то склянку с необычным камнем, залитым воском, потому как объяснил, что на воздухе этому камню быть нельзя: от запаха, который источает камень, в человека вселяется бес. Жандармы изъяли склянку и отправили учёному - городскому аптекарю - на проверку. Камень после этого исчез, как и исчез сам аптекарь, а почему и куда - следствие не располагало. Допрос жены аптекаря ничего не дал. Говорила что-то невразумительное, почти на грани сумасшествия. Из её речи понял следователь, что муж получил божье откровение и ушёл странствовать. А сама женщина утверждает, что из склянки вышел, словно пар, серебряный человек без лица, только она не смогла к нему подойти, потому как была большой грешницей.

Больше никаких документов в архиве не было, которые могли бы пролить свет на случившееся. Но того, что прочёл Северянинов, хватило, чтобы понять: житель села, допрошенный в приказе, был не сумасшедшим и действительно нашёл что-то такое, миру не ведомое. Может, пропавшая экспедиция тоже нашла какие-то камни и тоже разбежалась странствовать? Одни вопросы, только вот ответов нет. Знал: чтобы разобраться во всей этой истории, нужно бросить и службу, и семью и заняться поисками. Только вот сейчас этого не сделать, потому как банды ещё по всей Сибири, и молодой республике больше нужно золото и хлеб, чем какие-то небесные камни. Только так ли это? Может, они несут добро для России, а может, наоборот, - только вред от этого. Знать бы… Уже несколько дней не находил покоя для себя. Федоту и красноармейцу, посланному в помощь, мысли такие не приходили. Для них главное было золото, а для него - сама таинственность всего того, что прочитал из скупых показаний жандармерии. И ещё вдруг показалось странным - расследование внезапно прекратилось, хотя знал: так не бывает. И не могут люди пропасть без следа! Не один, не два, а сразу десять человек. Почему были прекращены поиски? Не было в следственных бумагах даже заключения, на каких основаниях перестали искать. Также поисковой группой не было найдено ни оборудования экспедиции, ни лодок и личных вещей. Возможно, по чьёму-то приказу следствие и поиски прекратили?

- А что, Федот, Ларион этот давно отшельником стал?

- Дак как с царёвой каторги сбёг, в четырнадцатом году, так в деревню, говорят, только ночами приходил иногда. Шатуном потому и прозвали…А чего скрывается в тайге - не известно. Одичал, видно. Для кого-то со зверями легче, чем с людьми… Таёжные люди, они ведь тоже как звери: повадки их перенимают, по-другому видят и слышат - не как мы.

- Может, они наоборот, лучше становятся, - на мгновение замолчал, – чище как бы. Потому что с природой общаются, живут по её законам.

Федот остановил даже коня. Как-то необычно говорит Северянинов! Не привык он к таким разговорам!

- Ты, стало быть, из господ? Учёно размышляешь… А что не на другой стороне? Ваши в основном там, а ты вот - в ЧК?

- А сам-то как думаешь? Или для тебя, если из господ, так враг? Так можно всех под одну гребёнку переколотить! Нельзя, Федот, всех одной краской мазать. Каждый человек - это личность! Двух одинаковых людей не бывает, и у каждого свой путь, своя судьба, а если яснее, - доля! И ты

думаешь, мы сами выбираем, куда идём и зачем? Нет! Мы стараемся сопротивляться, думаем, что сможем изменить свою долю, выискивая для себя другой путь, менее опасный, более сытный, только это не так, потому что за этим последует наказанье.

- Божья кара? Так Бога нет, сказали!

- Много чего говорят, Федот! Да стоит ли всем верить?.. А наказание придёт оттуда, откуда не ждёшь.

Федот насторожился. А что если человек из ЧК - враг? Нужно держать с ним ухо востро! Может, он и отправился на поиски золота, потому как имеет личную выгоду? Про долю, видишь ли, заговорил, про судьбу - мать её! А какая у него судьба? Рабоче-крестьянская! Странным ещё вчера показался: самогон пить не стал! Сначала подумал: может, больной – бывает! Второй-то пил наравне с ним, а этот отказался… А теперь понял! Что ж он пить станет с ними, коли из господ! Положение ему не позволяет опускаться до простого народа. Вот от них и беда в Рассее! Но ничего! Он тоже не лыком шит, и задание выполнит, чего бы это ему ни стоило. Хотя этот из ЧК и старший, но если почует, что враг он, пустит его в расход. И стало вдруг страшно от мысли, что ему придётся стрелять в человека. На войне стрелял, но там не видел в кого, - стрелял и всё. А тут? Непроизвольно пощупал наган в кармане выцветшего галифе. Скорее бы уже доехать, а там как повезёт! Главное, виду не показывать, что раскусил он своего врага. И тут же другая противоположная мысль: а вдруг не прав он? Ведь большевики ему доверили работу в ЧК, а туда кого попало не берут. И если он что-то не так сделает, то и самого могут поставить к стенке. Правильно говорил Митрич: не ввязывайся в это дело, где золото, там и кровь! А нет, не послушал! Выслужиться захотел! А спрашивается: для чего? Сидел бы сейчас в Крутоярове… Ведь не пахал, не сеял, а власть имел! А тут как теперь сложится? Если у старшего голова о золоте не болит, а о каких-то камнях? На камни оружие и хлеб не купишь. Из бар он! А у барина, когда голова о народе болела?..

К заимке подъехали поздним вечером. Накрапывающий дождь перерос в настоящий, и Федота бил озноб. На заимке у небольшого костра сидел Ларион и внимательно смотрел на подъезжающих всадников. Услышал он их уже давно и, несмотря на дождь, решил дождаться на улице. За годы, что он провёл здесь, это были первые люди, приехавшие сюда.

…На заимке он остался один. Немтырь всю весну чувствовал в себе хандру, никуда не ходил, а больше лежал на нарах и смотрел в потолок. Потом, решившись, сказал, что уходит, попросил только коней. От предложенного золота почернел как-то сразу лицом и ответил, что оно не его, а стало быть, ему не нужно. Жить по-новому он хочет, старая-то жизнь пусть здесь, на заимке, и останется. Взял коней и ушёл, не обернувшись и не попрощавшись. Видно было - навсегда уходил! Без сожаления, хотя столько лет здесь жил…

Спешили коней у коновязи, не торопясь подошли к костру.

- Не рад, видно, хозяин: не встаёт, не встречает… – Северянинов первый заговорил. – О чём думы гнетут хозяина?

Ларион посмотрел на незнакомца, но заговорил с Федотом.

- А ты что, Федот, в деревне не сказал, что приедешь? Я бы подготовился к встрече. Видно, нужда тебя погнала в такую даль… Али по пути завернул?

- Да нет! К тебе, Ларион… И не один, как видишь…

- А если с отрядом, то знать понадобился. Ты ведь теперь, при новом времени, власть. Вижу, не в гости пришёл… Дело какое? Или в острог увести хочешь? Так вроде для новой власти я не враг?..

- Не мне судить: враг ты или не враг. Мы к тебе по другому... Ну, это потом, сейчас в дом приглашай!

Ужинали молча, лишь иногда Ларька ловил на себе пытливый взгляд незнакомца. Федот же со вторым напарником ловко орудовали ложками, хлебая мясную похлёбку. Федот, прежде чем сесть за стол, пытливо окинул стол и открытый шкафчик, но не нашёл желаемой жидкости, чтобы согреется после дождя. И кряхтя, уселся на лавку.

Незнакомец. управившись с похлёбкой, снова заговорил с Ларионом.

- По разговорам, у тебя есть золото. А сейчас молодой Стране Советов нужно оружие. Мы приехали, чтобы забрать его. У тебя вон крест на три фунта висит, – кивнул на передний угол. – Добровольно выдай, что есть, и живи спокойно.

- Добровольно, говоришь? – чмокнул губами Ларион, пряча ухмылку в усы. – Ну, так бери крест! Что на него смотришь? Только принесёт ли он счастье, тебе или народу?

- Принесёт! - встрял в разговор Федот. – Катерина говорила, что ты ей песочное золотишко приносил…

- А ты что, её допрашивал? - поднялся во весь рост Ларион и ухватил огромной пятернёй щуплого Федота. - С огнём играешь, Федот! Задавлю!

- Тихо! – рявкнул вдруг спокойный Северянинов. – Успокойтесь оба…

Ларион сел на лавку, но кулаков не разжал, тихо вдруг произнёс:

- Золото отсюда не вынести… Эта земля не отпускает с ним… Многие пробовали, только оно всё одно воротились сюда. Отец мой первый вывез его отсюда, так убили его в святом храме. И золото вновь вернулось сюда вместе с убийцей. Анисим называл эту землю святой, только не святая она здесь, скорее здесь ад…

- Что значит: святая или ад? – Северянинов закурил. – Рассказывай! Разве так бывает? Уж что-то одно…

- Бывает! Каждый видит то, к чему расположен. Подождёшь, так сам увидишь, когда придёт лесной человек.

- Так… Значить здесь есть ещё кто-то?

- Не знаю, кто или что, но есть… Ко мне он не приходил - приходил к Анисиму и немтырю. Только их нет теперь здесь. Один я… А золото есть! Только - уже сказал - не вынести его отсюда. Зря время потратите, да ещё чего доброго, поубиваете друг дружку.

- Тёмные предрассудки! – Федот засмеялся. – Ты нам басни не рассказывай! Завтра и унесём.

- Да нет, останемся на время. – Северянинов словно отдал приказ. – Обследуем окрестности, а когда назад возвращаться - видно будет.

И снова мысли Северянинова потекли не произвольно, опять перед глазами листы с допросами из жандармского управления. Здесь ведь где-то пропали! Может, чего и найдут, если повезёт. И главное, что было в склянке, залитой воском? Воск он знал, для чего залили: чтобы ограничить доступ воздуха. Почему заинтересовала его вся эта история? Была причина.

Ещё до революции, когда он был студентом в столичном университете, собралась группа единомышленников, ищущих в химической и физической науке средство управления человеком, средство, которое могло действовать на расстоянии, под воздействием которого человек мог бы заглянуть в прошлое и в будущее, когда мог бы открыть весь свой потенциал разума, которым

наделён от рождения. Начитавшись Герберта Уэллса, они искали что-то подобное в архивах и научных статьях мира, но почти безрезультатно. Если кто и обладал какой-то информацией об открытии, не выдавал их на общее обозрение. И Северянинов понимал, почему. Был устоявший уклад существования человечества, не зависимый от правителей стран и вероисповедания. Человечество привыкло жить так, как жило несколько тысячелетий. Человечество за это время сгладило почти все острые углы проживания и катилось во времени по наторенной дороге колесом, не останавливаясь, и не поворачивая обратно, ибо любая заминка в пути становилась катаклизмом. Но отдельные люди всегда искали новые пути развития человеческих возможностей: сказочники живую и мёртвую воду, алхимики искали философский камень, учёные - эликсир вечной молодости и бессмертия. Северянинов верил и понимал: кто по-настоящему искал, тот находил, но делиться находками со всем человечеством не стал, так как вместе со своей находкой сразу познавал истину, связанную с открытием. И истина была не в пользу человечества: она была тем самым сбоем, от которого произойдёт апокалипсис - исчезновение рода людского на земле. И не оттого ли сбежал и бесследно исчез аптекарь со склянкой, которого заставили сделать анализ вещества? Может, и ему открылась истина? И возможно, с познанием настоящей истины, человек становится другим? Как шелуха, от него отлетают корысть, ненависть и низменные чувства. Человек вдруг видит, что происходит, или что произойдёт с ним, с миром, со всеми живущими на земле. Через свои открытия учёный получает божье откровение о том, что в данное время люди не готовы принять, то, что он может им дать. И его открытия и находки люди могут использовать не для блага человечества, а во вред.

К большевикам Северянинов пришёл по своим убеждениям, понимал, что так больше жить народ не может. Но то, что увидел во время революции, его поразило. Поразило, что основная масса народа стала перечёркивать сложившиеся устои. Народ зверел от оторванности от основного своего дела и больше думал, как грабить, а не как пахать землю. А на крестьян и мастеровых, крепких зажиточных, стали смотреть, как на кровопивцев трудового народа. И сначала Северянинов, видевший в революции избавление народа от монархии и полной победы социализма уже не думал о чести благородстве, что всегда ценилось в высших кругах, это всё растаяло в пороховом дыме революции. Но со временем революционный угар прошёл в его голове, когда увидел, как брат пошёл на брата, а сын на отца. И его поразило то, что всё это происходило в его родной России, где народ сам по себе добродушный и никогда не позволявший себе вот таких вольностей. Всё смешалось в одну кучу: и чиновники, и рабочие, интеллигенция, офицерство и разбойный люд. И всю эту кашу со знанием своего дела мешала огромным половником, словно опытная кухарка, отдельная кучка людей. И не было у этой кучки людей ни сожаления, ни боли за всё нажитое и построенное столетиями. И люди, верившие до революции в какие-то идеалы, в Бога, рушили всё на своём пути… Ещё десяток лет назад своим трудом возводившие церкви и колокольни - не за деньги, а артелью, для себя и своих детей - в деревнях и в крупных селах теперь громили их и жгли, и при этом ещё устраивали гуляния… Что это? Пришествие сатаны? В основном русский народ верующий, но как всё изменилось в одночасье… Это он, Северянинов, не верил особо ни в сатану, ни в Бога - он скорее верил в науку … О Боге у него были свои мысли, но он не нарушал каноны и устои, не навязывал свои мысли другим людям. И со святыми отцами мог бы поспорить о многом, но не делал этого. Не из-за боязни перед кем-то и чем-то - он уважал веру других. А

сейчас видел людей и понимал – больны! Не все… Основная масса, которая идёт за новой властью, слепо веря, что они будут руководить государством российским… Только всем было определено уже место и в революции, и в братоубийственной войне. А половник кухарки мешал и мешал в котле смешанное варево, и кто-то таинственный и невидимый Северянинову, подбрасывал дрова в очаг, отчего варившаяся в котле мамалыга перла через край, затопляя просторы вокруг себя. Только вот запах стоял не варева, а крови… Понимал, что если бы высказал свои мысли вслух, прожил бы недолго: пустили бы в расход, как контрреволюционера. А со временем стал понимать, что в нём уживаются два человека, и уживаются тихо, мирно. Один отдаёт приказы в ЧК, стреляет выдуманных врагов. А второй понимает, что так жить не нельзя: ни по законам совести, ни по божьим законам, - но не ставит ни условий, ни ультиматумов первому, а тихо сам переживает. Что же происходит с ним и с другими тоже? И кто этот таинственный и невидимый? Дух? Сатана? Или неведомый управляющий человеческим разумом? И когда же он перестанет топить этот погребальный российский костёр?.. И приходила мысль совсем не собранная, так лоскутами, как плывущие в небе рваные осенние облака: а может, тот таинственный и неведомо-невидимый и есть сгусток коллективной человеческой злобы, который начинается от тихого ропота, но со временем крепнет до сильного шторма и становится сокрушительным оружием самого человечества? А вот от этих несобранных в одну линию мыслей становится страшно! И если это так, то во всех своих бедах мы виноваты сами, и сами жаждем крови и где-то в самых потаенных уголках своего разума несём эту кровавую злобу, этот ропот, и не сознаёмся себе в этом. Только мысль потом улетает и, сплетаясь с такими же мыслями, становится осязаемой, материализуется и становится оружием, и убивает нас самих…

Неправдоподобно? Неестественно? А кто может доказать обратное?.. Хождения в святые места? Мысли о святости этих мест зарождаются ещё в мечетях и храмах, и люди становятся одержимыми и идут… И не все возвращаются обратно: болезни и смерть косят их. А они идут! Только ли дело в святости? А революционные маёвки? А когда в древнем Риме забивали провинившихся людей камнями? Здесь что присутствует - святость? Да, сейчас на городском базаре только одному стоит крикнуть «бей вора!» и толпа, бросая свои лотки и прилавки с товарам, растаптывает, забивает насмерть воришку, какого-нибудь беспризорника мальчишку - в этом что есть святость?.. А потом, когда перед отхлынувшей назад толпой остаётся растерзанный, кровавый человеческий кусок, мысль человеческого разума улетает вновь и снова материализуется, только теперь укором и отрицанием, что это сделал он. И толпа, потупив взгляд, разбегается по своим местам, и каждый верит, что это не он убил! Это убил кто-то из толпы! Но только не он! И это человеческие мысли - не Всевышнего! Потому как нет в них стыда, лишь лёгкий укор и отрицание содеянного. Нет, это оружие! Страшное оружие человечества…

Северянинов очнулся от своих мыслей, когда уже все спали. Ему даже показалась, что и он заснул, и все его предположения ему привиделись во сне. Дрожь пробежала по спине! Как будто сейчас воочию всё увидел: растоптанного мальчишку-воришку, хадж паломников и революционную маёвку с демонстрацией, а главное, связанную вдруг воедино свою мысль.

- А есть ли у человечества средство против этого оружия? - сам себе мысленно задал вопрос Северянинов. И тут же ответ пришёл сам собой. - Есть, только одна защита от этого - сам человек… Его мысли…

После окончания университета по протекции высокопоставленного родственника Северянинов поступил на службу в сыскное отделение жандармерии. Служба по началу увлекла его, и обладая каким-то внутренним чутьём и большими знаниями в области психологии он стал распутывать сложные клубки преступлений, быстро продвигаясь по служебной лестнице, получая чины и прибавку к жалованью. Но пытливый ум и скрупулезность, с каким расследовал дела, дал толчок заняться научной работой. А всему послужило дело которое окрестили как дьявольское. На окраине Петербурга в неприметном каменном особняке было обнаружено шесть трупов сидящих за столом с перекошенными лицами. На столе стояло три подсвечника с оплавленными погасшими свечами, было такое ощущение что все эти люди за столом, умерли в одну секунду без всяких конвульсий они даже не поняли что это была смерть, они просто успели перепугаться, отсюда перекошенные лица, но никто даже не успел сделать движение чтобы защитится или закрыть рукой глаза. Сразу же Северянинов при виде этой страшной картины определил, что за столом не хватает одного потому как один стул стоял свободным. Заявил о смерти дворник этого дома, выполнявший ещё работу истопника. Допрос дворника лично проводил сам Северянинов, но ответов на эту ужасающую смерть не получил. Так как его никогда не допускали в комнаты, когда приходили эти люди. Знал только одно что собрались они в день смерти для встречи какого-то гостя. Что за гость он не знал, да и сам Северянинов понимал кто будет разговаривать с дворником из этих людей. Всех мертвецов они установили, и волосы впервые поднялись на голове у Северянинова. Люди были все знатные, с учёными степенями занимающиеся наукой долгие годы. Что стало причиной смерти, установить не удалось, как и не удалось установить гостя которого они ожидали, по словам дворника. Гостя он видел когда тот входил в парадную. Высокий, без головного убора, хотя на улице было ветрено и холодно с большими залысинами. Одет был в длинное чёрное пальто и в руках у него был свёрток завёрнутый в серую материю. И после этого они остались в доме, а дворник остался в своей сторожке. При осмотре места происшествия, старый сыщик Мартемьянов, высказал версию о происшедшим и назвал её дьявольским делом. За его службу в сыске видел что-то подобное, он рассказал о смерти спиритистов лет десять назад, правда там было всё не так, да и живые остались двое после спиритического сеанса, но как он выразился рожи мертвецов были испуганные, как у этих. Но опрос живых тогда тоже ничего не дал, так как после этого они стали безумными, и говорили только, что во время сеанса их посетил сам дьявол, и что он их оставил живыми только для того чтобы рассказать миру, что он всесилен, и что они теперь его наместники на земле.

Расспросив родственников и знакомых погибших, Северянинов сделать вывод что все погибшие не имели ничего общего ни со спиритами ни с окультистами. Все они занимались наукой были среди них химики, физики и минерологи. Тогда он задал себе вопрос, что их объединяло, и нашёл всего один ответ – метеориты. Но как это связанно… И ещё обратил внимание на одно загадочное не соответствие, свечи не погасли сами, их кто-то задул, значить был человек который это сделал и значить свободный стул принадлежал ему. И также того человека, гостя, которого видел в парадной дворник среди странных усопших тоже не было. Ради чего и чем гость умертвил шесть человек? Заинтересовавшись странным убийством залез в архив с нераскрытыми делами в течении десяти лет. В одной тоненькой папочки нашёл тоже странное не то убийство, не то самоубийство, тоже

нераскрытое и странное и вновь фигурировали учёные, только не химики а философы, психологи, и врачи. Из записей найденных в одном особняке умершего следовало что он, и группа учёных изучали неведомые небесные камни. Смерть тогда не причислили к метеоритам, но и виновников тоже не нашли. Но связь была между двумя этими странными делами. Кто и почему расправился? Какую они ведали тайну, ради которой их лишили жизни? А видимо тайна была… И здесь уже работая в ЧК снова вдруг увидел тайну то аптекарь, то пропавшая экспедиция….

После революции сначала остался без работы, оно и понятно новая метла метёт по новому, только через год приехал к нему на квартиру человек и предложил работу по его специальности. И Северянинов согласился. Потому как надо было жить, ведь с революцией жизнь не кончилась, тем более начальством у него был тот же начальник бывшего сыска, который видимо и отправил за ним красногвардейца. Работа была разной, но в основном та же что и при царе, разбои, грабежи и убийства. Правда стало их больше, но понимал Северянинов отчего. Развязали руки народу: каторгу распустили, тюрьму, а дать пока всем по справедливости не могли, казна пуста, то война, то банды… Не сеялось путём не добывалось, откуда хлеб взять? Чем людей накормить? Вот отсюда четверть страны встала на неправедный путь, многие забросили своё дело и можно сказать вышли на большую дорогу с кистенём. Северянинов поймал себя опять на мысли что не одобряет новую власть, если смотреть с верху на всё как господь Бог, и изучая только директивы большевиков то всё здесь правильно, справедливость, равенство - всё прекрасно! А если смотреть с земли с уровня человека который каждый день видит что творится при новой власти, хотя задумано было всё не так… И понимал что так и должно происходить, потому что человек это и есть человек, у каждого своя судьба, своя жизнь, семья, и ради высоких целей которые провозгласили большевики они соглашаются орут на сходках и собраниях, бьют себя в грудь кулаками, поют как одуревшие интернационал, только своя рубаха она ближе к телу… Какое равенство среди рабочих и крестьян? Равенство есть! Труд! Изнуряющий и бесплатный. Только от этого равенства редко кто мог семью прокормить… Вот и брали кистень, да выходили на дорогу… Одно только радует может, всё таки поднимется страна с колен кончится разруха и война, и люди привыкшие воевать возьмутся за плуг, так оно потом и будет, а сейчас ещё рано не навоевались не надышались вольного разбойного ветра…

В окно уже брезжил рассвет, Ларион вышел на улицу и сел на крыльце, любил смотреть на первые лучи восходящего солнца. Следом вышел Северянинов и сел рядом закуривая.

- Поведёшь к часовни? –спросил стараясь уловить первое пение птиц.

- Зачем это вам? Можете не уйти после встречи с лесным человеком. Я ведь не могу уйти. и с вами такое будет.

- Мне интересно, что там?

- Да плешина в лесу с ветровалом и только, а до озера я не ходил, там ноги поломаешь… Так если озеро интересует так тут в пойме их полно.

- Экспедиция здесь пропала вот посмотреть и хочется, может что и найду.

- Ищет кто их что ли?

- Искали так не нашли, могилы ведь должны остаться…

- В тайге можно и без могилы сгинуть, на то она и тайга… Кости если разве, да и то зверь по растащит. А я поначалу подумал, что золото тебя больше интересует странно…

- А что странного? Золото никуда не денется, оно осязаемо оно есть это металл. А вот тайна она всегда призрачна, неуловима, и притягательна. От неё больше человек покой теряет чем от золота. Потому что не может объяснить отчего и почему.

- Ну, вот найдёшь ты тайну, а объяснить сможешь? И если не сможешь всё одно так и останется тайной. Я вот не могу объяснить, что здесь происходит с людьми, когда приходит лесной человек.

- А ты его сам видел?

- В обличие человека видел его лишь покойный Анисим, а нам только чудилось всяческие странности, я например, становился медведем…

- Вот и попробуем понять что здесь, может, и ответ найдём, если поможет нам господь Бог…

- Скорее дьявол… А тут его преисподняя…

Глава 11

Первое что почувствовал Северянинов у часовни это головокружение, лёгкое и немного туманное, словно резко вздохнул в себя незнакомый доселе запах. И запах этот действительно был, он чувствовался, перебивал даже запах листвы и хвои, Северянинов сначала подумал, что пахло сыростью низин, но под ногами хрустел пересохший мох. Ларион же шёл, как бы не замечая ничего, лишь изредка крутил головой стараясь пройти до места, напрямую. На взгорке уже отчётливо через кусты проглядывалась часовня, и была видна плешина, далеко по окружности обрамлённая лесом.

- Ну вот и пришли. – Ларион бросил сидор с провизией к стене часовни. – Я после смерти Анисима здесь больше не бывал, вроде как ни к чему. Крещусь топором, живу под кустом… В молитве пока потребности не чувствую.

- А запах чувствуешь?

- Запах? Так он всегда здесь такой, иной раз и до заимки долетает, когда ветер - вот тогда и приходит лесной человек. А я как-то принюхался уже… Сколь годов здесь… Мне кажется, это от озера несёт. Когда ветер сменится, запаха нет. Болото, видно, у озера гниёт потихоньку…

- Всё может быть… Только я пристал вдруг что-то… Отдохну… И солнце вон садится…

Ларион испытывающе посмотрел на Северянинова, зная, что дело тут не в усталости, потому как сам почувствовал: скоро начнётся бред - в голове стало пульсировать, и звоном стала тишина. С ним всегда так было, когда начинались видения. Поначалу приходил испуг и озноб, но потом почувствовал со временем, что ещё хочется почувствовать то состояние, от которого становилось то страшно, то наоборот, хорошо и умиротворённо. Когда становился зверем (а ему действительно казалось так), он как бы постигал лесные и звериные тайны, говорил с ними на одном языке - и ничего больше не томило его, ничего не беспокоило. Когда же бред пропадал, он, лёжа, долго думал, что зверю живётся лучше, чем человеку. Зверь, он свободен, не то что человек: у человека свободы полной никогда не было и нет. Вот он сейчас живёт в лесу. Казалось бы вольный! Только не так это всё… У человека свобода заканчивается, когда ещё в младенчестве начинает постигать жизнь, когда начинает чувствовать вокруг себя мир, когда впервые внутри человека шевельнутся какие-то чувства. И без разницы, какие они: чувство понимания или отрицания добра, любви или ненависти, жизни и смерти. Это делает человека невольником - невольником своего разума. И, наверное, - как стало думаться Лариону, - счастливыми на земле были только звери и ещё безумные, потому как живут, не думая о своём пути, живут и живут. Солнце взошло - и радостно им, ночь пришла – спят, и дум никаких. Вот оттого и счастливы, хотя и не думают никогда, что такое счастье, - они в нём живут. Страдают от голода и холода - так это тело страдает, а не душа. Вот в чём секрет кроется - в душе! От неё все беды, раздумья, страхи, радости! Вот где кроется неволя людская! А зверю это не подвластно, оттого вольный и свободный! День настал - и пошёл бродить по лесу в поисках пиши, самки или самца. А человеку так нельзя: обязанности… Перед людьми, перед Богом, перед семьёй… И если человек не безумный, он против даже воли своей выполняет эти обязанности. И оттого люди так похожи друг на друга…

И сейчас вот снова наступит момент, когда он превратится в зверя! И он ждёт этого момента, потому как тогда ему становится легко, он не чувствует ни одиночества, ни своей совести - он чувствует себя свободным и не похожим ни на кого в мире, неповторимым! И не это ли ищет человек, пришедший из города за золотом? Ищет свободу от самого себя! Только здесь видится всем по-разному, для каждого открываются разные тайны. Здесь только люди становятся другими, потому как становятся сами собой, а не прикрываются чужой личиной, не хотят и не могут быть на кого-то похожими. И может, и хотели бы, только здесь их разум выходит из-под их власти и здесь они созерцают самих себя таких, какими они являются в действительности.

Но думы Лариона потихоньку гасли, он снова чувствовал в себе прилив звериной силы, от которой стало спокойно и привольно. Оглянувшись на Северянинова, увидел, как тот, стоя на коленях, обхватил голову руками и смотрел на лесную проплешину обезумевшим взглядом. Но вот он исчез, и перед Ларькой снова простиралась нехоженая тайга, которую он оглядывал с каменного гольца. Вдруг почувствовал, как его грудь снова раздирает неведомая сила. И он задрал голову к небу, и над вечерней тайгой полетел медвежий рёв, пугая немногочисленных птиц у подножия гольца.

…В глаза Северянинову ударил ослепительный луч и погас, оставив его в полнейшей темноте. Будто что-то лопнуло в его голове, и он остался слеп, не различая уже ничего. Перед ним лишь была темнота, сырая, с землистым духом. Он хотел крикнуть, но голос подобно бульканью не полетел, а запутался в темноте, не отразившись эхом. Пошарил вокруг себя руками и не понял, где он: земля вокруг была мокрой и скользкой, и словно парила. И этот

пар осаждался на его лице, проникал в нос мертвечиной. Попытался утереться ладонью, и на губах своих почувствовал запах крови и испражнений. Сначала подумал, что он закрыт в погребе или подвале, и попытался ползти, но под руками была та же грязь.

Но вот вдалеке, словно ранний осенний рассвет, забрезжило, и темнота стала серой. И уже под руками он осязал чёрную, пропитанную кровью землю. Попытался подняться, но не мог: удалось встать только на четвереньки - дальше не пускало небо. Оно будто бы опрокинулось, накрыло его стальной серой чашей, разрешив ему только ползти и вдыхать этот разлагающийся кровавый запах, от которого болела и кружилась голова. Когда же глаза стали различать в серости отдельные предметы, он увидел, что ползёт среди мертвецов, не обряженных, не отпетых - убиенных, потому как были они все в чёрной запёкшейся крови с открытыми от ужаса глазами. В голове сначала закралась мысль, что он находится на поле боя, но почему-то не видел у мёртвых ни оружия, ни военной формы. Это были люди разных сословий: крестьяне и рабочие в простых ситцевых рубахах, женщины и дети, попы и чиновники. Все даже не лежали, а валялись, словно скотина в яме скотомогильника при сибирской язве.

Вдалеке вместо леса стоял высокий забор, опутанный колючей проволокой, с вышками по периметру, и этот забор тянулся, насколько далеко, сколько можно было видеть. И сколько бы он ни полз на четвереньках, как зверь, забор этот не кончался, а становился всё отчётливей и страшней.

В голову снова закралась мысль: почему остался жив? Почему не убили вместе со всеми? И вдруг стал понимать, что его и не убивали, потому как увидел на себе и крепкое галифе, вымазанное в крови, и гимнастёрку, перетянутую ремнями, и болтающийся на бедре кольт. И ещё страшным показалось то, что над мёртвыми не было воронья, а вместо галдежа птиц оттуда-то, словно из другого мира или жизни, летели речи о свободе и равенстве, о братстве И эти речи заполняли то пространство над ним, которое осталось, и, словно летучие мыши, били в голову, и болью отдавались в разуме.

Северянинов подумал, что сошёл с ума или сходит потому что так не бывает. Только мысли в голове бились и рассказывали ему, что бывает! И что сам он всё это делал, и делает, только не хочет признавать это, потому как боится страшного суда! Страшного суда над самим собой. Но суд, он наступит, потому как он человек, а значит ему присуще всё человеческое. И он тогда сел на землю и обхватил голову кровавыми руками…

Очнувшись от страшного сна, Северянинов не помнил, сколько времени провёл в страшных видениях. Лариона не было. Горел костер с кипящим, огромным медным чайником на таганке, попахивая смородиновым листом. В голове стало проясняться. Он оглядел свои руки: не было и следа крови, которую он лицезрел в бреду. Понять, что это было с ним, объяснить не мог. Но теперь он верил Лариону, понимал, о чём он говорил. Не врал старожил заимки! Действительно что-то происходит здесь с человеком, и происходящее он не мог объяснить.

В голове ещё не улеглись картинки, которые он видел, и от этого ему становилось страшно. Он сидел не двигаясь, ожидая Лариона, боялся пошевелиться, чтобы не вернулись видения. И вдруг появилась мысль: а что если под воздействием чего-то он заглянул в будущее, в то, что не дано человеку? Может, получил откровение свыше, что не то он делает, не туда идёт, и концом пути у него будет то кровавое месиво, которое он видел? Мороз прошёл по его спине. Если это так, то почему никто или что не подсказало

ему, как быть ему дальше? Ведь в своей жизни ничего подобного он никогда не видел. Кто смог нарисовать в его разуме такие страшные картины? Но сейчас в раздумьях он вдруг осознал, что эти видение ему – предупреждение, и связанно это с его работой в ЧК, потому что все убитые были за колючей проволокой и безоружны. Видел он раньше, ещё когда начинал работать при старом режиме, и стреляных, и резаных, но в малом количестве - при разбойных нападениях на квартиры небедных людей. А в этом бреду лежали разные люди. И это было новое время! Он чувствовал его дыхание: остались в памяти речи и лозунги, бившиеся в разум летучими мышами.

Ларион появился бесшумно и неожиданно и сел рядом с Северяниновым.

- Смотри-ка, как тебя проняло… Белый стал, как мельник… Знать, в горе пребывал и страхе. Да и сейчас колотит тебя лихоманка! А предупреждал, что не просто всё здесь.

- Что было здесь? - заглянул Северянинов в глаза Лариону.

- Тут?.. А я почём знаю, как это назвать? Говорил тебе, преисподняя здесь. Ты человек учёный, тебе понятней будет…

- А что понятней? Наука объяснить это не сможет, – и добавил спасительно. – А может, это всего-навсего сон? Устал, приснилось…

Ларион посмотрел на Северянинова с усмешкой:

- И всем такие сны приходят - не скажешь отчего? Немтырь рассказывал, что они ведь не убийцами ранее были - золото артелью искали. А вот потом убивать стали, будто кто вселился в них. На заимку пора бы? Что ещё тут?

- Мне бы к озеру сходить…

На озеро пришли уже под вечер. Северянинов оглядел место и понял, что нашёл разгадку озеру. Очистив от веток нетолстую ель, смерил глубину с берега и не мог достать дна. Края озера были обрывистые и путём не заросшие. Ни у берега, ни на середине не было знакомых разлапистых кувшинок. И вся лесная плешина с чёрным глазом озера выглядела фантастически, неправдоподобно, не по-земному. Вместо зеленоватого цветения сибирских озёр на поверхности воды был серебристый налёт, и при дуновении ветра цвет небольшой ряби менялся от серебристого до чёрного.

- Да… Картина… Так вот откуда всё! Метеорит!

Зачерпнул в ладони в воду и вдохнул запах воды. И вновь, как и в первый раз, почувствовал головокружение и звон в ушах, Ларион еле успел поймать Северянинова за воротник, чтобы тот не упал в озеро. Вытащив его на берег, подальше от воды, понял, что тот снова находится в бреду, потому как лицо Северянинова исказила гримаса ужаса и безумия.

Сколько пролежит в беспамятстве пришлый начальник из города, Ларион точно не знал - скорее всего, долго, потому как сам, когда находился в таком же бреду, не замечал времени. Бывало, приходил в себя ночью, а когда и днём. Всё для Лариона проходило без времени, были только день или ночь. Днём он всегда бродил таёжными тропами, принюхиваясь к незнакомым запахам, ночью же искал себе сухое, безопасное логово. Изредка в его видениях проплывали звери, потерявшие чувство осторожности, которых он давил и разрывал клыками, придерживая лапой ещё бьющуюся жертву. После того, как приходил в себя, вкуса сырого мяса и крови он не помнил, хотя запах крови ощущал, и старался после каждого своего бреда умыться, чтобы запах оставил его. И делая это, понимал, что ведёт себя тоже, как зверь, будучи уже в уме. Зверь ведь тоже старается вобрать в себя запах того места, где

находится, чтобы его естественный запах не мог насторожить ни его добычу, ни охотников за ним.

Сегодня он видел лицо Северянинова с нечеловеческой болью, но знал, что он никак ни зверь. А вот какое лицо у него, у Лариона? Неужели как у вздыбившегося озверевшего медведя? И передёрнулся от нарисованной в мыслях картины. Такую озверевшую пасть он видел, когда брал медведя из берлоги. И если бы не понимание того, что человек всё же сильнее и умнее зверя, наверное, не смог бы его убить, испугался бы. И скорее тогда он бы стал добычей, потому как страх, он временами делает человека или слабым, или сильным. Оттого и другого может наступить смерть, потому как человек, почувствовав себя чересчур бесстрашным и сильным, теряет контроль и потому делается сам добычей своей жертвы.

Нести на себе Северянинова не имело никакого смысла, так как они к озеру еле-еле пробрались, оставив клочки одежды на высохших суках поваленного леса. Возможно. и не прошли бы, если бы Ларион не нашёл чуть заметную тропинку, вилявшую между толстых поваленных лесин. Ничего не сказал тогда Ларион Северянинову, когда заметил что проходили люди здесь: в нескольких местах видел топором порубленные суки. Человек городской, думал он о своём попутчике, грамотный, а в лесу как дитя не разумное идёт, ничего под ногами не замечает. Так ведь и до беды недалеко. Решил, пока Северянинов в беспамятстве, пройти вокруг озера, посмотреть, что да как.

В километрах в трёх от места где остался Северянинов, нашёл старое кострище, а поодаль несколько холмиков. На одном из них стоял, накренившись к земле, почерневший крест. Остановился, снял картуз и осенил себя крестом.

- Может, их ищет городской? - проговорил вслух, потому как ни от Анисима, ни от немтыря ничего про чужих людей не слышал. Слышал, что тунгусы проезжали поздней осенью, а так больше ничего. Стал осматривать местность вокруг, зная, что инородцы, те чужого не возьмут, разве что ружьё да припас ружейный, а на остальное никто не позарится. И точно: увидел три лесины вкопанные, подобно большому тагану, а в середине подвешенный берестяной короб на оленьем сухожилии. Короб висел давно - определил по почерневшей от дождей и солнца бересте - да и на могильных холмиках выросла крепкая дернина. Срезал короб и направился к месту, где оставил лежать Северянинова. Короб открывать не стал, потому как крышка у короба была прошита к основанию тоже сухожилием. Решил: пусть его откроет тот, кто задумал искать пропавших, а ему это ни к чему.

Северянинов уже отошёл от очередного бреда и сидел, уставившись в одну точку немигающим взглядом.

- Может, это то, что ты ищешь? – поставил перед Северяниновым короб. – И могилы там…

Северянинов не понимающе взглянул на Лариона и снова уставился на носки своих сапог.

- Вон как тебя проняло… Пора уходить отсюда, а то загибнешь не за понюх табаку.

Стал за плечо поднимать Северянинова и, когда тот, качаясь, утвердился на подгибающихся ногах, потянул его в сторону часовни. Вскоре городской стал шагать твёрже, перестал оступаться и пошёл более прямо, не виляя из стороны в сторону.

Мысли Северянинова от увиденного, наконец, прояснились, и он уже видел отчётливо спину Лариона и болтающийся у него за плечами берестяной короб. Он не помнил, как ушёл от него Ларион, не видел. Помнил только одно:

что плеснул себе пригоршню воды из озера. Что с ним происходило дальше? Опять были картины, опять попал в иной мир, который резко отличался от того, в котором он жил. Это было уже не тот страшный бред у часовни, который на время парализовал его рассудок, его волю, от которого смолистый волос превратился в грязно-белую шевелюру и две глубокие складки легли у него по щекам, словно он за время бреда постарел на целое десятилетие. Это было совсем другое, он видел казнь, свою казнь. В тёмном коридоре тюрьмы ему выстрелили в затылок, расправились без суда и следствия, так как он не помнит никакого следствия - видел только свой арест, тюремный тёмный коридор и расправу в этом коридоре. И уже будучи мёртвым, что его особенно удивило, он видел, как его тащили за ноги, куда-то везли, а потом бросили в яму. Видел, как его забрасывали землёй, но не чувствовал ни боли, ни каких-то иных страданий. В глазах его стояла полная луна, и звёзды мигали и срывались с неба. Последняя мысль, перед тем как очнуться: «Ради чего жил?.. «

На заимку пришли поздно. Северянинов молчал: после увиденного не хотелось говорить. Его спутников не было, не было и коней. Ларион внимательно осмотрел двор, но ничего, что бы его насторожило, не нашёл. Не появились они ни ночью, ни утром. Северянинов нервничал, ходил по поляне и курил. В амбаре Ларион что-то перекидывал, потом, матюгнувшись, вышел и сел на крыльцо избы.

- Не придут они, начальник, не жди… Золото они нашли. А оно хошь кого с ума сведёт. Только ведь далёко не уйдут: перебьют друг дружку…

- А оно что, у тебя на виду лежало? Как так нашли? – Северянинов забыл сразу о всех своих видениях, вытаращил на Лариона глаза. – И почему перебьют?

-А я его после покойного Анисима и в руки не брал - как он его положил, так и лежало. Немтырь тут как-то всё перекопал, когда Анисим на каторге был, - не нашёл, потому и Анисима с каторги вытащил. А потом видел его, знал, где лежит, а когда уходил, горсти не взял, потому как с ним не уйдёшь.

- Ты говорил, он один ушёл… Так чего было бояться?

- Ну, так я-то здесь остался? А вдруг бы следом за ним пошёл да скрадывать его начал?

Северянинов снова закурил и сел рядом с Ларионом.

- Вот то-то и оно… Немтырь насмотрелся всякого с этим золотом, а пересилил себя и пустой ушёл. А может, и был у него свой припас?.. Хотя навряд ли…

Чекист исподлобья посмотрел на Лариона, поймался за свой тяжёлый кольт.

- А не ты их прибрал, пока я на озере в беспамятстве был? А что? Тебе, я вижу, не привыкать. Дело твоё в жандармерии читал - каторжник.

- Воля ваша, господин, думу думать… Только сам-то веришь?

Северянинов с ответом замешкался…

- Не верю… Искать надо!

- Если надо, найдём! В тайге они младенцы…

Найти золото, пока хозяина нет, решил Федот. Поделившись мыслями с оставшимся немногословным чекистом, приступил к делу. Сначала искал один. И в подполе, и на крыше, и даже пробовал копать лопатой в тех местах, где был потревожен дёрн. Напарник молча наблюдал да крутил самокрутки, но видимо, своей неуёмностью поиска Федот заразил и его. Стали искать вместе, появился азарт, до дрожи в руках. Чекист долго искал в амбаре, и, когда Федот

туда заглянул, то увидел, как тот сидел над развязанным кожаным мешком и пересыпал золотой песок из ладони в ладонь.

- Нашёл!!!

Чекист повернулся к Федоту и вытащил наган.

- Сдай назад! Олух! Не про тебя оно…

- Знаю! На дело революции! Чё сразу за наган поймался? Я же не какой-то контрреволюционер…

- А зачем революции золото, Федот? Прокутит начальство промеж себя! Думаешь, нам что перепадёт? Не надейся! Что при царе, что сейчас - одна масленица… Кто в масти, тот и у власти. Северянинов вон в тайгу пошёл… Зачем? Ищет! При царе у власти был, и сейчас начальник! А меня как считали быдлом, так и считают, потому как молчаливый я. Горлохваты-то своё вырвали! Вот возьми хоть тебя… Штаны рваные, а в сельсовете сидишь! Маленький, а начальник! Потому как тоже горлохват! А как под пули - так я!

И вдруг расплакался, утирая грязной заскорузлой рукой мутные слёзы ,выкатившие из почти безумных глаз.

- Я ведь никогда богатым не был! Всю жизнь перебивался с кваса на воду: то неурожай, то скотина падёт. Богатых только бог видит, им всё, а нам только терпение. Я в революцию пошёл, только чтобы всех уравнять. А нет! Всё также… Давай поделим, Федотушка, да уедем, пока Северянинова нет! Золото, оно при любой власти хорошо…. Думай, Федот, не молчи!..

Федот опустился на траву рядом с амбаром. Что говорил ему чекист - понимал он. Только верилось, что не так потом будет, когда победит революция. Хорошо жить станут, и он, Федот, будет большим начальником. Как же иначе, коли с самого начала в революции? Кто он был до неё? Да никто! А теперь люди к нему идут, потому как он законы новые знает и людей просвещает, а кому и помогает. А сейчас его чекист толкает на воровство. Как бы бедно он ни жил, а не воровал и не грабил. А сейчас это ведь у себя воровать надо, потому как золото принадлежит революции, а он солдат революции. А когда люди в деревне узнают, что он, Федот, вором оказался… Страшнее и придумать нельзя! Доверие пропадёт к нему, как мужику. Да и к новой власти тоже. Нет! Нельзя!.. Только вот как сейчас-то? Мужик он здоровый, золото возьмёт и уйдёт - спрашивать Федота не будет. И убить может. Вон как его повело. Сначала мужик как мужик был, а золото увидел - дураком стал. Скорее бы уж Северянинов пришёл с Ларионом… И вдруг другая мысль: а что если Северянинов с Ларькой снюхается да меж собой золото поделят? Куда ни кинь, всюду клин. Вот попал!.. С мыслями пришло разочарование. Хотел ведь как лучше… Сидел бы себе в Крутоярове, бобыль бы за самогоном бегал. Чем не жизнь? А теперь вот сиди и жди выстрела в спину. Почему в спину, Федот сам себе объяснял просто: потому как в лицо выстрелить не посмеет - всё ж не простой он, фронтовик! Побоится… А вообще дело надо решить полюбовно. Может, на хитрость пойти или ещё как… А может, самому его пристрелить? Так в людей ни разу не стрелял… Сможет ли? На войне, там просто было: стрелял из окопа, попадал ли, нет ли - не видел. И ответить на свой вопрос не мог. Как ни говори, человек ведь, не скотина… Порося прирезать и то для него страшно было: прирежет, а потом полдня руки и коленки трясутся.

- Чего вздыхаешь, Федот? Соглашайся, дело говорю! Больше никогда так не повезёт. А Северянинову что? Ему в губчека золота отвалят, а остатки мимо нас пройдут.

- От людей будет стыдно! Не могу я… Никогда не был вором.

- Тогда один уйду! Оставайся!

- Один не уйдёшь: Ларион догонит и задавит, как зверушку… Отступись лучше! Я никому не скажу, что ты против власти хочешь пойти, со мной умрёт…

- Или сам умрёшь… - угрожающе глянул на Федота. - Разговор окончен! Собирайся, коли жить хочешь.

Забросил кожаный сидор за плечи и пошёл к загону с лошадьми. Федот понял, что нарываться нельзя: самого пристрелит и золото увезёт, потом ищи его по тайге.

- Третьего коня с собой уведём, Федот! - нервно дёргался лицом чекист. – Пешком не скоро догонишь.

Промолчал Федот, но только понял вдруг, что не отпустит он чекиста. Не для того они революцию делали! И от мысли, что он решится, жаром в голову ударило. Вот только момент выберет, разоружит бандита, хотя и не просто будет. В барабане нагана всего три патрона осталось: потерял, раззява, когда на заимку ехали. Вечером на ночёвке крутил, вертел и, как барабан открылся, не заметил. Так чекист про то не знает! Вот только как всё сделать?

И вдруг страх пришёл. А что если он тоже захочет избавиться от него? Золотом, поди, делиться жалко. Почему на месте не поделил? Мол, на тебе, Федот, твой пай! Весь мешок на себя взвалил, ирод! Вот и верь после этого людям! Революционный боец, мать его! И тут же к страху примешалась жалость Не к себе, а к Васене! Если убьют, каково ей будет? Настрадается, бедная… А в глубине души, так, где-то в отдалённых закоулках, промелькнуло: она и без него весь жизненный воз тянет. Он ведь больше о другом думал: сначала о геройстве на войне, теперь о равноправии… Васеня всегда отходила на задний план. Оно и конечно – баба! Чего поперёд мужика соваться! А вот теперь жалость что-то вдруг? Может, и убьют его сегодня… А что, вон какой супостат! Не изболелся! Газу в окопах не хлебнул…

Всегда говорливый Федот ехал молча, словно шёл за собственным гробом. А чекист, наоборот, видно чувствуя бесценный груз за плечами, то похохатывал, рассказывая матерные байки, то кричал почти на всю тайгу, как он теперь заживёт на такие денежки, да какие хоромы себе купит. Договорился до того, что и есть, и пить будет только из злата-серебра. Потом вдруг начинал осторожничать: остановится, прислушается и, ничего не услышав, кроме крика птиц, снова начинает свои весёлые россказни. А под вечер вдруг сменился, перестал балагурить и как-то враз почернел лицом. Глаза стали колючими и подозрительными, а когда спешились у ручья, чтобы воды попить, навалился на Федота и отобрал у него наган.

- Мне так спокойней будет! А то пальнёшь ненароком, всю дорогу смурной едешь…

Федот попытался было вернуть оружие, но куда ему против чекиста! От одного удара отлетел в сторону, ударился спиной о валежину, и перехватило дух, только на карачки и смог встать. И понял сразу, что поспешил он с чекистом. Увидел, как тот вдруг стал коней привязывать к талине у ручья. А с чего бы это, когда ещё часа три ехать можно, светло?

- Ты что задумал-то? – спросил с дрожью в голосе. – Не бери грех на душу!..

- Одним грехом меньше, одним больше, Федот. Становись вон к кедре! Чего тянуть-то? Всё одно не сговоримся.

- Креста на тебе нет…

- А это чем тебе не крест? - достал наган Федота. – Вот сейчас и благословлю…

Поймав за руку трясущегося Федота, привалил его к кедре и, отойдя на несколько шагов назад, прицелился из Федотова нагана. И поняв, что чекист не шутит и сейчас наступит его конец, впервые, может быть, обратился к богу. То ли от страха перед неизведанным, то ли само собой вырвалось из сухой от страха глотки:

- Господи!..

После выстрела чекист видел, как дёрнулся хлипким телом Федот и, отвернувшись, чтобы не смотреть на умирающего, спустился к лошадям, в упор расстрелял жеребца Северянинова и Федотову кобылу. Ещё кони бились в конвульсиях, а чекист, прыгнув в седло, поскакал еле заметной тропой обратно, в сторону заимки.

План к нему пришёл мгновенно после расстрела напарника. Понял вдруг: не успокоится Северянинов, будет искать и найдёт мёртвого Федота, а смерть его сразу расставит всё по своим местам. И его обязательно найдут. Найдут и расстреляют. А значит, ему следует избавиться от всех. Сам же говорил Северянинов: экспедиция пропала в этих местах. А где одни пропали, там и другие могут пропасть. И комар носа не подточит. А пока хватятся да искать начнут, на край света уедет к морю тёплому… Время неспокойное, разбойное, а тут золото - вот и пропали. А в тайге найти человека трудно… Жалко только крест с Федота золотой не снял, забыл впопыхах, но и возвращаться тоже не резон: надо успеть опередить Северянинова.

Мысль о том, что богат теперь, бродила хмелем по жилам. Даже мечтать стал, как он теперь заживёт! Не заметил, как и сбился с тропы. Поворачивал коня то в одну сторону, то в другую, старался снова выехать на неприметную тропу. Но нет! Лес нетронутый, земля копытами не сбитая… Опустил поводья. Может, конь сам приведёт к жилью: животина умная - знал по рассказам отца, тот в обозах много ездил.

Вечереть стало, а заимки нет. Понял, что заблудился. Да и лес какой-то странный стал: одни выворотни кругом, словно пожар прошёл или буря какая. А тут ещё вороньё слетелось, жуть нагоняет карканьем, словно перед бедой. Понял, что выбираться надо. Повернул коня и поехал по краю, чтобы объехать неприветливое страшное место. И уже на закате на красном небосклоне увидел чёрный кованый крест церкви. Пальцы непроизвольно собрались в щепоть, а осенить себя крестом не успел. Конь вдруг встал на дыбы и вытряхнул чекиста из седла…

Глава12

Федот открыл глаза и увидел над собою тёмную зелень кедров. В голове промелькнуло: на небесах, видно, тоже как на земле. Вот жил в тайге всю свою праведную и неправедную жизнь - и после смерти опять в тайгу

попал. Видно, на высшем суде решили: как на земле жил, так и на небесах ему мыкаться. И даже с обидой подумал: Нет бы в город какой! Пусть хоть не райские кущи…» Но после минуты раздумий понял, что вовсе и не небесах он, а лежит на родимой земле, и грудь болит, наверное, от раны. Скосил глаза на больную грудь - крови нет. Может, и не ранен вовсе? И всё это ему приснилось? А может, с коня упал? Но в памяти всплыл чёрный зрачок нагана, его нагана, который отобрал у него здоровенный чекист. После этого память вернулась быстро. Всё вспомнил! Схватился за золотой крест, увидел, что пуля попала в святое распятье и спасла его от смерти. Не вставая, из лежачего положения, очутился на коленях. Хотел прочитать молитву, но кроме «еси на небеси» ничего и не вспомнил. И от этого или от переживания смертельной опасности – заплакал. Громко, навзрыд, словно ребёнок. Так и уснул, всхлипывая.

Утром, только стало светать, тронулся в путь Федот. Дойти до деревни, одному, сквозь тайгу, - знал, не дойдёт. И выбрал обратный путь, на заимку. Ещё когда ехали с чекистом, дорогу запоминал, потому как хотел вернуться и привезти обратно золото, как только расправится с лиходеем. Но судьба повернула по-своему: ни золота, ни лиходея… Но видно на всё воля божья, коли жизнь Он ему, Федоту, оставил… Да и знал, что искать Северянинов с Ларионом их пойдут, так лучше самому прийти, а то могут и убить ненароком - разбираться точно не станут… А второй раз пуля может и мимо креста просвистеть…

Вспомнив о спасительном кресте и чувствуя его тяжесть на тощей шее, как Фома не верящий, поймался рукой. Жалко, что расстаться с ним придётся… А то он его бы в переднем углу бы повесил… И поймал себя на мысли Федот, что не молиться на него бы стал, а другим бы показывал, как смертна пуля его за дело революции чуть-чуть не нашла. Чертыхнулся. Шутка ли! Смерти в глаза смотрел, а нет - природа своё берёт: опять хвастать захотелось… Ещё не известно, что Северянинов решит… А то может, тоже как тот чекист, к стенке поставит. Так вроде правильный, недаром в командирах ходит. А кого попало разве поставят? Мысли переплетались, страх за свою жизнь брал верх. Иногда останавливался, поворачивал назад, но метров через сто снова шёл обратно. Потом всё же пришло решение: надо идти! В покое не оставят, и в деревне найдут, и в лесу. А так хоть совесть будет чиста. Выпить бы сейчас, всё не так тоскливо было бы…

К вечеру вышел к излучине рек, и вдруг почувствовал еле ощутимый запах, не принадлежащий лесу. Под ложечкой засосало. Так уже было с ним на войне, когда начиналась газовая атака. Правда запах там был другой, напоминающий гниющую картошку, и сразу перехватывало дыхание, а здесь нет. Но чувствовал Федот, что это газ, а не что иное, потому как и на войне, и здесь ощутил слабость и вместе с нею и неудержимое веселье. Порвал на себе нательную рубаху и, намочив в реке, приложил к лицу. Но и сквозь мокрую материю запах не пропадал, а наоборот, усилился. Веселье исчезло, появились видения, да и уже не считал их Федот видениями. Это была другая жизнь, и он, Федот, тоже был другой. В ней не было прошлого, не было настоящего, он видел только своё будущее. Видел, что вся его преданность революции исчезла, и он уже не председатель сельсовета, и даже не простой её боец. Он никто… Ходит будто по миру, по родной земле, просит у людей, но не хлеба, а прощения, и не за себя просит, а за тех, кто уже оставил землю и сам словно тень стал. Он не ощущает ни радости, ни гнева, и люди вокруг не замечают его. И даже родная жена Васеня говорит вроде с ним, а взгляд на небо бросает и ничего не чувствует, потому что не ругается и не радуется ему, и глаза у ней

будто мёртвые. Но жизнь вокруг меняется, становится сытнее и вольготнее. В деревнях на работу с песнями, а вечерам пляски под гармонь… Только не меняется он, и его по прежнему никто не слышит, а может, и не видит?.. И в воспалённое сознание приходит мысль, что не люди мертвы, а он. Поэтому и просит за мёртвых, поэтому и не слышат его. Видно, пуля чекиста не только вмятину в золотом распятье сделала, а нашла того Федота, который и гулеванил, и власть советов устанавливал. И оставшись в новой своей жизни без радости, понимает. Разве, может живой покойник ходить по земле? Грешно это… Последнее, что увидел - это себя в старой своей банёшке, завязывающим чересседельник на перекладине с пожелтевшими берёзовыми вениками.

…Очнулся под утро. От страха припустил что есть мочи к заимке. Чёртово это место! Выбираться отсюда нужно! Пропади пропадом и золото, и власть! Пусть, кому нужно, золото сами берут. А он теперь от этих мест далеко держаться будет. Да наверное, и от власти тоже. Если жив останется, разведёт себе пасеку на дальних еланях, будет о жизни думать да медовушку ставить. И ничего не надо! А то власти под старость лет захотелось! Почёта! А какой почёт, коль силой хотел народ за собой повести. Наганом тряс! А чего тря? Сам же знал, что не выстрелит. Разве что в воздух, для острастки…

- Чего? Набегался? - окрик остановил Федота. Обернувшись, увидел в стороне от тропы сидевшего на пне Лариона.

- Ларя! Милый! Уходить отсель надо: место колдованное, гадкое. А вины на мне нет за золото! Чист я перед людьми и Господом!

- Что это ты, Федотушка, Бога-то вспомнил? Ране только вспоминал, когда молотком по пальцу…

- Так он мне жизнь спас! Не крест бы святой - растащили бы уже меня волки да медведи, а то бы вороньё уже склевало.

- Вона как… А кони где? Что пешком-то?

- Так он как меня убил, так потом коней пострелял и ушёл… С золотом.

- А ты, стало быть, воскрес?

- Не веришь? На вот! Смотри!

Вытащил из-под гимнастёрки на кандальной цепи крест, сорвал его с шеи и кинул Ларион. Ларион не спеша поднял крест и внимательно рассмотрел пулевую вмятину.

- Говорил ведь вам: не вынести золото отсюда… Не верили… Пойдём! Уже заждался тебя твой начальник.

- Ларион!.. – заискивающе поглядел в глаза. – Ты замолви за меня слово перед Северяниновым, что не виноват, мол, я… Расстреляет…

- Да знает он уже всё… А страшно помирать, Федот?

- Так испугаться путём и не успел… Страшнее, Ларион, без радости жить на земле. Тогда сам смерть кличешь, а если не идёт, сам к ней пойдёшь. Мне сегодня виденье было - на чересседельнике повесился…

- Может, видение в руку, Федот? – ухмыльнулся Ларион.

Федот бросил недружелюбный взгляд на Ларьку.

- Веди уж… Теперь ты за конвоира. Видишь, как поменялось в одночасье. Пришёл сюда при власти, а теперь… И не знаю, кто теперь я: арестант или можно сказать покойник…

- Рано хоронишь себя, Федот! Поди, ещё поживёшь. А тяжко с Северяниновым будет - в бега подашься.

- Как ты, не смогу. Жила у меня не та… Да и тайги я боюсь… Смолоду не ходил… Таинственно в лесу, непонятно. У меня внутри что-то начинается от тишины да от разных звуков и шорохов. Волнение как бы… И страх. По мне так лучше при народе веселее, да просто обыденно. На фронте вот был,

там и стреляли, и газом травили, однако волнения, такого как в тайге спытал, не было. А тут, Ларя, сегодня ночью, газ почувствовал! Не такой, как тогда в окопах, но знаю: газ это! И видеть стал по-иному, вроде как сплю - и не сплю, а будущее своё вижу.

- Тут все по-разному видят, Федот… Место здесь такое… Анисим говорил, святая земля. Часовню вон построили ему… Говори, что народ узнает о святой земле, приходить начнёт… Только вот кроме вас никого тут не было. Да и вы не поклоны бить пришли, а золото вам надо. Тут ещё неясно, кому поклоны бить… Здесь видят люди глазами дьявола и Бога, на искушения искушаются, творят неведомое, убивают товарищей своих, и тут же бывает праведниками становятся одни и те же люди. Вот товарищ твой с тобой пришёл, а получил дьявольское искушение, руку на тебя поднял. Золото – оно, Федот, искушение…

- Да не нужно мне золото! Пропади оно пропадом! Домой хочу, Ларион…

У заимки остановились при виде умывающегося Северянинова. Тот лил на себя холодную воду и фыркал, словно довольная лошадь. У Федота предательски задрожали ноги, а в груди стал комок, который саднил и не давал глубоко вдохнуть. Шевеля побелевшими губами, старался что-то сказать, но вместо слов из горла вылетел нечленораздельный, почти щенячий вой. Северянинов выпрямился.

- На мороз завываешь или по покойнику?

От слова покойник Федоту стало ещё хуже, он опустился на траву на подогнувшихся ногах. В голове промелькнуло: не тот, так другой убьёт… Но тут из-за амбара, довольно пофыркивая, как недавно Северянинов, вышел жеребец бежавшего чекиста.

- Стало быть, сам убивец приехал?.. – выдавил наконец Федот. – Знамо, сейчас всю вину на меня…

- Ехал, ехал да не доехал… Да и сюда ли он ехал? Схоронили вчера его.

- Расстреляли? – в ужасе прошептал Федот.

- Руки марать!? Сам на корень еловый налетел, а может конь, сбросил. Сапог левый от места гибели в стороне лежал, видимо, в стремени застрял. А конь сам пришёл.

- А золото где? Забрали?

Северянинов переглянулся с Ларионом.

- А нет золота, Федот. Видно, схоронил где-то. Тайга большая - разве найдёшь.

- А как же теперь? Ведь за ним ехали!

- Говорили же тебе: не вынести его отсюда… Место проклятое… Самим бы вернутся…

Мысль не вывозить отсюда золото пришла к Северянинову ночью. Долго раздумывал. Сидорок лежал под нарами - руку опусти и коснёшься. Богатство! Только странно: только начинает думать, как поможет это золото молодой республике, сразу же в голове всплывала картина из увиденного будущего, или настоящего, а может, бреда, хотя Ларион называет это видениями. В сердце закрадывался страх: а может, это и правда он видел будущее, и кто-то или что-то предсказывало ему, что так и будет, если он возьмёт это золото. Поделился своими страхами с Ларионом. Тот долго молчал. Произнёс, глядя в потолок.

- Ты начальник - тебе виднее. Мой совет ничего не даст. За годы, что провёл здесь, видел многое. Но уразумел только одно - пришло ли время? От этого богатства видел только беды, кровь, да и сейчас то же самое творится.

- Но почему ты не решился хоть раз вынести его? Сколько лет уже один здесь живёшь. Неужто в народ не хочется? А с таким богатством и при любой власти жить можно. Неужто и мыслей не было?

- Здесь я впервые ощутил себя зверем, вольным! С малых лет почему-то старался походить на него. Поначалу потому, что бесшумно ходит, скрадывает других и силы немереной. Потом уже, после того как ушёл с каторги, другое понял – вольный он! Живёт, потому что рождён! А люди? У людей другое. Как только от материнской титьки отлучат, отлучают и от воли. Навязывают своё! Кто-то с этим согласен и живёт, как требуют другие: по законам божьим и людским. Но они уже не вольные - вольные только звери. Здесь я это понял, понял после видений. Золото, оно, конечно, богатство и власть, но оно имеет власть и над своим хозяином, а вот это уже страшно. А я не хочу власти над собой.

- Но человек должен жить среди людей, Ларион! Ведь жить зверем человеку - неестественно! Не правильно это! Ты скорее всего привык к своим видениям, как к опию или кокаину, и не можешь жить без этого, а говоришь, что ты вольный! Ты не вольный! Ты в плену у своих видений!

- А кто знает, как жить правильно, а как нет. Зверь ведь тоже тварь божья, а больше своего пуза не съест. Если сыт, зря другого зверя не загубит. Не то что человек: до последнего будет хапать, пока не лопнет. И чем больше хапает, тем больше аппетит. А что в плену у лесного человека… По мне уж лучше быть в плену видений, чем людей. Когда это осознаёшь, в груди накапливается ненависть. И плохо, когда она выплеснется. Оттого всегда идёт война и смута…

- Вот воля твоя, Ларион, и выплёскивается в смуту. Совсем недавно выплеснулась в революцию, и сколько крови пролилось, никто не измерит, а сколько ещё прольётся - одному Богу известно.

- А только ли воля выплеснулась в революцию, Северянинов? Сдаётся мне не только. Вот вы пришли за золотом не за своим - за чужим! Разве это воля?.. Человеческая жадность… Я уже сказал, человек никогда сыт не будет. Вот Федот трещит, что кедровка: «Равноправие, равноправие!» Но сколько повидал – а равноправия не видел. Даже на каторге арестанты под арестантами ходят. Сильный всегда правит. Золото правит, церковь правит. А у зверя ведь всё по-другому. Вроде и неразумным считают, а зверь войной друг на друга не пойдёт, на чужую территорию, другим помеченную, не сунется. Зверь закон свой соблюдает, не то что человек. Ты вот говоришь: с людьми жить надо… Наверное, ты прав. Только ведь я выходил к людям и вернулся, потому как злобу там почувствовал и зависть. Что с каторги сбежал, что на коней Катерине золота дал, да и вообще, что жив остался. Никто мне этого не сказал, только я ведь, как зверь, в воздухе это чувствую.

- Ну, здесь это не мудрено, Ларион. Много тайн хранит эта земля, здесь не мистика, не господь и дьявол – что-то ещё. Изучить это хочу… Только вот не знаю, позволят мне или нет. Если золото привезу, не позволят. Тут отряд за отрядом будут приходить: и белые, и красные, да и всех цветов радуги. Ты Золото схорони, Ларион. Беды от него - видел. Да и только ли от него… Жаль Федота нет, подтвердить никто не сможет, что золота и не было, - сказки! А меня проверять будут… Спросят, где люди, да и самого могут к стенке… Разговор у нас бывает короткий, я уж знаю…

- Сам-то тоже руку приложил?

- Нет. На это есть другие… И знаешь, их много! Делают страшную работу и привыкают к ней, словно землю пашут. Почему так, Ларион? Это ведь тоже ненормально, неправильно.

- Человек ко всему привыкает: и к жизни и к смерти. По молодости жизни радуется, а потом просто живёт обыденно. Смерть же, наоборот, по молодости страшит, а под старость - тоже становится обыденным делом, а кого-то может и радует. Вот так и с твоими расстрельными людьми: сначала страшно, а потом привыкают. Всегда так было на земле, и революция здесь ни при чём. А что касается золота… Схорони его сам! Оно ведь не моё. Жаль только креста отцовского – память...

Федот оправился от встречи с Северяниновым, прошёл и сел на лавку перед избой. На душе улёгся страх за свою жизнь. Понял, что городской чекист не только не будет его расстреливать как саботажника, а даже допроса не учинит. Уверенность пришла после того, как он вернул наган, правда без патронов. Федот сидел на лавке и сейчас крутил в руках этот наган. «Странная штука, - подумал. - Всегда любил оружие, а сейчас вот этот воронёный метал не греет руку, как ранее, а несёт какой-то страх и отвращение». Страх? Да он всегда был у Федота: и на фронте, и после. Но с оружием было спокойней. А теперь оружие несёт ему страх. Он осторожно положил наган на край лавки.

- Заберите оружие, – ни на кого не глядя, произнёс тихо. – Отвоевался я…

- Что так? – Северянинов посмотрел пронзительно на Федота. - У тебя же убеждения народную власть установить!

- После моего расстрела кончились мои убеждения, жила во мне порвалась… Да и не геройство это - наганом махать. Видение мне было! Теперь прощения буду просить за грехи ваши, и за свои тоже.

- А была ли она, жила? Чтобы праведником стать, тоже нужна жила, и может быть, покрепче, чем у настоящего воина. Говорил Ларион, что со всеми здесь что-то случается, - видно прав он. Один вон убивал и тут же часовню строил. Тоже хотел, как и ты, грехи замаливать - не успел. Успеешь ли ты? Замаливать грехи человек всегда оттягивает. Сначала не осознаёт, потом сомневается: «а был ли грех?» А там уж и помирать пора. Вот на смертном одре только о них и вспомнит, потому как боится. Но не рая и ада, а боится неизведанного, Федот!

Федот молчал, опустив голову, понимая, что Северянинов прав. К нему приходили такие мысли раньше, только вслух он их не высказывал. Будет ли он тем, кем видел себя? Утвердительно ответить даже для себя не смог. Да и Васеня ещё как на это посмотрит, а то может, и черенок от вил о праведную спину обломать, с неё станется. Даже против революции одна пошла. Вспомнил, усмехнувшись и с какой-то в первый раз для него проснувшейся вдруг жалостью.

- Когда домой-то?

- Так сегодня и выйдем, чего тянуть. В себя вроде пришёл ты, перестал завывать. Дорога дальняя, ещё и дойти надо...

Проводив незваных гостей до реки, Ларион долго сидел на берегу, пока последний человеческий шорох не затих. Не чувствовал тоски по ушедшим, но и радости тоже не чувствовал. А ещё почувствовал какую-то безысходность. Безысходность от того, что всё должно оставаться так, как есть. Будто вон в той заводи находится за излучиной песка. Кружит его вода по кругу, а на стреж вынести не хочет. А вода в заводи не свежая… Каторга вспомнилась и

мечта уйти с неё. А теперь вроде как мечты и нет никакой. Живу, потому что живой…

- Видно, и правда становлюсь зверем, коли себе подобные мне в тягость. - Подумал в слух и потом уже, про себя. – Может, и прав Северянинов, что неправильно это. Там Катерина одна, с мальцом на руках, мать старушка, он здесь один. И ради чего? Может, и правда, что не отпускает это место. Достал из-за пазухи мятый крест на цепи, провёл по нему рукой. Видно, это тятино наследство не пускает. Петруша сколько лет здесь прожил, а ушёл! Не вернулся, так как не надевал чужого креста, а он, Ларя, сподобился… Летом и весной ничего, а вот когда приходит зим,а иногда хочется по-звериному зареветь или завыть по-волчьи. А уйти сил нет. Пробовал, и не раз, только возвращался с полпути. Тут ещё Северянинов коня ему оставил: мол, задумаешь вернуться к людям - на коне приедешь. Не понял он его. Душой Ларион обессилевал. Федот вот сказал: жила у него порвалась. Полжизни прожил с этой жилой, геройствовать стремился, а силёнок-то не рассчитал, не силёнок тела, а души. Если нет душевной силы, то пусть в тебе хоть медвежья сила, только не поможет, всё одно надорвёшься. Вот и он может надорваться здесь. И среди людей в тягость…Может, это есть его искупление греха? Потому как здесь тоже каторга, а может, и почище, потому что насильно никто не держит и цепей нет. Только размышления, наподобие сегодняшних, однако тяжелее цепей будут. И придавили они сегодня Лариона к земле. Уткнулся лохматой головой в колени, и вновь захотелось рычать и рвать руками землю вокруг себя.

Глава 13

Поиски вольного стрелка на утро ничего не дали Егору и Вертопраху. Как будто испарился. Егор уже стал подумывать, что тот ушёл: может, испугался, а может, нашёл всё же злополучное золото. С самого начал Егор понимал, что тот, стреляя в него, пугал: человек, который задался целью убить, тот убьёт. Но к вечеру, когда Вертопрах привёл его на опушку леса, где

простиралась заросшая уже плешина, он увидел, что небольшой холмик разрыт, и не зверем, а человеком.

- Что здесь? – спросил, хотя знал, что это давняя могила, правда без креста. На сосне, стоявшей рядом, виден был старый затёс, заплывший от времени смолой.

- Гробокопатель - мать его! Всё ищет. И как же он потом один в тайге спит, не боится, что придёт покойничек к нему? Значит, не ушёл… А я уж было подумал, что слинял. Настырный, видать…

- Ты про стрелка? Если про него, то знай: у него сейчас разум отравленный. Не погнушается и мать родную выкопать. А ты, Егор, покойников боишься? Никогда бы не подумал! На медведя ходишь…

- То медведь… Меня всегда человеческая смерть не то что удивляла, а как бы обескураживала. Своей таинственностью.

- Да какая уж тайна у покойника? С собой её может унести – факт! А так - предрассудки…

- Не скажи! Я заметил: у каждого покойника лицо своё. У кого-то разглажено, словно от хорошей новости, а у кого сожаление и раскаянье, а у кого страх… Всё же даже после смерти они ещё продолжают жить. Мы их просто не слышим, не дано нам это. Но они, пока их обряжают и прощаются, наблюдают за нами. Конечно, после захоронения всё ясно, земля она всё в себя впитает… Спускайся ты, Вертопрах! У меня здесь никого нет. А вдруг это предок твой.

Вертопрах заглянул в разрытую могилу и увидел раскрытую лиственничную колоду. Перекрестился и сполз в яму. Гробокопатель вскрыл колоду, но не тронул ничего. Скелет лежал так, как его положили, кости не потревожены. Видно, кто вскрыл, визуально определил, что там нет того, что искал. Закрыв колоду тяжёлой почерневшей крышкой, вылез из неглубокой могилы.

- Давай, Егор, засыплем! Нехорошо это, не по-человечески.

- Ну и что? – сталкивал Гончар песок ногами. – Не предок твой?

- Нет! - ответил Вертопрах утвердительно. - У того шевелюра была седая и борода лопатой, а это скорее инородец: волос вокруг черепа чёрный лежит, да и бороды у него не было – так, три былинки…

- Что же он - скотина, если разрыл и не закидал обратно?

- Торопится он, Егор, до шуги успеть хочет. Зимовать он, как я понял, здесь не собирается, а раз на такое дело пошёл, - видно, золото здешнее видел или слышал о нём. Не зря же пришёл именно сюда. Что, мало мест, где золото мыли в Сибири? Почти везде! А пришёл сюда! Ты-то хоть крест вынес отсюда. Правда, он тебя сюда и вернул.

- А может, Вертопрах, это не крест меня вернул? Как-то я не верю в бабушкины сказки. Может, совесть? Чужое ведь взял…

- Совесть, говоришь? – задумался на мгновение. – А что меня привело принести крест обратно? Знал я про тот крест, ещё не видя его, от бабушки. Знал, что он деду принадлежит. Вроде ведь не украл, а как бы наследство. А зачем вернулся? Здесь что-то другое, Егор. Не понять нам этого, да и стоит ли искать разгадку? Меня сейчас больше заботит гробокопатель. Не так много здесь могил - раскопает все, а дальше? По-настоящему начнёт охотиться на нас, потому что будет думать, что мы нашли золото. Разум его разрушает мысль о богатстве, и если его не остановить, натворит дел бедолага.

Утром следующего дня Вертопрах спозаранку ушёл на озеро. Звал с собою Егора - тот отказался. Не потому что не интересно - решил сходить на

реку проверить лодку и мотор. Не дай бог стрелок найдёт - потопит или ещё что...

У реки Егор остановился и весь напружинился: почувствовал, что не один здесь. Нет, он ничего не слышал, просто так с ним происходило всегда: словно в воздухе чувствовал что-то. Понимал, что это, скорее всего, интуиция, но она никогда не подводила Егора. Вот и на этот раз. Снял ружьё с предохранителя и осторожно, подобно зверю, стал пробираться к реке. На самом крутояре никого не было видно - было кострище, в котором угли, подёрнутые пеплом, были ещё горячие. И сразу бросилась в глаза литровая эмалированная кружка с помятой ручкой. Гончар сел и вытер испарину со лба. Не поверил. Не таясь уже никого, закурил.

- Что же ты, сволочь, по своим стреляешь? – произнёс вслух. – Крыша, видать, у тебя и вправду поехала.

- Соловей!!! В душу в Бога мать!!! Выходи! – заорал во всё горло. – Ты здесь!

Поставил ружьё на предохранитель: знал, что в товарища стрелять не будет, даже если тот вздумает снова пугать. В мыслях пронеслось: «Неужели так бывает? Из-за какого-то золота дружбу на кон поставил? Да ведь не такой он!» За шестнадцать лет он изучил Соловья, знал что тот скажет, о чём думает. Как же решился? Понятно: разбогатеть решил! Сейчас многие из-за богатства не только совесть потеряли, но даже человеческий облик. Пусть так, но в друзей стрелять!?.. И Вертопраха он знает… Наверно, точно хватанул небесного наркотика - вот крышу и снесло. Спасать его надо! Неровён час, случится чего. Где же его теперь искать? Он ведь сейчас точно как зверь стал: и его, Гончара, вперёд учуял и ушёл. В спешке уходил, коли кружку оставил. А ведь в этой кружке он и суп варит, и чай запаривает. А здесь не деревня - консервной банки не найдёшь. Эх, соловей-соловушка…

Вспомнилось, как на реку Алдан с ним прилетели на пожары. Перед этим погуляли крепко, а ещё в Братске на дорожку взяли. Только когда водки бывает много? Местный лётчик-наблюдатель был мужик ушлый: на местную авиабазу не завёз, а вывез их сразу на остров на вертолёте, чтобы не гуляли да с местными конфликта не было. А похмелье - штука жестокая. Ледяная вода Алдана мало помогала. Садистом лётнаб оказался: сколько ни просили - не привёз… А Соловей в своём спальнике бутылку хранил, у него там внутри карман был специальный пришит. Когда уже совсем было невмоготу, достал и Гончару всю и выпоил, а сам не стал, хотя и болел. Мол, мне всё же лучше, чем тебе. Пожалел. А теперь что же? В голове не укладывается: стрелять в людей стал! Если где-то рядом затаился, то наверняка слышал и теперь знает, что он уже не вольный стрелок без рода и племени, а опознан, и значит, играть начнёт по-другому: или сам выйдет с повинной, или пойдёт на крайние меры. И если у него действительно что-то с головой, может и завалить. Но Егор тут же отогнал от себя эту мысль. Слабоват он на убийство, жила не та. А хотя чёрт его знает: чужая душа - потёмки. Здесь всё по-другому…И сложив снова руки рупором, крикнул в синеющий бор:

- Поймаю тебя, Соловей, - мало не покажется! Другие песни петь будешь…

Под вечер, встретившись с Вертопрахом у заимки, Егор поведал ему о своей находке. Вертопрахов слушал, не перебивая, но видно было, что он прокручивал в голове какие-то свои события.

- Соловей, говоришь?.. Сейчас только дошло до меня: тогда, в Пихтовке, он ведь всюду за мной таскался. Может, он и не в первый раз здесь?

Я тогда приходил сюда. И он, видно, догадался, что есть здесь что-то необычное.

- Тайну он тогда в тебе почувствовал - вот и побежал.

- Да я-то и тайны из этого не делал! Рассказывал всем у костра про эти места. О метеоритах, о земле, о её возможности сохранить себя от внешнего вторжения. Конечно же, о старателях, о золоте, которое добывали в этих местах.

- Вот своими рассказами о золоте и свёл ты его с ума!

- Других не свёл, а его свёл! Я и о космосе рассказывал. Что же он тогда обсерваторию не построил?

- Золото, оно, Вертопрах, осязаемо, руками пощупать его можно, разбогатеть. А все твои гипотезы - фантазия! А Соловей, он восприимчивый.

- Да слышал я от ваших мужиков, что вы с ним вроде как знахари были. Соловей так вроде даже на экстрасенса учился. Только вот лечить мог ты и без всякой учёбы, потому что чувствуешь тоньше, дар у тебя ловить излучения, исходящие от другого человека. Да и только ли от человека?

- Спасать его надо! Пока не наглотался твоего небесного наркотика!

Вертопрах его уже не слушал, а ходил задумчиво по поляне. Сейчас в разговоре нечаянно промелькнула его собственная мысль про излучения, за которую он сейчас поймался, словно за ниточку. А что если это действительно не газ, а излучения, которые впитывает в себя метеорит, а потом в определённый момент выбрасывает их в атмосферу? И если его предположения верны, за эту ниточку можно распутать весь клубок, клубок судеб и явлений.

- Ты что молчишь?

- Да, да! Спасать, конечно, – думая ещё о своём, произнёс Вертопрах. – Найдём мы его. Я ещё одну могилу нашёл, пока не разрытую, и он там был.

- Ты уверен?

- Наследил. Привычка пожарника окурки растирать о сапог.

- А что же он её не раскопал? И слушай, что за мода здесь была покойников по тайге хоронить? Словно иноверцы… Ни крестов, ни полумесяцев - одни затёсы.

- Не знаю, Егор. Может, и здесь какая тайна есть. Теперь уже точно никто не скажет. Разве только ты можешь получить какую-то информацию, как получил об Анисиме и Ларионе. А что не раскопал Соловей могилу, так может, это я его спугнул. Зверем он становится… Скрытный… Ночью придёт.

- Только найдём, сразу же увезу его отсюда, не то пропадёт мужик.

- Не знаю, изменится ли что, даже если и увезёшь. Он живёт сейчас в виртуальном мире, и те грёзы, что навеял ему метеорит, будут тянуть его сюда. Здесь человек вступает за грани реального, потому что его разум по воле излучений теряет блокировку, и человек видит то, что недоступно нормальному человеку. В этом есть определённые прелести, от которых человек не может, да и не хочет избавиться. Это наркотик. Наркотик тоже снимает у человека блокировку, и тот тоже видит то, что не видят другие. И не только видит, но принимает виртуальное участие. И за это расплачивается своей зависимостью. Здесь я не знаю, какая для человека предусмотрена расплата…

На место пришли, когда почти стемнело. Расположились под разлапистой пихтой, ветви которой скрывали их от постороннего глаза. Могильного холмика было уже почти не видать. Егор напрягал слух, но ничего, кроме шорохов тайги, не слышал. В голову пришли мысли, от которых

стало не по себе: «Как зверя скрадываем! Не покурить, не шевельнуться! Кому расскажи - дураком сочтут. И кого скрадываем, лучшего друга! Вот ведь как в жизни бывает… И охотничий сезон псу под хвост. Только сам виноват! Что попёрся? Места посмотреть хотел?» И тут же ловил себя на слове: не в местах дело! Потому что, как нашёл этот крест, покой потерял. Другим становиться стал, самому себе не понятным. От этого, скорее всего, и пришёл сюда. А вот сможет ли уйти отсюда - твёрдо знал: уйдёт! Только вот Соловья спасёт, и вместе уедут. Соловьеву лодку на прицеп и… Катись к чёртовой матери красота эта! Вот почему люди не охотятся здесь? Может, кто и заходил сюда, пробовал охотиться, только потом бежал отсюда, как от чумы, да и молчал потом про эти места, чтобы дураком не сочли. А он попёрся… Ещё тогда, на пожаре, Соловей отговаривал его и про нехорошие места говорил. А нет! Не послушал! Выходит, тогда на пожар Вертопрахов выходил. Его это почуял Егор, и сдаётся ему сейчас, что Соловей здесь раньше был… Откуда про все могилы знает? Вкралось подозрение: «А тот ли человек Вертопрах, за кого себя выдаёт?» И тут же откинул от себя эту мысль. Тот! Если бы он тоже здесь золото искал, по-другому вел бы себя. Золото, оно не только соседей не любит, но даже родственников.

В свете луны показалась ломаная тень. Вертопрах ткнул кулаком Егора в бок, тот прижал палец к губам. И только уже у самой могилы увидели согнувшегося человека. У Егора опять пронеслось в голове: «А может, это и не Соловей вовсе?.. А кружка?..» Человек прислонил ружьё к тонкой берёзке и прислушался. Потом скинул рюкзак и стал в нём копаться, но при этом и правда, словно зверь, не терял контроля за местностью, ловил запахи и шорохи. Потом, успокоившись, начал разрывать сапёрной лопатой дёрн. Егор жестами показал Вертопраху, что пусть тот углубится в яме, и только после этого можно будет брать. Начни брать сейчас - угробит со страху кого-нибудь. Земля шумела по листве, и Гончар знал, что сейчас человек ничего не слышит. А тот был занят и спешил, копал без перекуров. Когда над ямой осталась видна одна голова, тронул Вертопраха за плечо, шепнув: «Пора...»

Выскочив из укрытия, в один момент пересекли небольшую полянку и были уже у ямы. Гончар ещё успел ногой повалить ружьё. Навалились вдвоём, блокировав человеку руки, выбили из рук лопату и сняли нож с пояса. Да, это был Соловей! Егор сразу опознал его в темноте: из-под сбившегося капюшона торчала соловьёвская лысина. Повалили на землю, и Вертопрах связал ему руки. Соловей не выдал ни одного слова. Может, от неожиданности, может, от страха - только рычал да норовил укусить. Вытащив Соловья из недокопанной могилы, Егор что есть силы врезал ему в ухо.

- Мать твою! Урод! Стрелок хренов! Дострелялся!

А на душе было радостно: нашёл друга! Запалил костёр и подтащил Соловья к костру. Вытряхнул содержимое его рюкзака на траву и услышал, как забрякал метал, завёрнутый в старенький полог.

- Однако нашёл ты золото…

- Не тронь! - впервые произнёс Соловей. – Моё оно!

Гончар, не слушая вопли друга, вытряхнул из полога ржавые кандалы. Вертопрахов поднял цепи и рассматривал их при свете костра.

- И что? Ради этого он копал? Он что, золота никогда не видел?

- Видел… Не в себе он! Для него сейчас весь чермет золото… Что же ты, Володька, по своим палил?

Соловей сидел, насупившись, опустил глаза к земле. Видно было, что он не смирился со своей участью. Произнёс хрипло:

- А где здесь свои? Вы что ли? Вас же нет - это земля призраков. А вы просто прах! Каждую ночь вы меня навещаете! Только солнце взойдёт и убьёт вас снова! - Глянул в упор на Егора безумными глазами. - Верните мне золото! И развяжите путы!

- Возьми своё золото, коли оно тебя греет! - Егор повесил цепи на шею Соловью. - В психушку тебе пора, гробокопатель! Перетрудился!

Увидел Егор, как безумные глаза Соловья стали в одночасье умиротворёнными, но не такими, какими были прежде. В них прослеживался страх и что-то звериное. Он видел такие глаза у любого зверя и зверька попавшегося в капкан.

- Это последствие небесного наркотика, Вертопрах?

- Не обязательно, Егор! Каждый сходит с ума по-своему…

Ехать на заимку Соловей решил не сразу - мучился и никак не мог решиться. И не поехал бы, если бы отговорил тогда Егора на пожаре не ходить туда. Но когда вернулся Егор, Соловей, увидев в нём странности, понял, что Гончар что-то нашёл. Недаром ещё потерявшийся Вертопрах рассказывал про золото и странную заимку. А когда вдруг ни с чего Гончар стал просить у него прощения, только укрепился в своих догадках. Но открыто не спросил, думал: сам Егор с ним поделиться со временем. Но кончились пожары, выехали домой, и не один раз приходил он к Егору. Только тот – молчок! Увидел он, что замкнутым иногда Гончар становится, думы какие-то думает, видел, что не таким стал друг, не как прежде. А в последний раз и выпили с ним изрядно, только это не помогло. Да он на это и не слишком надеялся, потому как споить Егора было себе дороже. Да и не был он болтливым никогда. А потом порассуждал на досуге: кто же золотом поделится? И тут вот сразу всё и началось. Сначала появилась зависть к Егору. И так ему всю жизнь везёт! На охоте успешный, всегда фарт. Семейные дела всегда в порядке. Даже если и на сторону куда сбегает, и Настя накроет, а всё одно улыбка до ушей - и Настя прощает. А сейчас, если золото нашёл, вообще в гору пойдёт. «Буран» себе, поди, купит или машину, а он опять пролетит мимо денег – как всегда. Потом злоба появилась. Настя вон какая весёлая ходит, будто в лотерею выиграла! Да и сам Егор во весь рот смеётся при встрече. А может, это над ним смеётся? Мол, смотри, как жить надо! А он не умеет. На охоте не очень везёт – так, детишкам на молочишко. И решился!

Куда ехать, знал. Ещё на пожаре видел, как Егор лесоустроительную карту рассматривал да пальцем по кварталам водил вплоть до реки. Запомнил. Потом уже дома по память начертил маршрут, а у Семёна Кобылина номер квартала записал, где на последнем пожаре сидели. Найти - найдёт. Только сомнения были: а что если Егор всё золото забрал? И он опять как всегда мимо… Но тут же уверял себя: недолго ведь был, да ещё на дорогу сколько времени ушло. Не на столе ведь оно там лежало! Его ведь искать надо. И тут же снова дуракам везёт… Запас продуктов сделал на всякий случай, чтобы месяца два продержаться, хотя думал, что к шуге вернётся. Только прихватил с собой ручную лебёдку, чтобы лодку не на воде оставлять, а на берег поднять: даже если кто мимо поедет, чтобы не знали, что люди там есть.

Отчалил ещё до охотничьего сезона, чтобы меньше глаз было на реке. Когда сезон начинается, на реке словно на автостраде. Моторы ревут, каждый по своим участкам разъезжается. А участок Соловья в другой стороне. Интерес проявят.

Место нашёл сразу. Только долго искал, куда лодку вытащить, чтобы не сразу, если кто приедет да по берегу будет рыскать, в глаза бросалась. А

соловьеву лодку узнает и ребёнок. Все давно уже лет двадцать на «южанках» да «казанках» ездят, а он всё на своей, самодельной. Течёт она с тех пор, как сделал. Пока едешь. в одной руке - румпель, во второй - ковшик воду черпать. Купить новую лодку давно бы мог, и деньги есть, только задавал себе всегда вопрос – зачем? На этой ведь ещё не тонет! Вот найдёт золото - купит себе катер! И все позавидуют, и Егор тоже. Хотя что Егор? Тот может и не позавидовать: он с деньгами и вещами расставался легко. Спальник вот ему как-то подарил, а его, весь драный, в костёр бросил. А у него что, нового спальника не было что ли? Был! Только что новый трепать, когда старый ещё греет? И вспомнив про спальник, вдруг горечь ощутил к самому себе. Друг ведь всё-таки, а он в подозрения ударился. Нехорошо как-то! И вновь мысль, как ржа, разъедать стала: а что он с другом золотом не поделился? Сначала там, на пожаре, хотел было с ним идти, только подумал: «Лучше пусть идёт один! Может, и вернётся…» Только настырный он! Пока заимку не нашёл, не вернулся. А пришёл и тихушничать стал. Может, он и прав…

Заимку обследовал вечер и ночь, пока не посадил батарейки у фонарика, но кроме пыли и старья ничего не нашёл. На чердаке, увидев погребальную колоду, сел на корточки, не решаясь открыть крышку. Но в конце концов пересилил себя и сдвинул тяжёлую крышку. Там было пусто. Да он и знал, что там не будет никого: знал старые обычаи заготавливать себе домовину заранее. Спустился с чердака и сел на крыльце дома. Почему-то стало тошнить, и голова стала тяжёлой, как после беспробудной пьянки.

- Устал видно… - проговорил вслух.

Хотел закурить, но увидел, как от освещённого луной примыкающего к поляне кедровника выходит на поляну человек. Взвёл курки старенькой двустволки и шевелясь стал ждать. Голова же наполнилась звоном, словно все комары округи слетелись к Соловью. Осторожно потряс головой, стараясь, избавиться от проникающего будто в сам мозг звона. «Что за чёрт?» - подумал про себя, ни на секунду не выпуская из виду идущего. По поляне, не таясь, шел человек, одетый в чёрную рясу с огромным золотым крестом на шее. Откуда здесь поп? Что ему надо? По спине пробежал озноб. Говорил ведь Вертопрах: место здесь странное - не поверил! Думал, что специально отпугивает, чтобы охоты не было наведаться сюда.

- Кто ты? – заорал Соловей, срываясь на фальцет. – Не подходи! Застрелю!

И словно ветер по траве прошёл, но будто голос, только тихий и почему-то свистящий.

- Разве можно убить то, чего нет…

- Как это нет? Я вижу тебя, поп! Если ты не сам сатана...

- Не всегда человек видит глазами… За золотом пришёл?..

От таких слов непроизвольно протёр глаза. Видение исчезло. Страх заполз под энцефалитку. Да что тут творится? Чувствуя, что его уже поколачивает нервная дрожь, не отрывая задницы от широких половиц, толкаясь только ногами, придвинулся спиной к срубу дома.

- Господи, сколько мать заставляла отче наш учить - не слушал… - шептал еле слышно Соловей. Беспорядочно крестился левой рукой, в правой же было зажато ружьё.

-До утра бы дожить… А может, это он простыл? Ноги всю дорогу в воде.

Потрогал лоб трясущейся рукой: лоб был холодный, только звон стоял в голове, перерастающий из комариного в звон одинокого колокола, монотонного и несущего страх.

- Что он про золото говорил? - вспоминал после видения Соловей. – Откуда он знает?

И тут же снова чертыхнулся: привиделось ведь! Сейчас же никого нет! Нервно достал сигарету и крутанул колёсико зажигалки. Маленький огонёк выхватил черные стены избы и погас. Затянулся глубоко, подумал, что не надо было вечером сюда идти. Переспал бы у костра, где лодка, нет – спешил, как будто подгонял кто!

- Сам себя и подгонял, – опять голос из темноты. – Жадность твоя… Только золото, оно власть имеет. И над тобой будет властвовать, рабом тебя сделает.

Вжался спиной в стену. Точно заболел! Никого здесь нет, а голоса отовсюду. И звон колокольный голову рвёт. Жалко, спирт в лодке оставил, против простуды хорошо помогает. Сейчас накатил бы стакан и спал как убитый. А теперь до лодки не дойти: все глаза повытыкаешь. И опять голос из темноты, только звучит, как-то странно, будто не ушами он его слышит, а рождается голос против его воли в самой его голове.

- А ты не пойдёшь - ты побежишь, потому как бег твой к золоту приведёт.

- Кто ты??? - чувствуя истерику, заорал в темноту Соловей. И в ответ эхо в тысячу голосов прогремело, отрывая его от стены.

- Ты! Ты! Ты!

Но эхо уже где-то слышалось со спины и боков, а впереди хлестали по лицу ветви, заглушая голос. Он падал, и снова вставал, и бежал, пока, зацепившись о корень, не ударился головой о валявшийся на земле позеленевший сосновый сук. Колокол перестал нести звон, земля приняла его мягкой цыганской периной. В памяти, как огонёк, тлела затухающая последняя фраза: «Бег твой приведёт к золоту...»

Очнулся Соловей, когда уже было светло. Ружьё валялось поодаль: видно, при падении вылетело из рук. Лицо было в запёкшейся крови. Пощупал рукой больной лоб, обнаружив там большую ссадину. Закурил, прокручивая в голове ночные события. С рассветом страхи прошли, и не было в голове ни вчерашнего колокольного звона, ни голосов. Курил сигарету за сигаретой, стараясь понять, что же всё таки было с ним ночью. Подумал: «Если это от одиночества в тайге Так что ему, привыкать что ли? Считай, уже лет двадцать один охотится, и сроду таких страшилок не было».

В груди что-то заныло, и захотелось всё бросить и вернуться вновь домой. Только было стал подниматься, как увидел, что сидит на небольшом холмике, а напротив, на сосне, зарубка, затёкшая смолой. А в памяти, как отпечаталось: «Бег твой к золоту приведёт…»

Копал, забыв про ночной страх, без лопаты, руками, изредка помогая ножом, разрезая сплётшие небольшие коренья. Даже пытался насвистывать в предвкушении, что вот сейчас, ещё немного - и его, Соловья, будет рукой не достать!.. А золота тут, видно. Порядком: холмик длинный отсыпан. И наконец, ногтями в земле скребанул по чему-то деревянному. Ну вот и всё! Ногой соскрёб землю с дерева. Увидел, что это не просто лесина, а тёсанная топором вроде горбылины крышка. Самодовольно и вслух произнёс:

- Вот и мне фарт случился, не только Егору!

Кое-как очистил крышку и остановился в раздумьях. Где-то он такую уже видел? И совсем недавно. Привалился к земляной стене ямы, курил, соображая. Да это же домовина! На чердаке заимки стоит такая же! Это, выходит, могилу чью-то раскопал? Опять противно задрожали руки. Уходить надо отсюда. Не хорошо это - кости беспокоить, не по-христиански. Но кто-то

или что-то привело его сюда! И зачем? И тут голос опять свистящий вспомнился: «Бег твой к золоту тебя приведёт…» А может, это не могила вовсе? Креста нет, ни имени, ни фамилии - один затёс, заплывший смолой. Зацепил крышку, ломая ногти, приподнял. И будто опять звон колокола в ушах, и голос:

- Стоит только переступить черту…

Бросил крышку, вылез из ямы и сел на выкинутую землю. Стал себя корить: «Трус да и только! Шизофреником стал! Голоса повсюду да колокола звенят! Так никогда богатым не стану! Вот возьми Егора! На берлогу ходит один. Спрашивал: боится ли? Говорит, боится. А зачем тогда ходишь? Мясо у тебя в достатке по двору ходит. Тот заулыбался и отвечает: так охота же! Странный он однако… Судьбу что ли испытывает». А вот он, Соловей, на берлогу ни разу не ходил. И вроде не боится, только всегда думает: а зачем? Нехватки адреналина не испытывает. Только с такими думами разве Егора переплюнешь? Учился вот на экстрасенса, только понял, что лечить не может. Думал со временем придёт: азы получил. А нет! Егор шуточками да с пьяной весёлостью большего добился. Видно, судьба, она смелых любит…

Спрыгнул вновь в яму. Даже если там покойник, что он ему сделает? Все когда-то там будем. Страх надо переступить, а не черту. И рывком откинул крышку к земляной стене! В домовине увидел ночного гостя заимки в чёрной поповской рясе. И в голове снова загремели колокола. Соловей зажал уши руками, стараясь погасить этот звон, разрывающий его голову на части. И снова голос, рождающийся в нём, такой же свистящий как ночью:

- Вот ты и за чертой…

Оглядел, как бы украдкой, то, что осталось от покойника, отводя глаза от желтоватого черепа обрамлённого длинным седым волосом. И заметил, что вчера, когда этот поп к нему явился, на нём был золотой крест. А вот похоронен почему-то без креста.

- Ты ищешь золото? Возьми во изголовье… Там твоё золото, ты выбрал его сам…

Пересиливая уже не страх, а брезгливость, Соловей полез во изголовье, сталкивая с места жёлтый череп. Нащупал под истлевшей холщёвой подушкой, набитой жёлтыми берёзовыми листьями, что-то тяжёлое и потянул на себя. И в душу пришло ликованье: вот оно, золото! Зацепивши1ся за вытаскиваемый предмет череп сдвинулся на грудь и уставился пустыми глазницами на гробокопателя. Соловей в страхе отпрянул: показалось, что вспыхнули где-то в глубине глазниц, словно горящие уголья, глаза. Но вместо золота Соловей увидел ржавые цепи.

- Но это же цепи, а не золото!.. - закричал во весь лес, и голос его подхватило вороньё, поднимаясь с деревьев, окружающих поляну.

- Это твоё золото! Ты видишь в другом свете…

- А где же крест!

В какую-то секунду поймал себя на мысли, что разговаривает с покойником.

- Крест, говоришь? Крест там, остался за чертой… Ты не ищи его, здесь много есть другого. Я поведу тебя.

Опять на какое-то мгновение пришла в голову реалистичность, что он сходит с ума, но только на какое-то мгновенье. Он с силой захлопнул крышку домовины и выскочил на поверхность. Положил цепи в рюкзак, валяющийся на поляне, и снова закурил. Звон колокола в ушах пропал. Голоса смолкли. Только появилось чувство, что он стал другой. Сильный, уверенный, самодостаточный! И груз золотых цепей веселил и радовал.

И с этого момента жизнь для Соловья разделилась на день и ночь. Ночью он, сильный и бесстрашный, со страшным чёрным проводником ходит от могилы к могиле и ищет свой фарт. При первых лучах солнца он становится скрытным и идёт в своё логово, выкопанное под толстой кедрой недалеко от вытащенной лодки. Ложится и замирает на несколько часов в ожидании темноты и своего проводника в рясе. Несколько раз по дороге в логово видел людей, стрелял в них, чувствуя, что они пришли за его золотом. Только никого не мог убить: всё происходило как во сне. Люди почему-то переломлялись, словно тени, и исчезали, словно пар. Он приходил на место стоящего человека, но не было ни крови, ни помятой травы. Как-то спросил об этом своего чёрного проводника. И тот ответил непонятно для Соловья:

- Я сказал тебе: ты видишь в другом свете. А искажённое сознание несёт и нереальные картины… То, чего нет, или когда-то было.

- Ты хочешь сказать, их нет?

- Скорей наоборот…

Удивился Соловей:

- Я не пойму… Как это?

- Меня вот нет… А ты за мной ходишь.

- Ты хочешь сказать: они уже мертвы?

И снова Соловей увидел, как вспыхнул огонь в глазницах.

- Тебе же я сказал, теперь ты за чертой. Переступить её обратно?.. Не знаю, сможешь ли? Покажет время...

Глава 14

Егор спешно собирался домой. Все попытки привести Соловья в нормальное состояние не увенчались успехом. Пробовали напоить – пил, только состояние не менялось. Выпив стакан разведённого спирта, сразу засыпал, мычал только во сне. Егор надеялся дня два, что всё-таки снизойдет

на него какое-то просветление, и Соловей его узнает. Пробовали развязать - тоже безуспешно: еле догнали, а когда, догнав, свалили, царапался и визжал, называя всех оборотнями и мертвецами. Егор попытался снять с его шеи ржавые кандалы, которые сам же повесил, чтобы не мозолили ему шею, – сразу случилась истерика. Егор специально перестал обращать на него внимание, стараясь незаметно уловить что-то новое в его взгляде, хоть какое-то просветление. Напрасно! Взгляд был мутный, с расширенными зрачками, не бегающий, устремлённый в одну точку.

- Дуркуй, дуркуй! Недолго осталось! Поведу тебя на твоей же цепи по деревне, как медведя, - сразу славу себе обретёшь. Вертопрах, а может у него белая горячка? А что? Взял водяры с собой не в меру - и надорвался один?

- Нет, Егор! Это не горячка, не успокаивай ты сам себя. Ты что, людей с белой горячкой не видел? Повернулся он! И я даже подозреваю, что и метеорит здесь ни при чём. Никто до этого с ума ведь здесь не сходил?

- Да все тут были сумасшедшие, Вертопрах! Какие тихие, какие агрессивные. А мы с тобой лучше? Расскажи кому - в любой клинике диагноз поставят. Мы и отличаемся от Соловья тем, что воробьям фиги не показываем… А так - такие же! Верим тому, что не видим.

- Вот это и называется разблокировкой сознания. Здесь это происходит независимо от нас. И что в этом плохого?

- А хорошего что? Вон сидит Соловей. Он же не с нами, а вообще не понять где.

- Интересно бы его расспросить, Егор! Что он сейчас видит?

- Так ты поезжай в психушку, там и расспрашивай. Знаешь, чего порасскажут, - у самого крыша поедет… Завтра отчаливаю! Вот только вещи соловьёвские разыщу и лодку. А то когда в память придёт, узнает, что я всё тут бросил, - точно сдвинется.

Соловей лежал, закрыв глаза. Он смирился с тем, что связан. Сегодня ночью опять приходил к нему проводник. Соловей просил его развязать, только тот ничего делать не стал. Посидел над лежащим Соловьём и, как показалось ему, с сожалением вздохнул:

- Они ведут тебя другой дорогой…

- Какой дорогой, поп? – мысленно спросил.

- А той, которую увидел лишь в конце пути…

Последний раз увидел Соловей, как вспыхнули глазницы у проводника, и он растаял в темноте.

- А как же золото? – задал себе вопрос и тут же получил ответ.

- А это искушенье…

После много часовых поисков в пойме реки Егор, наконец, набрёл на лодку, замаскированную пихтовыми ветвями. Скарб в лодке был небольшой: пара мешков с сухарями, крупа, да тушёнка, и ещё разные нужные в тайге мелочи. Ни капканов, ни сетей Егор не обнаружил. Значит, Соловей ехал только с определённой целью: найти золото. «Наслушался бедолага Вертопраховых басен, - пожалел друга Егор, - что невменяемым стал». Знал, что это пройдёт у него, как мысль стать экстрасенсом. И он, Гончар, поможет ему: столько лет ведь вместе! На покатах спустил лодку в реку, оставив скарб на берегу. Но то ли от того, что лодка ударилась кормой, то ли уж время ей пришло - на глазах у Егора она наполнилась водой и затонула. Чертыхнулся и сел курить. А может, это и к лучшему… Пусть начинает жить по-новому! Новая лодка, новые мысли, а не только чтобы разбогатеть, и выправят в нём то. что потерял. Егор чувствовал и свою вину - не доглядел! Видел ведь в

последнее время, что другим становится Соловей: хохмить перестал, улыбка исчезла, думать постоянно стал о чём-то. Да оно и понятно: один, без жены, дома никто не ждёт. Вот придёт с работы и лежит со своими мыслями один. Улыбнулся: а у него вот всё по другому! Сам иногда одиночества ищет, от жены, от друзей, от выпивки. От последнего, правда, реже. И неизвестно, что бы было с ним, окажись он с золотом один? Может, и его бы постигла бы такая судьба… А ещё придётся перед Настей ответ держать за крест. А то скажет, пропил или ещё хуже - зазнобе подарил.

Оставшись один, Вертопрах размышлял, ожидая Егора. Соловей лежал на крыльце, молча уставившись в почерневшую дранку навеса над крыльцом. С самого утра он не проронил ни слова, будто окаменел. Сначала Вертопрах отвлекался от раздумий на Соловья, но потом они полностью поглотили его сознание. Наконец после двух лет отшельничества на дедовой заимке ему в голову пришло впервые более или менее вразумительное объяснение тому, что же здесь происходило и происходит. Все его размышления выстроились в цепочку, и не стало ни одного порванного звена. Он связал видение Егора, рассказы бабушки и свои нечастые галлюцинации, которые время от время приходят к нему здесь.

Все началось в июне девятьсот восьмого, когда космический пришелец взорвался в атмосфере, так и не достигнув земли. Многочисленные осколки шлейфом на сотни километров легли по малонаселённой Сибири, от Подкаменой Тунгуски до Обь-Чулымского бассейна. Первыми стали покидать обжитые места звери, но не от вспыхнувших пожаров и ураганного ветра, а потому, что почувствовали необъяснимую волну страха и свою вдруг незащищенность. Вертопрахову было понятно, почему: зверь, он чувствует во стократ сильнее, чем человек, потому что живёт и приспосабливается к природе. Это человек во все века старается приспособить под себя природу и тем самым теряет качества, которыми был наделён самой же природой. Потом стало уходить коренное население мест, где произошло падение небесных осколков. С этим тоже было ясно. Тунгусы и эвенки - это дети природы, они интуитивно чувствовали приближающееся неведомое, - а вернее, неподдающееся объяснению - явление. Они одинаково мирно могли жить со своими лесными духами, задабривая их перед удачной охотой то цветными ленточками, то орнаментной вышивкой парок и малиц. А здесь, почувствовали, что новые духи стали входить в их тело, заставляя их творить неведомое: одни вдруг становились оленями, другие же - волками и медведями. И начала проливаться кровь. Шаманы стойбищ уговорили откочевать из проклятых мест.

Когда пришли старатели под предводительством Смолокура и построили эту заимку, сначала всё было хорошо, до определённого момента - и этот момент стал поворотным для обитателей заимки - когда впервые пролилась кровь ради золота. И вся старательская артель подцепила эту заразу. Для них перестали существовать людские законы. Они позабыли свои семьи и дома и жили только ради одного: стать богаче! Хотелось иметь столько золота, чтобы оно никогда не кончалось. И его добывали, но не в шурфах и ручьях с лотком в ледяной воде, а на узких лесных тропах, с кистенём да топором за поясом.

А виною был в какой-то мере небесный пришелец. Это он, подобно неведомому тогда компьютеру, собирал, анализировал и время от времени выбрасывал в атмосферу информацию. Сначала о первых обитателях тайги - зверях, потом эту же информацию смешанную, самую яркую и агрессивную

коренному населению, от чего те получая эти излучения становились на путь раздора. И как понял Вертопрах, всё зависит тоже и от самого человека. Камень несёт только излучение, а характер и внутренняя сущность самого человека выбирает себе близкое по духу: становиться медведем или оленем…

Вот почему в какое-то просветления сознания, или после того, когда отлил Смолокур золотой крест не зная почему, и может от этого что помнит Бога, каким бы не был кровавым разбойником и получил наставлению свыше? Понял вдруг Смолокур, что таит эта необычная земля. Оттого и часовню строить начал, и уже почти построил, надеясь, что привезёт сюда священника и тот сможет принести мир в их сознание и души. Но сотоварищи сожгли часовню, отрёкшись ото всего: от Бога, дома – видимо, им не дал Господь просветления разума. И тогда артельный из двух зол выбрал меньшее - сжёг своих товарищей в избе, потому как понял, что с каждым часом жестокость их растёт и они будут убивать самыми изощренными способами. И было бы за что убивать? Золото лежало мёртвым грузом, его не пускали в дело, не покупали особняков, не открывали торговые лавки. Ради чего? Ради того, чтобы оно было?

Вертопраху стало даже жарко от своих мыслей. А что если метеорит ко всему прочему ещё и моделирует будущее каждого человека? Может, Смолокур, явившись в храм к Анисиму, уже знал, что погибнет там и пришёл туда, как баран на заклание. И миссия его была отправить туда Анисима. Знал, что тот не устоит перед золотом, и всё ему поведал. Знал всё же, что тот построит там часовню. И пусть не он - пусть кто-то другой! - но отслужит там службу и наполнит небесный осколок миром и добром. И видно знал, что после этого вознесётся, и, словно дьявол во плоти, искушал Анисима, выставив напоказ тяжёлый крест литого золота на кандальной цепи. Не просил его построить храм или часовню, или отслужить службу – видимо, знал, что тот покусится на дармовое богатство - а только исповедовался честно, как перед самим Господом. И исповедь его не прошла бесследно: переступил заповедь Анисим… Но такова была миссия Смолокура - искусить и направить священника, где злоба и добро, чтобы понять ему своё бытие на земле, взглянуть на себя и на окружающий его мир глазами дьявола и бога… И только после этого, когда тот поймёт свою настоящую сущность, он сможет построить таёжную часовню. И пройдёт первая и последняя его служба, где он увидит Бога и возжелает его коснуться… Только никто не может коснутбся Бога! Это Бог может коснуться человека, наделяя его талантом и сверхвозможностями. Мир так создан! За всё, что творишь на земле, у каждого своя плата.

И сейчас, глядя на звероватого и невменяемого Соловья, Вертопрах стал понимать, что небесный осколок не утратил своей силы. Так же он действует на сознание человека, и так же как в далёкие времена на каждого по-разному, и всё зависит от внутреннего состояния. Вот Егор увидел только историю заимки, потому что человек пришёл сюда не ради наживы, а скорее из интереса: захотелось узнать тайну. Ларион жил тоже не ради наживы: привык, привык быть свободным, как зверь. Здесь ничего не бывает с теми, кто приходит и уходит отсюда с чистыми помыслами. Наоборот, они получают знания, для них могут раскрыться тайны природы, они познают себя изнутри, те неведомые стороны, которые в них заложены изначально, но не раскрытые, спящие. Быть может, ради этого и пытались построит храм и Смолокур, и Анисим. Анисим говорил: святая земля… И он был прав, не случись здесь убийства. Если бы люди всегда несли в пространство добро, оно бы возвращалось к ним во стократ. Но каждый человек и плох, и хорош по-

своему… И здесь это осязаемо, словно смотришь в зеркало, хотя порой себя не узнаёшь.

Егор сбросил вещи и сел рядом с Соловьём, взглянул в его мутные глаза и развязал связанные руки.

- Ну, вот, Володя, завтра и домой. Хватит нам с тобой бродяжить, и так наворотили - не разгребёшь.

- Домой… - как эхо прошептал вдруг Соловей. - А где он, дом? Мне чёрный проводник сказал, я за чертой…

Подошедший Вертопрах приложил палец к губам.

- Егор, он приходит в себя! Не напрягай его сейчас. Он про эту черту уже пару часов бормочет.

- А что за черта, Вертопрах? Как думаешь?

- У каждого она своя… Черта есть грань, которую переступаешь. Это как табу сознания, Егор. Мы все её здесь переступали. Мы видели то, что не может видеть ни один нормальный человек.

- Ты хочешь сказать, что мы все здесь сходили с ума?

- Если бы мы были в городе и обратились в психушку, нас бы признали шизофрениками. Потому как те, кто ведёт приём, они не переступали вот эту грань. Сознание как раз накладывает табу на эту грань, на эту черту. И у сознания благая цель - самозащита.

- От кого?

- От самих себя, от своего разума, Егор. И если бы не это табу сознания, человечество давно бы продвинулось во всех областях науки.

- Тогда почему так происходит? Кто же наделил человека этим табу?

- Природа! Земля наша! Наш земной шар, а может, космос или Бог – понимай, как знаешь. Человечество не готово принять эти знания, потому что тогда оно уничтожит себя, уничтожит планету. Видишь ли, Создатель наделил нас душой, а каждый человек, он разный. И алчность, и страсть к наживе любыми способами повергнет землю в хаос. Вот здесь по воле небесного осколка открылась возможность увидеть себя со стороны, увидеть запредельное. Ты видишь Соловья? Вот ответ на это! Мы не готовы принять тот мир, который рядом. Лишь стоит переступить черту…

- Егор… - подал голос Соловей. – Мы на охоте?

Вертопрах с Егором переглянулись.

- Нет, Соловей! Поехали искать новые охотничьи угодья да загуляли, как всегда. Не шутка - ящик водки!!! – засмеялся Егор, на ходу придумывая легенду другу. - Да тут ещё твою лодку утопили - вот и пили, чтоб ей на дне хорошо лежалось, так сказать за упокой. Спасибо учёному, – показал на Вертопраха, – приютил.

- То-то мне всё снился монах-покойник…

- После такой пьянки и черти приснятся, Соловей! Не бери в голову! Домой приедем - новую лодку тебе купим!

- Не надо мне лодку, Егор… Ты возьми меня с собой… Дома - один, в лесу - один... Вроде и сын есть…

Егор сжал руку друга.

- Возьму! Что, места в тайге не хватит? Да и мне веселее, – и уже для себя. – Да и спокойнее…

Утром, погрузив вещи в Егорову лодку, попрощались с погрустневшим Вертопраховым.

- Может, и ты с нами? Что одному тут делать? Ты ведь всё для себя выяснил. Да и не хорошо быть без вести пропавшим. У каждого человека должна быть пристань…

- Ты прав: пристань должна быть, а она у меня есть… Здесь она, Егор, на данный отрезок времени. Я должен закончить начатое. Я отслужу службу когда-нибудь в этой часовне. Это надо сделать.

- Но на тебе нет сана, Вертопрах? Да и молитвы ты навряд ли знаешь. Как и я…

- Мне кажется, чтобы нести доброе, не нужен сан. Молитвы? Здесь остались книги Анисима - только что они дадут? Молитва придёт сама собой… Из души… Со временем…

Ещё долго стоял Вертопрах на берегу, провожая, что-то шепча вслед. Лодка давно уже скрылась за поворотом, и лишь комариный звук мотора напоминал ему, что были здесь совсем недавно люди. Его не пугало, как и прежде одиночество – видно, кровь деда Лариона была сильнее материнской. А вслед уплывавшей лодке впервые шёпотом неслась его первая молитва:

- Идите люди в мир всегда с чистыми помыслами…

Мариинская тайга
2008г

-